

ИЮЛЬ | 2025

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Русский язык. начало

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

РУССКИЙ МИР

04 Музыка, покоряющая сердца

ИНТЕРВЬЮ

ИСТОРИЯ

20 Хроники Древней Руси **26** Парижские путешествия
Карамзинах

34 Загадки
Дома Географии

НАСЛЕДИЕ

МУЗЕИ

56 Счастливый Пушкин

66 Дом, где встал
на крыло Буревестник

КУЛЬТУРА

74 Бойцы «невидимого
фронта»

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

82 Возвращение
земляники

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Александр АЛИМОВ

Главный редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора
Ирина ИВИНА
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Над номером работали:

Арина АБРОСИМОВА
Илья БРУШТЕЙН
Александр БУРЫЙ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Наталья ЗОЛОТАРЕВА
Алексей КАРПОВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Евгений РЕЗЕПОВ
Ольга СЕВРЮГИНА
Андрей СЕМАШКО
Наталия ТАНЬШИНА
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
Владимир БОРТНИКОВ

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжели БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ
ВИКТОРОВИЧ**
Министр
иностранных дел
России
(председатель
попечительского
совета фонда)

**КРАВЦОВ
СЕРГЕЙ
СЕРГЕЕВИЧ**
Министр
просвещения
России
(заместитель
председателя
попечительского
совета фонда)

**ЛЮБИМОВА
ОЛЬГА
БОРИСОВНА**
Министр
культуры
России

**ФАЛЬКОВ
ВАЛЕРИЙ
НИКОЛАЕВИЧ**
Министр науки
и высшего
образования
России

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**АЛИМОВ
АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ**
Директор
Департамента
по многостороннему
гуманитарному
сотрудничеству
и культурным
связям
МИД России
(председатель
правления фонда)

**РАССУХАНОВ
УСМАН
АБДУЛ-АЗИЕВИЧ**
Директор
Департамента
интеграции
национальной
системы
образования
и международного
сотрудничества

**ТРИНЧЕНКО
КСЕНИЯ
ОЛЕГОВНА**
Директор
Департамента
международного
сотрудничества
Минобрнауки
России

**КУЗНЕЦОВ
АНТОН
АНДРЕЕВИЧ**
Заместитель
директора
Департамента
государственной
поддержки
искусства
и народного
творчества
Минкультуры
России

**ШЕВЦОВ
ПАВЕЛ
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
руководителя
Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ЯМПОЛЬСКАЯ
ЕЛЕНА
АЛЕКСАНДРОВНА**
Советник
президента
России
**(председатель
наблюдательного
совета фонда)**

**ПАНКИН
АЛЕКСАНДР
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
министра
иностранных дел
России
**(заместитель
председателя
наблюдательного
совета фонда)**

**КОРНЕЕВ
АНДРЕЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ**
Статс-секретарь,
заместитель
министра
просвещения
России

**КРОПАЧЕВ
НИКОЛАЙ
МИХАЙЛОВИЧ**
Ректор федераль-
ного государствен-
ного бюджетного
образовательного
учреждения высшего
образования «Санкт-
Петербургский
государственный
университет»

**МАЛЫШЕВ
АНДРЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ**
Заместитель
министра
культуры
России

**МАСЛОВ
ИГОРЬ
ВЕНИДИКТОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента
России
по межрегиональ-
ным и культурным
связям
с зарубежными
странами

**МОГИЛЕВСКИЙ
КОНСТАНТИН
ИЛЬИЧ**
Заместитель
министра науки
и высшего
образования
России

**НЕВЕРОВ
ИГОРЬ
СВЯТОСЛАВОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента
России
по внешней
политике

**ПРИМАКОВ
ЕВГЕНИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Руководитель
Федерального
агентства по делам
Содружества Неза-
висимых Государств,
соотечественников,
проживающих
за рубежом,
и по международ-
ному гуманитарному
сотрудничеству
(Россотрудничество)

**САДОВНИЧИЙ
ВИКТОР
АНТОНОВИЧ**
Ректор
федерального
государственного
бюджетного
образовательного
учреждения
высшего
образования
«Московский
государственный
университет имени
М.В. Ломоносова»

**ТАРАСОВ
СЕРГЕЙ
ВАЛЕНТИНОВИЧ**
Ректор федераль-
ного государствен-
ного бюджетного
образовательного
учреждения выс-
шего образова-
ния «Российский
государственный
педагогический
университет
имени А.И. Герцена»

**ФИЛАТОВ
АЛЕКСЕЙ
ЕВГЕНЬЕВИЧ**
Начальник
Управления
Президента
России
по приграничному
сотрудничеству

**ФИЛИППОВ
ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВИЧ**
Президент
федерального
государственно-
го автономного
образователь-
ного учреждения
высшего образо-
вания «Российский
университет дружбы
народов имени
Патриса Лумумбы»

**ЧЕРКЕСОВА
БЭЛЛА
МУХАРБИЕВНА**
Заместитель
министра
цифрового
развития, связи
и массовых
коммуникаций
России

**ТОРКУНОВ
АНАТОЛИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**
Ректор
Московского
государственного
института
международных
отношений
(университет)

Вокалист Максим Морозов и пианист Александр Мартынов во время выступления в Бенине

канские участники мастер-классов, а также публика на выступлениях музыкантов слушали рассказы о русских композиторах и поэтах, чьи произведения вошли в концертную программу. В том, что подобный формат культурного обмена оставляет у местных жителей неизгладимое впечатление о России, участники проекта «Восходящие звезды» не сомневаются.

Российским музыкантам удалось принародиться к африканской жаре и высокой влажности, чего не скажешь об инструментах. Особенно сложно пришлось Даниле Алексееву в Бенине и Того: скрипка теряла строй, смычок гнулся и вел себя непривычно. А вот эфиопская столица Аддис-Абеба, расположенная на высоте более 2 тысяч метров, стала вызовом для вокалиста Максима Морозова: горный воздух требовал постоянного контроля за голосовыми связками, а разреженная атмосфера осложняла дыхание. Но участники проекта стойко переносили превратности поездки, понимая важность своей культурной миссии. Неоценимой была и помощь российских дипломатов, оказавших музыкантам всемерную поддержку.

Концерты в Аддис-Абебе прошли с большим успехом, музыканты выступили в Русском доме, в Центральном университете, а также приняли участие в культурной программе на территории модного арт-пространства «Атмосфера».

Последним пунктом африканского тура стало островное государство Маврикий. Здесь российские музыканты, еще не успев отдохнуть после тяжелого перелета с пересадкой на Мадагаскар, столкнулись с огромным интересом со стороны учащихся Национальной консерватории Маврикия. Из-за большого числа желающих трехчасовые мастер-классы пришлось проводить одновременно в трех аудиториях. Педагоги и студенты Маврикия подошли к выбору репертуара с фантазией: они предпочли классике произведения современных авторов. После мастер-классов музыканты проекта «Восходящие звезды» дали концерт на сцене местной консерватории.

МУЗЫКА, ПОКОРЯЮЩАЯ СЕРДЦА

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

ПРОЕКТ «ВОСХОДЯЩИЕ ЗВЕЗДЫ», РЕАЛИЗУЕМЫЙ МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИЕЙ ИМ. П.И. ЧАЙКОВСКОГО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ МИД РОССИИ И ФОНДА «РУССКИЙ МИР», ПРОДОЛЖАЕТСЯ. МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ МУЗЫКАНТЫ СОВЕРШИЛИ ЕЩЕ ДВА ТУРА ПО АФРИКАНСКИМ И АЗИАТСКИМ СТРАНАМ.

ЧАСТИНИКИ ПРОЕКТА «Восходящие звезды» фактически выступают в роли волонтеров масштабного просветительского проекта, главная цель которого – повышение интереса к русскому языку, российскому образованию и отечественной культуре во всем мире. Уникальность этого проекта и в том, что концерты музыканты дают на благотворительной основе, а наградой за непростой труд, да зачастую еще в весьма сложных климатических условиях, им служат новые впечатления, знакомство с культурой и традициями других народов и восторженный прием зрителей.

В ноябре 2023 года учащиеся Московской консерватории отправились в Танзанию и Эфиопию, чтобы дать несколько концертов и мастер-классов. Это был пилотный тур «Восходящих звезд». А в 2024 году состоялись уже три тура: два африканских и один южноамериканский (см.: «Русский мир.ru» №3 за 2025 год, статья «Звезды над континентами»).

И ВНОВЬ АФРИКА

В марте нынешнего года пианист Александр Мартынов, скрипач Данила Алексеев и вокалист Максим Морозов выступили в Бенине, Того, Маврикии и Эфиопии. Рассказывая о путешествии, Александр Мартынов отметил, с каким интересом африканской культуре во всем мире.

ПРЕДОСТАВЛЕНО МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

ПРЕДОСТАВЛЕНО МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИЕЙ

ЗНАКОМСТВО С ИНДИЕЙ

В начале мая в тур по странам Азии отправились вокалисты Карина Ховалыг и Михаил Логинов, а также пианист Станислав Чернухин. Эта поездка была посвящена юбилею Победы, поэтому заметное место в программе занял большой блок песен военных и послевоенных лет, принятых публикой с особенной теплотой.

Первой страной маршрута стала Индия. В Нью-Дели участники проекта жили на территории российского посольства – одного из крупнейших отечественных диппредставительств в мире. Здесь прошел концерт, посвященный сразу двум датам: 78-й годовщине установления российско-индийских дипломатических отношений и 80-летию Победы над нацизмом во Второй мировой войне. «Мы помним один из самых волнующих и трагических моментов той войны, когда во время блокады Ленинграда в 1942 году Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича была исполнена в условиях голода и немецких бомбардировок как свидетельство нескоршумного духа народа», – отметил посол России в Индии Денис Алипов. Он также подчеркнул важность поддержки молодых талантов и организации подобных проектов для развития российско-индийского культурного обмена.

Гости из Москвы поблагодарили российских дипломатов за высокий уровень организации тура, а также за экскурсии в Дели. Большое впечатление на российских музыкантов произвела гробница Хумаюна – мавзолей Великих Моголов, памятник архитектуры XVI века. Удалось также найти время и на осмотр Акшардхама – самого большого индуистского храма в мире.

Хорошо приняла публика и концерт российских музыкантов в Русском доме в Мумбаи, где были исполнены произведения Рахманинова, Римского-Корсакова, Чайковского, Магомаева, Новикова, Листова, Соловьева-Седого, Тухманова. Самой южной точкой на карте Индии, через которую прошел маршрут тура, стал Тривандрум. По словам почетного консула России и директора Русского дома в Тривандруме Ратиша Наира, одним из самых ярких и трогательных моментов концерта было исполнение российскими гостями известной песни «Смугланка». Он отметил, что на своих выступлениях и мастер-классах участники проекта демонстрируют богатство русского языка и искусства, а также высокий уровень российского образования.

Пианист
Станислав
Чернухин (слева)
и вокалист
Михаил Логинов
(справа)
проводят
мастер-класс
в Русском доме
в Тривандруме.
Индия

БАНГЛАДЕШ И МАЛАЙЗИЯ

Воспитанники музыкальной школы в столице Бангладеш Дакке удивили российских музыкантов своим рвением. Они так хотели впечатлить гостей, что попытались освоить произведения, к исполнению которых были еще не готовы. И вместо разбора тонкостей творчества Рахманинова мастер-класс был посвящен правильной посадке за пианино и технике использования педалей. Чувствовалось, что русская классическая музыка поразила и заинтересовала местных жителей.

Совсем другой уровень продемонстрировали учащиеся частного Университета UCSI в Куала-Лумпуре (Малайзия). Концерт и мастер-классы прошли в залах этого вуза, российские музыканты представили произведения русской классики, а также песни военных лет. Местной публике настолько понравилась песня «Подмосковные вечера», что зрители несколько раз требовали исполнить ее на бис. Любопытно, что лучший за все время азиатского тура рояль российские гости обнаружили не в концертных залах, а... в вестибюле торгово-офисного центра в Куала-Лумпуре. Станислав Чернухин просто не смог пройти мимо великолепного Steinway. Он сыграл несколько пьес, заслужив восхищенные взгляды и аплодисменты посетителей.

Участникам проекта удалось посетить Пещеры Бату – индуистский пещерный храмовый комплекс, одну из главных достопримечательностей Куала-Лумпур. Предупреждения российских дипломатов о проказах местных обезьян не помогли: хвостатый воришка запустил лапу в сумку Карины Ховалыг и украл дорожную аптечку. Однако это недоразумение не омрачило общего впечатления от поездки. Музыканты «Восходящих звезд» поблагодарили всех организаторов за уникальное путешествие. А руководство Университета UCSI уже предложило участникам тура, оканчивающим Московскую консерваторию в этом году, поработать в Куала-Лумпуре преподавателями.

Прошедший тур участников проекта «Восходящие звезды» вновь продемонстрировал, что отечественная культура с легкостью завоевывает сердца людей во всем мире и пробуждает интерес к нашей стране и русскому языку.

ПРЕДОСТАВЛЕНО МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИЕЙ

РУССКИЙ ЯЗЫК. НАЧАЛО

БЕСЕДОВАЛА

ИРИНА ИВИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

О ТОМ, КАК ПРОИСХОДИЛО РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА,
КАК РАЗГОВАРИВАЛИ НАШИ ПРЕДКИ И КАКИЕ ЗАПИСИ ОСТАВЛЯЛИ
В КНИГАХ ДРЕВНИЕ ПИСЦЫ, ЖУРНАЛ «РУССКИЙ МИР.RU» БЕСЕДУЕТ С ДОКТОРОМ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ЗАВЕДУЮЩИМ ОТДЕЛОМ ДРЕВНЕРУССКОГО
ЯЗЫКА ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В.В. ВИНОГРАДОВА РАН
ВАДИМОМ БОРИСОВИЧЕМ КРЫСЬКО

B

АДИМ БОРИСОВИЧ, РАССКАЖИТЕ, как, собственно, появился русский язык?

— История русского языка, а вместе с ним белорусского и украинского, начинается примерно в VI веке нашей эры. Я говорю «примерно», поскольку у нас нет никаких письменных свидетельств того времени. Однозначно не решен и вопрос о славянской прародине, откуда шло расселение по Русской равнине: по разным версиям, она находилась либо на Дунае, либо в Карпатах, либо в районе реки Вислы. Я придерживаюсь первой точки зрения. О том, что восточные славяне пришли с юга, свидетельствует определенная близость восточнославянских языков и древнего болгарского языка — именно древнего, а не его современной версии. Мы обнаруживаем значительное сходство древних памятников на этих двух языках, следовательно, можем предположить, что расселение шло из мест, которые граничили с территориями современного болгарского государства. Археологические источники, ассоциирующиеся со славянами, говорят о том, что примерно в VI-VII веках эти племена пришли на земли Русской равнины, отчасти совсем не заселенные, отчасти заселенные автохтонным населением.

— Какие это были автохтонные племена?

— В первую очередь финские. Чем выше на север шли славяне, тем больше вероятность, что они сталкивались с племенами финно-угорской семьи, состоящей из множества языков и народов. В раннем Средневековье она была еще более разветвленной. И племена, которые говорили на диалектах финской языковой семьи, вошли в соприкосновение с восточными славянами, о чем свидетельствует большое количество заимствований в финно-угорских языках из славянского и наоборот. Хотя заимствования из финских языков были не столь многочисленны.

— Можете привести пример?

— Например, слово «ложка», по-фински *lusikka*. В VII веке, вероятно, славяне произносили его как «лужика». Но в финских языках нет звука «ж», они его в принципе не могут произнести и передают как звук свистящий. Однако звонкого «з» там тоже нет, вместо него «с» — вот и получается *lusikka*. А восточные славяне заимствовали из финских языков прежде всего топонимы. Название города «Вологда», согласно ложной, или народной, этимологии, происходит от слова «влага» — но никакого отношения к влаге не имеет. Это типичный финнизм, связанный по происхождению с названием эстонского города «Валга» или латышского «Валка» — собственно, это один и тот же город, расположенный на границе Эстонии и Латвии.

Автохтонное население могло жить и южнее, здесь мы имеем в виду уже иранские племена,

говорившие на диалектах индоиранской группы индоевропейских языков. В современной России остался лишь один их потомок — осетины. Раньше их было больше, в их число входили и знаменитые скифы, о которых писал Александр Блок. Однако, вопреки мнению поэта, это все-таки не «мы», а исконное население степных территорий Причерноморья. Сарматы, о которых писали древние историки, тоже, скорее всего, были иранскими племенами.

— Выходит, Блок ошибался...

— Иранцы не могли быть с «раскосыми и жадными очами», они не монголоиды. Скифы выглядели примерно так же, как и древние греки, римляне, германцы и славяне. Пришли они оттуда же, откуда и остальные индоиранцы, — с территории современного Индостана. Как и когда наши предки контактировали с иранскими народами, сказать трудно, но сохранились некоторые следы в языке, в первую очередь топонимические, которые тянут на юг, в сторону Индии и Ирана. Например, топоним «Дон», скорее всего, индоиранского происхождения.

Что-то более или менее определенное о славянах мы узнаём из письменных источников греков и арабов, которые позволяют с уверенностью говорить, что, по крайней мере, в IX веке на территориях современных России, Белоруссии и Украины жили славяне — под этим названием они и фигурируют у греков. В X веке в трудах византийского императора Константина Багрянородного уже встречаются отдельные славянские названия, и это была первая фиксация восточнославянской лексики. К этому времени, по мнению значительного числа ученых, праславянский язык — относительно единая общность диалектов славян — уже распадался, если не распался совсем. Появились черты, которые противопоставляют восточных славян остальным славянам. Так, Константин Багрянородный пишет о названиях днепровских порогов, и из этого перечисления видно, что в языке уже возникли некоторые черты, отличные от болгарского, польского или чешского языков. Например, фонетические особенности: «ч» в отглагольных формах вроде «лежачий», «гречучий». Такой звук «ч» противопоставляет восточных славян всем прочим славянам. Древние болгары произносили «щть», то есть не «лежачий», а «леженщть». Уже в IX веке начинали проявляться собственно русские, белорусские и украинские языковые черты.

— Почему вы уже на этом этапе разделяете русский, белорусский и украинский языки?

— Я не разделяю, а, напротив, объединяю их. Эти черты характерны для всех трех языков. В то время русского языка как такового еще не существовало. Его не было, по крайней мере, до XIV-XV веков. Была относительно единая общность

диалектов, которая в науке именуется древнерусским языком. Все три языка произошли от одного предка.

— А если говорить про письменность, откуда мы должны брать точку отсчета?

— Традиционно считается, что славянская письменность была создана Константином (Кириллом) и Мефодием в 863 году. При этом надо иметь в виду, что братья изобрели глаголицу. Кириллица, которой мы пользуемся до сих пор, по всей видимости, была создана в 80-е годы IX века в Болгарии их учениками. Для нас глаголица уже малоактуальна, хотя в Древней Руси сохранились ее следы: глаголические надписи, записи в книгах. К тому времени она уже была чем-то вроде тайнописи, которой владели немногие.

— Как ученые поняли, что кириллица появилась позже? Ведь до сих пор об этом ведутся споры!

— Такие споры могут существовать только за пределами научного мира. Это доказанный факт. В частности, из трактата «О письменах» болгарского монаха Черноризца Храбра ясно, что тот алфавит, который создал Кирилл, — это непохожие на другие алфавиты буквы глаголицы. Говоря откровенно, кириллица — это греческий алфавит, в который добавлено несколько букв, отражающих специфические славянские звуки. Если вы сравните написание греческих заглавных букв с кириллическими, то отличий практически не увидите. Любой русский, приехав в Грецию или на Кипр, сможет прочитать на вывеске слово «трапеза» и наверняка решит, что это ресторан. Но он ошибется, потому что «трапеза» по-гречески — это банк.

— Какие буквы были добавлены в кириллическую версию?

— Например, буква «б». В греческом языке к тому времени звук «б» уже перешел в «в»: если древние греки говорили «басилюс», византийцы произносили «василевс». Не было в греческом и звуков «ш», «ж», «ч» и некоторых других. К 24 греческим буквам нужно было добавить то, что никак нельзя было произнести по-гречески, — задача не такая уж и страшная. Можно было пойти другим путем, приспособив имеющуюся графику под нужды славянской речи, это часто происходит с латиницей: ставится либо значок или точка над буквой — так чехи превращают «з» в «ж», либо звук обозначается группой букв, например sz как «ш» у поляков. К нам кириллица пришла позже, чем к болгарам: к моменту появления письменности они уже несколько десятилетий были христианами, а русские еще оставались язычниками. К моменту, когда князь Владимир Святой крестил Русь, у болгар существовала развитая кириллическая и глаголическая письменность, при этом

глаголица уже отмирала. Кириллические рукописи из Болгарии шли к нам, очевидно, широким потоком.

— При этом известно, что труды Кирилла и Мефодия были практически полностью уничтожены германцами. Почему?

— Славянская письменность и славянское богослужение вообще категорически не соответствовали идеалам и практике Западной церкви.

— Но ведь тогда еще не произошел церковный раскол!

— Разумеется! Но уже существовали два основных религиозных центра — Рим и Константинополь. Последний не препятствовал богослужению на языках «варваров», поэтому византийский император Михаил III и патриарх Фотий отправили в Великую Моравию Константина и Мефодия. Великоморавский князь Ростислав просил императора прислать к нему людей, которые могли бы проповедовать местному населению на близком ему языке. Рим был категорически против, считая, что служба должна вестись только на латыни, а Великоморавская епархия подчинялась Риму, конкретно — немецкому архиепископу. И как только Ростислав умер, его наследник, как это сейчас принято говорить, «прогнулся» под немецким давлением. Славянская письменность на той территории была искоренена, и, если бы некоторые ученики Кирилла и Мефодия не попали в Болгарию, ее судьба могла быть плачевной. Болгары спасли кирилло-мефодиевскую традицию и передали ее нам, за что мы должны быть им благодарны.

Анализ
и перевод
текстов на
древних языках —
важнейшая
задача ученых-
филологов

Остромирово
Евангелие.
1046–1057 годы.
Пергамен,
чернила,
киноварь,
твореное
золото.
Копия. Музей
письменности
Новгородского
государствен-
ного музея-
заповедника

— Выходит, до принятия христианства у восточных славян никакой письменности не было?

— Существуют разные оклонаучные гадания о том, что сохранились камни с какими-то черточками, руническими надписями. Но все это чистой воды спекуляция. Никаких памятников до конца X – начала XI века нет. Конечно, мы не говорим о том, что у восточных славян вообще не было никаких способов передачи информации, но мы не имеем о них представления. Они могли завязывать узелки, например.

— Распространение письменности на Руси было политическим решением, необходимым для укоренения новой веры?

— Конечно. Но не только. Письменность играла деловую роль и нужна была для того, чтобы озвучивать распоряжения начальства.

— Какой письменный памятник считается первым?

— Самый первый – так называемая Гнёздовская надпись на корчаге (амфоре). Ученые читали ее по-разному, но наиболее вероятна версия Романа Якобсона, который полагал, что это владельческая надпись. Часто хозяева писали на предметах свои имена, и на этой амфоре начертано «Горуня». Якобсон предложил считать, что она принадлежала некоему Горуну, но о происхож-

дении этого человека и самого сосуда ничего не известно. Вполне возможно, корчага была привезена с южнославянских территорий, потому непонятно, древнерусский это памятник или южнославянский, болгарский. Более вероятное восточнославянское происхождение имеют так называемые новгородские церы – записи на восковых дощечках, которые обнаружили археологи в Новгороде в начале текущего тысячелетия. Это памятники прежде всего болгарского языка, поскольку они отражают кирилло-мефодиевский перевод Псалтыри. Однако в этих болгарских текстах восточнославянский писец несколько раз проявил свое происхождение, написав буквы, которые показали, что его звуковая система отлична от болгарской. Первый датированный памятник, который однозначно соотносится с древнерусской языковой системой, – это Остромирово Евангелие 1056–1057 годов. Оно было написано в Новгороде для посадника Остюрира, о чем сообщается в так называемой выходной записи: в конце этой огромной, богато оформленной рукописи дьякон Григорий сообщил свое имя и имена новгородского князя и посадника. Подобные выходные записи были нормой, и в книгах, которые сохранились в полном объеме, без оторванных последних листов, часто сообщается, кто был их заказчиком и переписчиком. Поэтому

му мы знаем по именам многих древнерусских писцов. Такими записями, в частности, я сейчас занимаюсь.

Кроме того, существуют недатированные памятники XI века, в первую очередь берестяные грамоты, которые по некоторым физическим или палеографическим параметрам мы можем отнести к этому времени. На территориях восточных славян, прежде всего в Новгороде, обнаружили уже несколько десятков грамот XI века. Таким образом, можно сделать вывод, что спустя несколько десятилетий после принятия христианства письменность на Руси уже процветала.

— Какой древний литературный памятник, на ваш взгляд, самый загадочный?

— Обычно говорят о «Слове о полку Игореве», но это не настолько древний памятник, он создан в конце XII века. Древнейшим памятником восточнославянской литературы считается «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона — его речь о принятии христианско-

го вероисповедания. Оно, конечно, таит в себе много загадок, поскольку дошло до нас в поздних списках. Само сочинение относится к середине XI, а самые ранние списки — к XV веку. За эти четыреста лет в языке произошло многое, ученые до сих пор не всегда могут ответить на вопрос, что означает такая-то форма, такое-то слово. Список — это всегда некое изменение, в нашей славянской традиции не переписывали каждую черточку, и каждый писец вносил в текст что-то свое либо с точки зрения грамматики, фонетики, либо с точки зрения лексики. Если какое-то слово было непонятно, он заменил его другим.

— Существует ли официально принятая периодизация русского языка?

— Конечно! До IX века мы можем говорить о правосточнославянском языке — первом зачатке восточнославянских языков, никак в письменности не отраженном. IX век — это уже древнерусский язык, общий для всего восточного славянства. С XI века начинается письменная

Новгородская
цара. XI век.
Музей
письменности
Новгородского
государствен-
ного музея-
заповедника

история языка. Благодаря тому, что она у нас достаточно богатая, можно утверждать, что такой единый для всех язык сохранялся, по крайней мере, до XIV века. С этого момента, и особенно с XV века, начинается самостоятельная история отдельных восточнославянских языков. На землях, которые попали под монголо-татарское иго, развивается великорусский язык.

– Это было как-то связано с влиянием Золотой Орды?

– Золотая Орда никак не влияла ни на православную веру, ни на язык богослужения, ни на язык общения подданных. А вот на западных территориях дело обстояло совершенно иначе. Они попали под власть Польско-Литовского государства, под католическое владычество. И условия функционирования восточнославянской речи были иными: этот язык стал нежелательным. Мне приходилось издавать памятники XIV века, созданные на западных территориях, – эти тексты просто пронизаны польским влиянием: в них очень много польской лексики, польских грамматических черт. В русском языке полонизмы тоже встречаются, но они появились намного позже, что было связано с культурной экспансиею Польши XVII века, а вот белорусский и украинский языки ополячены сильно. Вместе с тем в Великом княжестве Литовском, например, как считают белорусские ученые, литературным языком и языком деловой письменности был старобелорусский. Украинские ученые с ними не согласятся, полагая, что это был староукраинский. Западноевропейские ученые используют здесь термин «рутенский», которым обозначают общее языковое наследие белорусов и украинцев. Действительно, долгое время, до объединения Великого княжества Литовского с Польшей, основным языком общения был именно этот язык, ведь литовцев было очень мало: они, захватив огромные восточнославянские территории, стали меньшинством.

Таким образом, XIV век – последний период, когда у нас с будущими белорусами и украинцами был один язык. С XV века языки все больше расходятся, и начинается история собственно русского, иначе великорусского, языка. Этот период называется среднерусским или старорусским и длится с XV по XVII век. А с XVIII века, в связи с реформами Петра Великого, начинается новорусский период, в котором мы до сих пор живем. Можно сказать, что система русского языка сложилась именно в Петровскую эпоху.

– А как же изменения языка революционных лет, реформа орфографии 1918 года например?

– Орфографическая реформа на язык никак не повлияла, это было сугубо внешнее изменение, изменение его письменной фиксации. Ну писали «лес» с твердым знаком на конце, а стали без. И что с того?

– Получается, разговор людей Петровской эпохи мы смогли бы легко понять. А тех, кто жил, например, во времена Ивана Грозного?

– Пожалуй, да. Уже к этому времени русский язык утратил архаичные черты, характерные для XII–XIII веков. Но при этом наше аканье даже в Москве того времени показалось бы немного экстравагантным – примерно так, как сейчас звучит для москвичей «г» у южан, приезжающих в столицу. Хотя уже тогда в Москве аканье тоже фиксировалось. Но нормой для речи образованных слоев населения было оканье. До XIV века окали абсолютно все восточные славяне.

– Могли ли какие-то определенные группы, например старообрядцы, до наших дней сохранить язык прошлых веков?

– Такой язык сохраняется в церковных текстах, в литургической практике. Там вполне еще могут встретиться, например, устаревшие формы прошедших времен, которые мы давно не используем. Однако язык развивается, за столько веков он не мог сохраниться в неприкосновенности. В ЮАР, например, сейчас живут белые, многие из них – потомки голландских переселенцев, переехавших в Африку в XVII веке. Они говорят на языке африкаанс, который современные нидерландцы не всегда могут понять, поскольку несколько веков их языки развивались по-разному. Так и старообрядцы – они же не в безвоздушном пространстве все это время жили. Их язык тоже изменился. Древнерусского языка больше нигде нет, он остался только в памятниках письменности.

– Случается ли так, что ученые говорят друг с другом на древнерусском языке?

– Такое возможно лишь в качестве упражнения на семинарах со студентами. Хорошо, если сей-

час в научном мире наберется хотя бы десять человек, которые квалифицированно владеют древнерусским языком. Но я никогда не слышал, чтобы кому-то в голову приходила такая странная мысль.

– Чем сейчас занимается этот узкий круг ученых? Фиксировались ли в последнее время важные открытия, связанные с древними текстами?

– Время от времени на страницах древнерусских книг – их у нас сохранились тысячи – ученые находят записи, которые не удавалось раньше прочитать, а с помощью современных фототехнических средств теперь мы это делаем. Можно сказать, мы понемногу открываем для себя мир древнерусских писцов, которые могли и выругаться на полях рукописей, высказать какие-то интимные пожелания...

– Используете ли вы в своей работе технологии искусственного интеллекта?

– Сейчас, особенно в Западной Европе, уже лет десять говорят про автоматическое распознавание текста. Однако я пока еще не слышал, чтобы кто-то добился в этом выдающихся результатов. Чтобы прочитать древний текст, нужно иметь определенную подготовку. В машину не заложено знание древнерусской лексики и грамматики. У меня нет свидетельств того, чтобы какая-то древняя рукопись была обработана с помощью искусственного интеллекта и представлена миру. Прочесть ее по-прежнему может только квалифицированный специалист с филологическим образованием – приходится признать, что даже историки в этом отношении слабы. Чтение и издание древнерусского текста – очень сложная задача, которая по силам далеко не каждому специалисту.

– Что в вашей работе самое трудное?

– Даже просто поделить текст на слова трудно: наши предки писали их слитно, иногда ставили точки, но они не всегда означали конец предложения. Порой они вообще ничего не означали: например, у писца на конце пера скопилось немного лишних чернил, порой точки появлялись и в середине слова. Даже в научных исследованиях мы сталкиваемся с совершенно безумным словоразделом, который искаляет древние тексты. Общее слабое место большинства исследователей – грамматика древних языков. Недавно я слышал доклад коллеги-историка, который расшифровывает надписи в киевском Софийском соборе, их сохранилось очень много: древние посетители храма приходили на службу, стояли и на свежей штукатурке что-то царпали. Часто писали один поверх другого. Соответственно, надпись 20-х годов XII века надо как-то препарировать, чтобы под ней разглядеть надпись 30-х годов XI столетия. В этом нам сейчас помогают современные

способы сканирования, но читаются эти тексты до сих пор с большим трудом. Надписи активно расшифровывают с 1960-х годов. Сначала этим занимался Сергей Высоцкий, не имевший филологического образования. В них он видел почти современный украинский или русский язык, и его расшифровки нередко абсолютно ненаучны. Современные ученые в меру сил пытаются их пересмотреть.

– О чем шла речь в таких текстах?

– О чем угодно. Часто писали, что в таком-то году умер такой-то князь или княгиня. Например, недавно на стене Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском открыли довольно длинную надпись об убийстве князя Андрея Боголюбского с перечислением имен убийц. Это было настоящее событие! К сожалению, не все удалось расшифровать, поскольку сохранилась она плохо. Также могли в надписях сообщить, что какой-то праздник наступил, а еще пожаловаться: дескать, вот я стою, а у меня голова болит.

– Как вы считаете, могут ли еще случиться sensationalные открытия? Например, обнаружится какая-либо древняя летопись?

– Вероятность очень мала, ведь большинство древних городов, тот же Киев, Чернигов, Рязань и другие, были полностью сожжены. То, что смогло сохраниться в монастырях, в XIX веке было собрано и отправлено для изучения в Москву и Петербург. На моей памяти ни одной ранее неизвестной книги не было найдено, не то что летописи. Обнаружить что-то новое почти нереально, разве что при разборе монастырской стены может открыться тайник. В XIX веке где-то в Вятке игумен одного из монастырей воспыпал таким доверием к исследователю древней письменности, что проговорился: у них есть замурованная келья со старыми книгами – их сокрыли после никоновской церковной реформы. Келью размуроровали и в самом деле обнаружили боль-

Надпись с анафемой убийцам князя Андрея Боголюбского на стене Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском удалось обнаружить только в 2015 году

шое количество книг в ужасном состоянии, ведь хранились они в сырости. Как описывал собиратель древней письменности, они превратились в кашу. Но кое-что можно было прочесть. Недавно я занимался одной из этих рукописей, от нее осталась всего лишь тетрадка в восемь листов, изъеденная мышами. Но на страницах рукописи между двумя церковными песнопениями встретилась прекрасная запись: какой-то монах написал, что коврига заплесневела и ее невозможно есть. Его это просто потрясло! Человек, может, весь пост мечтал поесть вкусного хлебушка! Потому и решил внести от себя такую запись. Подобные записи – очень важное и перспективное направление исследований. Я называю их «экстратексты». Это отличает книги от берестяных грамот, ведь грамота – вещь утилитарная, это письма, которые писали адресатам по делу: спрашивали о долгах, сообщали, что кого-то убили, свидание назначали. А записи в книгах – драгоценная память! Человек находился наедине с собой и считал, что его никто не видит. Один писец жаловался на заказчика книжного спи-

ска, что тот не дает ему мяса. Потом либо он сам, либо позднейшие пользователи запись стерли, а нам с помощью современных средств удалось ее прочитать. Иногда в книге вырезали целые куски, на которых излагались какие-то не подобающие чтению Евангелия пожелания. И когда в толстой книге страниц на триста на трети из них вырезаны куски, понимаешь, что подобные пожелания выражались часто. Есть такая рукопись, в которой сохранился своеобразный дневник псковского писца XIV века, где, к счастью, ничего не было вырезано. Там через каждые несколько листов что-то добавлено, вроде: «Плечи болят, а попадья ушла в гости». Другой пишет: «Через тын пьют, а нас не зовут». Раньше, когда такие рукописи описывались, указывалось: «Следы уничтоженной записи». А сегодня их можно отсканировать, увеличить, пропустить через фильтры – и эта запись становится читаемой. Таким образом, современные ученые сейчас могут найти что-то новое в трех основных зонах исследований: надписях на предметах, записях в книгах и в берестяных грамотах.

«ПРИЗНАНИЕ ПОРАЖЕНИЯ – ПЕРВЫЙ ШАГ К ПОБЕДЕ»

БЕСЕДОВАЛ

ИЛЬЯ БРУШТЕЙН

[ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА
СЕРГЕЯ МАНЖОСА]

ФУТБОЛ СЛЕПЫХ СТАЛ ПАРАЛИМПИЙСКИМ ВИДОМ СПОРТА В 2004-М И ТОГДА ЖЕ БЫЛ ВПЕРВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕН НА ПАРАЛИМПИАДЕ В АФИНАХ. УЖЕ В СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ БЫЛА СОЗДАНА СБОРНАЯ КОМАНДА РОССИИ ПО ФУТБОЛУ СЛЕПЫХ, БЕССМЕННЫМ КАПИТАНОМ КОТОРОЙ НА ПРОТЯЖЕНИИ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ ОСТАЕТСЯ МАСТЕР СПОРТА МЕЖДУНАРОДНОГО КЛАССА СЕРГЕЙ МАНЖОС. ИМЕННО ЕМУ БЫЛО СУЖДЕНО СТАТЬ САМЫМ ИЗВЕСТНЫМ В НАШЕЙ СТРАНЕ НЕЗРЯЧИМ ФУТБОЛИСТОМ.

— **С**ЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, ВАМ сейчас 42 года. Зрячие футболисты в этом возрасте еще могут играть на профессиональном уровне, выступать за сборную команду страны?

— Вообще, людям не всегда приятно, когда им напоминают о возрасте, но для спортсменов такой вопрос уместен. Сейчас в сборной России по футболу нет моих ровесников. Думаю, в клубах высшей и первой лиги можно встретить единичные примеры сорокалетних футболистов и даже игроков постарше. Но это исключение из правил. Обычно к 38–40 годам карьера в Большом футболе завершается. Продолжать играть можно и дальше, но это считается нецелесообразным: увеличивается риск травматизма, сложнее совершенствовать

навыки и поддерживать спортивную форму. И, конечно, нарастает конкуренция с юными атлетами. В общем, причин для завершения карьеры много. И, как правило, профессиональные футболисты относятся к такой ситуации с пониманием. Вовремя уйти и оставить у болельщиков добрые воспоминания – это тоже искусство.

— Для футбола слепых все эти факторы не играют роли? После 40 лет можно продолжать успешно играть?

— Все сказанное выше в полной мере относится и к футболу слепых, и к другим паралимпийским видам спорта. Но практически во всех паралимпийских дисциплинах атлеты в среднем выступают на десять лет дольше, чем их коллеги-олимпийцы. Например, в футболе слепых можно на высоком уровне играть до 48–50 лет. Это связано с меньшей конкуренцией. Такой вот своеобразный бонус для спортсменов с ограниченными возможностями. Впрочем, мои слова о меньшей конкуренции никого не должны вводить в заблуждение. Она действительно меньше, но все равно очень высокая. С каждым годом паралимпийский спорт становится все более профессиональным.

— Значит, еще в течение нескольких лет болельщики смогут следить за игрой Сергея Манжоса на футбольном поле?

— С моей стороны было бы и нескромно, и нелепо давать долгосрочные прогнозы. Как говорится, хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах… Я буду играть до тех пор, пока это считает целесообразным тренерский штаб нашей национальной сборной, пока я чувствую одобрение болельщиков, пока позволяет здоровье, пока есть поддержка товарищей по команде, уже в течение двадцати лет ежегодно избирающих меня своим капитаном. И я за это очень благодарен. Есть еще один важный критерий, определяющий для меня целесообразность занятий профессиональным спортом: пока я могу хотя бы немного улучшать свою спортивную форму, углублять понимание футбола слепых – надо продолжать работать. Если это движение по какой-либо причине

Черные повязки – неотъемлемый атрибут футбола слепых

остановится, спортсмен должен иметь мужество завершить карьеру.

Все контракты в олимпийских и паралимпийских сборных заключаются на один год. В команде никого не станут держать за прошлые заслуги. Ежегодно в декабре тренерский штаб продлевает контракты и одновременно ставит перед каждым членом сборной задачи, которые ему предстоит решить в ближайшие двенадцать месяцев. Слабые стороны есть у любого спортсмена. Подписывая

годовой контракт, мы берем на себя обязательства стараться их преодолеть.

В футболе слепых почти все как в Большом футболе. Но при этом от спортсменов требуется большая универсальность. Необходимо быть успешным и в защите, и в нападении. Кто-то из игроков превосходит товарищей по команде в выносливости. Кто-то может похвастаться точностью удара по мячу, кто-то – скоростью... Задача тренерского штаба состоит в том, чтобы команда действовала как единое целое и преимущества и таланты каждого помогали побеждать.

– Каковы основные правила футбола слепых?

– Футбол слепых – ближайший родственник Большого футбола. Но мы играем на поле размером 40 на 20 метров. Ширина ворот – 3 метра. Продолжительность игры – два тайма по 20 минут.

В различных регионах нашей страны действуют профессиональные и любительские футбольные команды, есть детские, юниорские, взрослые коллективы. Лучших игроков приглашают в национальную сборную. Конечно, это большая часть. А в последние годы и в России, и за рубежом начал развиваться еще и женский футбол слепых.

В каждой команде по 10 человек: два зрячих вратаря и восемь незрячих игроков. Пять человек – вратарь и четыре игрока – находятся на поле, остальные – на скамейке запасных. Зрячий вратарь не имеет права покидать штрафную зону.

В футбол слепых в основном играют totally незрячие люди. Перед каждой игрой нам еще наклеивают пластырь на глаза и надевают черные повязки или специальные очки. Это делается для того, чтобы кто-либо из игроков, у кого, может быть, сохраняется остаток зрения, не имел преимущества. Поэтому я выхожу на поле «трижды слепым»:

Мастер спорта международного класса Сергей Манжос

Игра
в волейбол –
часть
тренировочного
процесса

и сам ничего не вижу, и пластырь наклеен, и черная повязка на глазах.

На футбольное поле каждая команда также приводит двух «гайдов». Иногда в России их называют гидами. Это зрячие помощники – координаторы игры. Один «гайд» всегда располагается позади ворот команды противника, атаку на которые он координирует. Второй «гайд» стоит у кромки поля. Нередко в этой роли выступает тренер. Кроме того, еще один дополнительный «гайд» – зрячий вратарь. Он тоже может подсказывать, давать указания членам команды.

– Получается, «гайды» помогают футболистам...

– Я бы не использовал глагол «помогают». Присутствие «гайдов» делает игру более техничной, интересной, скоростной. «Гайды» – наши глаза. Надо научиться максимально четко и разумно пользоваться их советами. Это важный фактор победы в игре.

В последние годы футбол слепых стал активно развиваться в специализированных школах для инвалидов по зрению. В этих школах «тотальники» находятся в меньшинстве, большинство учащихся – слабовидящие. Но на футбольном матче незрячими становятся все игроки, кроме вратарей и «гайдов». Для детей и подростков учиться взаимодействовать с вратарями и «гайдами» – значит приобретать замечательный навык командной игры. Хотя наш вид спорта и называется «футбол слепых», но он был бы немыслим без участия зрячих людей.

В игре используется специальный мяч. Он чуть меньше мяча для Большого футбола и при движении по полю постоянно издает звук, напоминающий треск детской погремушки.

Все соревнования – во всяком случае, с участием профессиональных команд и национальной сборной – проходят под открытым небом в теплое время года. Футбол слепых, так же как и Большой футбол, позиционируется как летний вид спорта.

– Почему нельзя играть в закрытых залах?

– В принципе, можно тренироваться и в закрытых залах. Но для соревнований высокого уровня используют открытые площадки. Это связано с тем, что незрячие игроки всю информацию получают на слух. В закрытых помещениях звуковая картина искается, так как возникает звуковой резонанс. Поэтому на открытом воздухе нам играть легче. А главное, каждая команда может в полной мере проявить свои возможности, что делает игру более интересной и яркой для болельщиков. Но, разумеется, школьные, любительские команды могут в холодное время года играть и в закрытых помещениях.

Игроки национальной сборной осенью, зимой, весной обязательно отправляются на сборы в теплые страны и регионы. Сборы проходят в Краснодарском крае, странах Средиземноморья, Объединенных Арабских Эмиратах и др. В этом плане мы не отличаемся от игроков Большого футбола. Поэтому профессиональные занятия футболом слепых позволяют постоянно «убегать от зимы».

– Как незрячим игрокам удается избежать столкновений на поле?

– Столкновения происходят. Они могут быть и случайными, и осознанными. Это тоже часть нашей игры. Правила предусматривают, что при атаке нападающий должен обозначить себя словом «Вой!». По-испански это означает «Иду!». В этой ситуации защитник, разумеется, пытается встать на пути у нападающего, преградить ему путь к воротам. Нападающие действуют по-разному. Некоторые стремятся увести мяч в сторону, чтобы обойти защиту, другие идут напролом, бегут, не сбавляя скорости, стремясь врезаться в защитника или в защитников, сбить с ног.

– Это разрешено правилами?

– Правила запрещают подножки, удары по ногам. Также запрещается держаться за бортики поля.

По накалу страстей футбол слепых не уступает Большому футболу

Но использовать свой корпус, чтобы сбить соперника с ног, вполне допустимо. Вопрос в том, насколько такая тактика будет эффективной. В футболе слепых, так же как и в Большом футболе, можно играть осторожно, технично, а можно агрессивно, жестко. Обе эти тактики могут быть и успешными, и провальными.

Конечно, в Большом футболе выше скорости и зрелищность. Футбол слепых со своим «большим братом» никогда конкурировать не сможет. Но и у нас в последние годы и скорости существенно повысились, и тактическая подготовка улучшилась. Уровень национальных сборных растет во всем мире, в том числе в России.

– Как у вас организован тренировочный процесс?
 – У сборной обязательно еженедельно проходит не менее пяти-шести тренировок. Они включают в себя и общефизическую подготовку, и проработки типичных игровых ситуаций. Мы бегаем стометровки, упражняемся в прыжках, приседаниях, отжиманиях и так далее. Идут занятия в тренажерном зале. Конечно, тренировки включают в себя игровые упражнения: пенальти, проходы по полу, введение мяча в игру и так далее. Проводятся и теоретические занятия. Вместе с тренером мы обсуждаем особенности игры каждого из соперников: не только команд-противников, но и буквально каждого игрока в их составах.

– Чтобы достичь успехов в футболе слепых, необходимо разбираться в Большом футболе?

– Практически все наши игроки любят Большой футбол. Именно поэтому они и пришли в футбол слепых. Несмотря на инвалидность, есть желание гонять мяч, чувствовать себя настоящим футболистом.

– Как вы следите за матчами Большого футбола? В последнее время на многих стадионах появились тифлокомментаторы, объясняющие ход

матча незрячим болельщикам. Вам помогает этот сервис?

– В принципе, тифлокомментирование – дело хорошее и востребованное. Но лично мне оно не нужно. Если у меня на футбольном матче есть возможность находиться в непосредственной близости от поля – это гораздо лучше любого тифлокомментирования. Я слышу движение мяча, представляю действия игроков. Можно не обладать зрением, но четко представлять, что происходит на поле. Такими возможностями обладают незрячие профессионалы футбола. Можно привести в пример totally незрячего спортивного журналиста Александра Гуртовенко. Он много лет работал в пресс-службе футбольного клуба «Динамо», писал и о самих играх, и о различных фанатских объединениях, и о роли футбола в жизни людей. Кстати, в течение нескольких лет Александр играл в нашей сборной по футболу слепых. Но он выбрал журналистику, с большим спортом это трудно сочетать. Поэтому он ушел из сборной. Порой слепому даже легче почувствовать атмосферу стадиона, нежели зрячему.

– Интерес к футболу среди инвалидов по зрению растет?

– Футбол слепых и другие паралимпийские виды спорта инвалидами по зрению рассматриваются, с одной стороны, как увлечение, а с другой – как возможная профессия. Члены национальных паралимпийских сборных, в том числе и футболисты, получают зарплату. Выбор профессий для незрячих людей не слишком обширен. И в последние годы многие учащиеся специализированных школ, а также другие молодые инвалиды по зрению стали мечтать о профессиональном спорте.

– Какие вехи в становлении национальной сборной были ключевыми?

– В 2005 году, через несколько месяцев после создания сборной, мы приняли участие в чемпио-

нате Европы, проходившем в Испании. Заняли последнее место. Нам удалось забить единственный мяч в ворота соперников. Это произошло во время игры со сборной Португалии, которая, как и Россия, была новичком на чемпионате. С португальцами у нас была ничья. Все остальные команды разгромили нашу сборную.

— Такой результат вас тогда не разочаровал?

— Думаю, признание и осознание поражения — это первый шаг к победе. Мы провели работу над ошибками. Национальная сборная в следующие годы приобретала опыт, участвовала во многих соревнованиях. В 2015-м на чемпионате Европы, проходившем в Лондоне, нам удалось завоевать серебро. Второе место давало право на участие в Паралимпиаде 2016 года в Рио-де-Жанейро. Все футболисты готовились к Паралимпиаде как к главному событию их жизни. Но, как известно, всех российских паралимпийцев в Рио-де-Жанейро не пустили, наш национальный Паралимпийский комитет был отстранен. Решение, по моему мнению, несправедливое и недостойное, этакая «коллективная порка» спортсменов-инвалидов. Но эта ситуация нас не сломила, а только стимулировала к более интенсивным тренировкам, добавила спортивной ярости. Мы все стремились доказать, на что способны! И в 2017 году в Берлине мы стали чемпионами Европы. О российском футболе слепых заговорили.

— Российская сборная по футболу слепых побеждает испанцев и становится чемпионом Европы. Это грандиозный успех! Как вы думаете, почему в Большом футболе такая ситуация пока мало-вероятна?

— Мне не нравится такая постановка вопроса, не нравится противопоставление футбола слепых и Большого футбола. Наоборот, спортсмены главной футбольной сборной — наши учителя и кумиры, образцы для подражания. Мы болеем за наших, равняемся на них. Главная идея футбола слепых как раз и состоит в том, чтобы адаптировать, приспособить великую игру под возможности незрячих людей.

Если посмотреть на наши игры, изучить правила, понаблюдать за тренировками, то легко обнаружить, как много общего между паралимпийским и Большим футболом. Поэтому не могу поддержать попытки бросить камень в огород сборной России по футболу, тем более сейчас, когда все мы находимся под санкциями. Наша сборная — не самая сильная команда в мире. Но и далеко не самая слабая. В национальной сборной собраны лучшие футболисты страны. И они в любом случае заслуживают уважения.

— Как сейчас идут дела у сборной по футболу слепых, учитывая непрекращающуюся волну санкций против нашего спорта, в том числе паралимпийского?

— Как известно, атлеты, выступающие в индивидуальных видах спорта, в настоящее время могут принимать участие в международных соревнованиях, в том числе в Олимпиадах и Паралимпиадах, в так называемом нейтральном статусе, то есть без флага, гимна и с рядом других унизительных ограничений. Для командных видов спорта, в том числе для футбола слепых, допуск к официальным международным соревнованиям закрыт. Поэтому и о чемпионатах Европы, и о чемпионатах мира, и о Паралимпиаде мы пока можем забыть. Как говорится, до изменения международной политической обстановки.

Но проблема не только в этом. Есть множество соревнований, которые формально не подпадают ни под какие санкции, однако международные чиновники все равно ставят России палки в колеса. Речь идет о товарищеских встречах национальных сборных, клубных турнирах. Но фактически создаются условия, чтобы сборные разных стран и ведущие профессиональные футбольные команды под различными предлогами отказывались от спортивных контактов с россиянами. Это можно условно назвать неофициальными санкциями. Несмотря на это давление, международные контакты продолжают развиваться. В первую очередь с дружественными странами. В декабре 2024 года в Москве прошел турнир БРИКС по футболу слепых. В 2025-м аналогичные соревнования планируется провести в Бразилии.

При всей важности международного взаимодействия, думаю, главная задача сейчас — развитие футбола слепых в самой России. В первую очередь массового спорта. Этот процесс идет. Игрошки сборной тоже в нем участвуют. Мы регулярно встречаемся с болельщиками и участниками любительских команд, делимся опытом.

— Сергей Владимирович, расскажите, пожалуйста, немного о себе.

— Я родился в Москве. Зрение в детстве было хорошее. И со здоровьем проблем не было. Летние каникулы всегда проводил на родине отца, в Унечском районе Брянской области, в крошечной деревушке. Потерял зрение из-за травмы. Мы с дядей ехали на телеге за сеном. Я стал просить дядю: «Дай порулить!» Он отдал мне вожжи. А лошадь ударила меня копытом по лбу. Сознания я не потерял. Но удар был страшным, тяжелая травма, много крови. Зрение исчезло сразу. Почему вообще меня лошадь тогда ударила вроде бы просто так, без всякой причины? Думаю, теперь я знаю ответ на этот вопрос. В том районе почвы песчаные. Лошадь устала после тяжелого трудового дня. Вероятно, она увязла в песке, а освободившись из песчаной массы, взмынула и ударила меня копытом.

Сразу же вызвали скорую помощь, отвезли в районную больницу. Потом на маленьком самолете переправили в Брянск, в областную больницу. Этот полет я хорошо помню.

Сборная
команда России
по футболу
слепых

Вернуть зрение возможности не было. Более того, речь шла об удалении правого глаза. Но после консультации с врачом из Москвы этого решили не делать. Оба глаза мне сохранили и провели челюстно-лицевую операцию. Потом я вернулся в Москву, несколько месяцев восстанавливался.

В свою родную школу я уже не вернулся. Стал учиться в московской школе-интернате №1 для слепых и слабовидящих детей. Сначала со мной учителя в школе занимались индивидуально, обучали шрифту Брайля, основам пространственной ориентировки и навыкам самообслуживания, проводили работу по психологической реабилитации. Где-то в течение полутора лет я еще верил, что зрение ко мне вернется. Так мне и родители говорили, и другие взрослые. Но потом стало понятно, что потеря зрения – это навсегда. Необходимо было смириться с ситуацией.

– Чем вы в школе увлекались?

– На баяне научился играть. Теперь, правда, уже не играю. Но музыку люблю. Немного на гитаре играю. Конечно, непрофессионально, но могу развлечь компанию, сыграть и спеть для друзей. Так что школа дала мне не только среднее образование, но и любовь к музыке.

Что касается физкультуры и спорта, то мне все нравилось. И школьные уроки физкультуры, и любые дополнительные занятия, и соревнования. Но я никогда не думал, что стану профессиональным спортсменом.

Футбола у нас в школе не было, развивались другие игровые виды спорта с мячом, адаптирован-

ные для незрячих: голбол и торбол. Кстати, голбол – это тоже паралимпийский вид спорта.

Еще в школьные годы меня заинтересовал компьютер. Поэтому после школы поступил на факультет информационных технологий Московского государственного психолого-педагогического университета. В 2008 году получил диплом программиста.

В 2008–2013 годах совмещал тренировки в сборной со штатной работой в Федерации слепых футболистов. Отвечал за работу сайта, за функционирование компьютеров сотрудников.

– Что дал вам футбол? Как он повлиял на вашу жизнь?

– Спорт научил оптимизму, дисциплине, вере в себя. Благодаря команде у меня есть возможность много путешествовать, знакомиться с новыми людьми. И самое главное: спорт дает счастье чувствовать себя победителем, чемпионом. Это незабываемое, непередаваемое чувство! Думаю, желание быть чемпионом есть в душе каждого человека. Но не все могут его реализовать. Разумеется, нельзя забывать и о реабилитационном эффекте футбола слепых. Благодаря этому виду спорта незрячие люди приобретают блестящие навыки пространственной ориентировки, улучшают координацию движений, быстроту реакции, приобретают стрессоустойчивость. Это позволяет уверенно себя чувствовать не только в своем родном городе, на хорошо известных тебе маршрутах, но и в незнакомой обстановке. ●

Икона
«Страшный
суд».
Новгород.
Середина
XV века.
Государ-
ственная
Третьяковская
галерея

ХРОНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ КАРПОВ

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ ПРОЕКТ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СИСТЕМАТИЧЕСКИМ ИЗЛОЖЕНИЕМ ИЛИ, ТЕМ БОЛЕЕ, КУРСОМ РУССКОЙ ИСТОРИИ. ЭТО ИМЕННО ХРОНИКА ИЛИ, ТОЧНЕЕ, ХРОНИКИ – АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ ТОГО ИЛИ ИНОГО ГОДА. ПРИЧЕМ АВТОР САМ ВЫБИРАЛ ТО СОБЫТИЕ ИЛИ ТЕ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ КАЗАЛИСЬ ЕМУ ИНТЕРЕСНЫМИ ИЛИ ЗНАЧИМЫМИ: ИНОГДА – НЕ САМЫЕ ЗАМЕТНЫЕ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД; ИНОГДА – ОЧЕНЬ ЗАМЕТНЫЕ И, В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ И НАРОДА.

Продолжение. Начало см.: «Русский мир.ru» №1–12 за 2024 год и №1–6 за 2025 год.

ГОД 1028-Й

Из «Повести временных лет»:
«Знамение змиево явилось на
небеси, так что видно его было
по всей земле».

Русские летописцы с чрезвычайным вниманием относились ко всем необычным явлениям. Собственно говоря, это входило в их, если так можно выразиться, круг обязанностей. Явления такого рода воспринимались в Средние века как зримые признаки грядущего «светопреставления»: появления Антихриста, второго пришествия Христа, общего воскресения из мертвых и Страшного суда. Об этом прямо свидетельствовали как тексты Священного Писания, так и различные апокрифические пророчества, во множестве бытовавшие в древнерусской книжности и детально рисовавшие картину конца света. К этому главному событию своей истории человечество должно было готовиться заранее. По системе летосчисления от Сотворения мира, принятой в Византии и на Руси, мир пребывал тогда в середине седьмого тысячелетия своей истории, которое должно было завершиться в 1492 году от Рождества Христова (7000-м от Сотворения мира). Мир же, как представлялось образованным русским книжникам того времени, был «седморичен», то есть ограничен семью «веками», или тысячелетиями. Следовательно, в любой момент последней, седьмой тысячи можно было ожидать наступления конца света. И русские летописцы никогда не забывали об этом. Что за явление описано в данном случае, сказать не беремся. «Знамениями змиевыми» в летописях обычно называли метеоры (из-за их специфического следа), реже кометы. Но только комету, а не метеор, можно было наблюдать «по всей земле» – равно и в Киеве, и в Новгороде, где запись о знамении также была сделана. Однако ни в западных, ни в восточных источниках о кометах под этим годом ничего не сообщается.

ГОД 1029-Й

В этом году князь Ярослав приютил в Новгороде свояка, конунга Олава Харальдсона, которому пришлось покинуть Норвегию. Его война с датским королем Кнутом Великим закончилась полным поражением. Кнут подчинил себе Норвегию и на тинге в Трондхейме был провозглашен конунгом. Правителем же страны Кнут назначил племянника, норвежского ярла Хакона Эйрикссона. Население повсюду приносило клятвы верности Кнуту, который щедро раздавал подданным английское серебро.

Весну 1029 года Олав провел в Швеции, а летом собрался в путь на восток.

Из «Круга земного» Снорри Стурлусона («Отдельная сага об Олаве Святом»):

«...Когда настало лето, собрался конунг в дорогу и взял себе корабль. Отправился он летом в путь и не останавливался, пока не добрался на восток в Гардарики к конунгу Ярицлейву и княгине Ингигерд... С собой на восток конунг взял Магнуса, своего сына.

Конунг Ярицлейв хорошо встретил конунга Олава и предложил ему остаться у него и взять там столько земли, сколько ему нужно, чтобы сдержать свое войско. Конунг Олав охотно согласился на это и остался там...» (Перевод Т.Н. Джаксон)

Пребывание его в Новгороде оказалось недолгим. Уже следующей зимой Олав засобирался на родину. По словам авторов саг, «конунг Ярицлейв» противился этому решению и с большим трудом согласился отпустить гостя. Тем не менее он оказал существенную помощь Олаву, снабдив его людей лошадьми и всем необходимым. Сын же Олава, Магнус, остался на попечении у Ярослава и его жены и впоследствии был усыновлен ими.

Увы, летом 1030 года в битве при Стикластадире конунг Олав Харальдсон погиб, а войско его было разбито. Власть над Норве-

гией принял Свейн, сын Кнута Великого от наложницы. Он не участвовал в битве, зато мог использовать всю мощь и все влияние своего могущественного отца. (Вскоре норвежцы забудут о своей нелюбви к Олаву и станут почтить его как святого. Впрочем, это отдельная история.)

Ярослав отказался признать права Свейна на норвежский престол и предоставил убежище сторонникам погибшего конунга, в числе которых был 15-летний брат Олава Харальд – будущий знаменитый конунг Харальд Хардрада (Суровый Правитель), зять Ярослава. Сын же Олава Магнус воспитывался при дворе русского князя, и Ярослав сделал все для возвращения ему норвежского престола. Это произойдет в 1035 году – при политической и финансовой поддержке Ярослава.

Так отношения Ярослава со скандинавским миром как бы зеркальным образом отразили прежнее положение вещей, при котором русский князь выступал в незавидной роли просителя военной помощи у скандинавов.

В.П. Верещагин.
Великий князь
Ярослав I
Мудрый.
Из альбома
«История
государства
Российского
в изображениях
державных его
правителей
с кратким
пояснительным
текстом».
1896 год

Теперь, напротив, он сам готов был оказывать щедрую, хотя и не бескорыстную помощь своим скандинавским союзникам и активно вмешиваться во внутренние дела их стран.

ГОД 1030-Й

Из «Повести временных лет»:
«...Ярослав Белзы взял...
В то же лето пошел Ярослав на
чудь, и победил их, и поставил
град Юрьев».

В этой летописной статье оказались объединены разные, а возможно, и разновременные события.

Ярослав в равной степени стремился к успеху и на севере – в Прибалтике и Скандинавии, где он действовал по преимуществу как новгородский князь, и – уже в качестве киевского князя – на западе, где его противником был другой сосед Руси – Польша. Сначала о «чудском» походе Ярослава. Слово «чудь» имело в древнерусском языке два значения: в широком смысле это все «чужие» угро-финские племена Восточной Европы, а в узком – население восточной Прибалтики, эсты. Новгородские князья собирали здесь дань еще во времена новгородского княжения Владимира Святославича, то есть в 70-е годы X века. Но происходило это, по-видимому, от случая к случаю, причем новгородским князьям постоянно приходилось соперничать в этом регионе со шведами. Но после смерти Олава Шётконунга (1021/1022) шведские владения в Прибалтике сильно сократились. Этим и воспользовался Ярослав. Как только позволили обстоятельства, он двинул свою дружины в Чудскую землю.

На сей раз Ярослав не ограничился установлением даннических отношений. К западу от Чудского озера, на реке Омовже (по-эстонски Эмайыги), на месте разрушенного русскими же войсками чудского поселения, он поставил город, который назвал «в свое имя» – Юрьев. (Юрий, или, точнее, Гюргий – русское

произношение имени Георгий, крестильного имени Ярослава.) Этому городу предстояло надолго стать опорным пунктом русского влияния во всей Чудской земле. Лишь в XIII веке Юрьев (Дерпт, ныне – Тарту, Эстония) будет окончательно завоеван рыцарями Ливонского ордена.

Ситуация на западных границах Руси также благоприятствовала русскому князю.

После смерти в 1025 году Болеслава Великого в Польше началась полоса смут и потрясений, которые едва не привели к распаду всего государства. Ярослав постарался воспользоваться этим. Однако его поход на Белз (Белзы) – один из Червенских градов на реке Жолокии, притоке Западного Буга (в нынешней Львовской области Украины) – оказался успешным лишь наполовину. Этот город он захватил. Но для того, чтобы отвоевать все Червенские города и присоединить их к Киевскому государству, сил у него пока не хватало. Ярослав стал готовиться к новой польской войне. Во-первых, он заручился поддержкой брата, Мстислава Черниговского, а во-вторых, постарался согласовать свои действия с германским императором Конрадом II (сменившим умершего в 1024 году Генриха II). При этом киевский князь по-прежнему делал ставку на острый политический кризис в самой Польше.

Новый правитель страны, сын Болеслава Великого Мешко II, во многом следовал примеру родителя, однако не обладал ни его талантами, ни его железной волей. В свое время Болеслав изгнал из Польши мачеху и ее сыновей, своих единокровных братьев; теперь та же участь постигла брата (или братьев) Мешка. Одному из них, Оттону, Ярослав предоставил убежище.

Из «Деяний императора Конрада» монаха Випона (Випо):
 «...Мешко, преследуя своего брата Оттона, изгнал его на Русь. Ведя там некоторое время жалкий образ жизни, тот начал искать милости

Сегодня Тарту (бывший Юрьев) – второй по численности населения город в Эстонии

у императора Конрада, чтобы с его содействием и помощью вернуться в свое отчество. Император, согласившись на это, решил, что сам с войском нападет на Мешко с одной стороны, а с другой – брат Оттон...»
 (Перевод А.В. Назаренко)

Находясь на территории Руси, Оттон вряд ли мог вести переговоры с немцами без дозволения князя Ярослава. И только Ярослав мог предоставить ему войско, необходимое для возвращения на родину. Так – при посредничестве Оттона – русский князь получил возможность вступить в переговоры с германским императором. К тому времени отношения между Германской империей и Польшей вновь обострились. Коронация Мешка в Гнезно без санкции на то папского престола (это случилось еще при жизни Болеслава Великого) вызвала настоящий приступ ярости у императора Конрада. Воен-

ные действия между Польшей и Германией начались еще в 1028 году с нападения Мешка на саксонские земли. В течение первых двух-трех лет успех доставался то одной, то другой стороне; в войну оказались втянуты соседние государства: Дания, Чехия, Венгрия. Все это было на руку Ярославу.

ГОД 1031-Й

Из «Повести временных лет»:
 «Ярослав и Мстислав собрали воинов многих, пошли на ляхов и заняли грады Червенские обратно, и повоевали Польскую землю. И многих ляхов привели и разделили их: Ярослав посадил своих по Роси (реке к югу от Киева. – Прим. авт.); и пребывают они там и до сего дня».

Киевскому летописцу осталась неизвестна тайная, дипломатическая подоплека русско-польской войны. Между тем из процитированного выше сочинения Випо и других немецких источников следует, что наступление на Червенские грады Ярослава и Мстислава происходило одновременно (или почти одновременно) с вторжением в Польшу германских войск императора Конрада. Мешко пришлось бежать из страны. Он укрылся в Чехии, затем вновь вернулся на родину... А в 1034 году Мешко был убит, и в Польше началась подлинная анархия, завершившаяся лишь в 1038/1039 году с утверждением на престоле князя Казимира Восстановителя.

Король Польши
Мешко II

Погребение
Мстислава
Владимировича
в церкви
Святого Спаса
в Чернигове.
Миниатюра
из Радзивиллов-
ской летописи.
XV век

Впрочем, после похода 1031 года Ярослав на время утратил интерес к польским делам, удовлетворившись выполнением своей главной задачи – возращения под власть Киева Червенских градов: Червена, Волыни, Перемышля и других. Теперь нужно было обустраивать их, утверждать здесь свою власть.

ГОД 1032-Й

Из «Повести временных лет»:
«Ярослав начал ставить города по Роси».

Река Рось – правый приток Днепра, южный рубеж Руси. Заметим, отец Ярослава, князь Владимир Святой, создавал оборонительный пояс из городов-крепостей на Правобережье значительно севернее: по реке Струге. При Ярославе граница Руси отодвинулась почти на день пути – и это было громадным завоеванием, важнейшим результатом двух десятилетий мира с кочевниками.

Главным из «rossких градов» стал Юрьев (на месте нынешней Белой Церкви в Киевской области Украины). Как и одноименный город в Чудской земле, он получил название по христианскому имени князя Ярослава Владимира.

ГОД 1036-Й

Год, ставший поворотным в жизни князя Ярослава Мудрого, а в какой-то степени – и в жизни всего Киевского государства.

Из «Повести временных лет»:
«В лето 1036. Вышел Мстислав
на охоту, разболелся и умер.
И положили его в церкви
Святого Спаса (в Чернигове. –
Прим. авт.), которую сам заложил: ибо возведена она была
при нем в высоту, насколько
можно, на коне стоя, рукой
достать... Потом же переял
власть его всю Ярослав и был
самовластец в Русской земле».

Единственный сын Мстислава, Евстафий, умер на три года раньше отца, в 1033 году (летопись называет его лишь крестильным именем, его княжеское имя неизвестно). Других наследников у Мстислава не было. Так держава Владимира Святого вновь соединилась под властью одного князя. Слово «самовластец», которым летописец именует Ярослава (в других списках стоит: «самодержец» или «единовластец»), есть перевод греческого «автократор»: так в Византии и на Руси называли правителя, единовластно распоряжавшегося своей державой и не делившего власть ни с соправителем, ни с соперником, ни с каким-либо узурпатором престола. Ярослав стал таким же «самовластцем», каким был его отец, владевший всей Русской землей «от края и до края» (кроме Полоцкого княжества, но оно было не в счет, так как не входило в состав державы Владимира и было выделено им особо).

Очевидно, после смерти брата Ярослав унаследовал и титул «канан», который тот носил как правитель Тмуторокани. Титул этот давно уже утратил свое подлин-

ное содержание, но по-прежнему оставался престижным. И неслучайно будущий киевский митрополит Иларион в своем торжественном «Слове о законе и благодати», произнесенном в присутствии самого Ярослава и его семьи, будет именовать «кананом» не только отца Ярослава, князя Владимира, но и самого киевского князя – «благоверного канана нашего Георгия».

Правда, в живых оставался еще один сын Владимира – Судислав, княживший в Пскове. И хотя князь этот, судя по всему, был крайне слаб и нерешителен, он, в соответствии с обычаем, также мог претендовать на наследство умершего брата. Однако делиться с ним властью и землями новый правитель Киева не собирался.

Из «Повести временных лет»:
«В то же лето посадил Ярослав
Судислава в поруб во Пскове,
брата своего: оклеветан
к нему».

Слова о клевете, будто бы послужившей причиной «поимания» и заточения Судислава, отражают, наверное, точку зрения позднейшего книжника, пытавшегося обелить Ярослава. Сам Ярослав едва ли нуждался в услугах клеветников, а если и нуждался, то лишь для того, чтобы придать своим действиям хоть какую-то видимость законности. В те времена отлаженного механизма предотвращения братоубийственной смуты еще не существовало, и Ярослав, по существу, должен был его выработать. К счастью, он не решился на братоубийство, но избрал иной, не столь кровавый, хотя и не менее жестокий путь. Судислав проведет в темнице 24 года и будет освобожден через несколько лет после смерти Ярослава, в 1059 году, своими племянниками Изяславом, Святославом и Всеволодом. Сыновья Ярослава Мудрого сумеют найти другой, более гуманный и, пожалуй, более надежный путь нейтрализации своего возможного противника, по-прежнему – хотя и чисто теоретически – обладав-

шего преимущественными правами на киевский престол. Освободив дядю («высадив» его из «поруба»), они «заведут» его «к кресту», то есть возьмут с него крестное целование в отказе от всяких покушений на власть, и сделают чернецом. Монашеский постриг – вот то надежное средство, к которому будут отныне прибегать в своей борьбе за власть многочисленные потомки князя Ярослава Мудрого на протяжении многих столетий русской истории.

Князь Судислав проживет в чернцах еще четыре года. Он скончается в 1063 году и будет похоронен в Киеве, в Георгиевском монастыре.

…Едва Ярослав успел разделаться со своими делами на севере, как вести, пришедшие с юга Руси, заставили его поспешить в Киев.

Из «Повести временных лет»:
«Когда Ярослав был в Новгороде, пришла весть к нему, что печенеги осаждают Киев».

Со смертью Мстислава прекращалось действие договора, заключенного им с печенегами. Ярослав же подтвердить договор не успел или не захотел. Но хотя он и задержался в Новгороде дольше чем следовало, теперь он мог выставить против печенегов большое и хорошо вооруженное войско.

«Ярослав собрал воинов многих: варягов и словен, пришел к Киеву и вошел в город свой. И было печенегов без числа. Ярослав выступил из града и исполчил дружины: и поставил варягов посередине, а на правой стороне киевлян, а на левом крыле новгородцев; и встали пред городом. Печенеги пошли на приступ, и сошлись на месте, где стоит ныне Святая София, митрополия Русская: было тогда поле вне града. И была сеча зла, и едва одолел к вечеру Ярослав. И побежали печенеги

Победа Ярослава
Владимира
над печенегами.
Миниатюра
из Радзивилловской
летописи.
XV век

в разные стороны, и не ведали, куда бежать: одни, убегая, тонули в Сетомли (речка под Киевом. – Прим. авт.), иные же – в иных реках, а остаток их бегает и до сего дня...».

Текст летописного рассказа вызывает ряд вопросов. Князю, несомненно, требовалось немало времени для того, чтобы, выступив из Новгорода, достичь Киева, и тем более для того, чтобы войти в город, осажденный печенегами. Ведь только после этого, объединив свои силы с киевлянами, Ярослав решился на сражение. Но почему печенеги беспрепятственно пропустили его в город и дали соединиться со своими? Или почему они не отступили, когда князь во главе многочисленного войска приблизился к городу? Может быть, он пришел к Киеву еще до того, как печенеги двинулись на Русь?

С осторожностью следует подходить и к фразе летописца о том, что сражение с печенегами произошло на том самом месте, где впоследствии был сооружен

Софийский собор. Ибо у нас есть основания полагать, что возведение собора – причем на том самом месте, на котором он стоит и поныне, – началось ранее 1036 года. Во всяком случае, деревянный Софийский собор предшествовал каменному.

По-видимому, нельзя исключать того, что летописец, писавший спустя несколько десятилетий после самих событий, мог ошибиться. Точнее, наверное, следует сказать так: он мог знать о том, что на месте, где в его время стоял главный митрополичий храм Киева, произошло сражение с печенегами; возможно, знал (или догадывался), что само строительство храма так или иначе было приурочено к победе над этим извечным врагом Руси – но не знал, к какой именно. А между тем памятное в истории Киева сражение на «поле вне града» могло произойти задолго до 1036 года – например, весной 1017-го, когда варяжско-новгородско-киевской дружине Ярослава также удалось сдержать яростный написк печенегов, едва не ворвавшихся в киевскую крепость. Впрочем, сам факт нашествия печенегов на Русь вскоре после смерти Мстислава едва ли может быть поставлен под сомнение. Тем более что он точно вписывается в контекст внешнеполитической ситуации, сложившейся к тому времени в Восточной Европе.

Война эта оказалась последней в вековом противостоянии Руси и печенегов. И дело здесь не только в том сокрушительном поражении, которое потерпели степняки у стен русской столицы. В Сетомли под Киевом и других

Ярослав Мудрый
отбирает меч
у Судислава
Владимира
в знак лишения
княжеской
власти.
Миниатюра
из Радзивилловской
летописи.
XV век

речках юга Руси могли найти смерть, конечно же, далеко не все те десятки тысяч всадников, которыми располагала Печенежская земля. Иные события, происходившие на громадных пространствах Евразии, оказали на судьбы этого народа не меньшее, а, пожалуй, даже большее влияние. Да и на судьбы Киевской Руси тоже.

В первой трети XI века началось движение на запад через степи Восточной Европы новых орд кочевников, которых византийцы называли узами или гузами, а русские – торками. Уместно сказать, что одна из ветвей этого народа, пройдя через пустыни и оазисы Средней Азии, захватит вскоре Переднюю Азию, где образует турецкую империю сельджуков. На пути же движения северной ветви торков оказались печенеги, которые вынуждены были потесниться на запад. Как это обычно бывало в истории массовых переселений кочевых народов, отступление печенегов под давлением их еще более грозных сородичей обернулось для соседей многочисленными бедствиями, разрушениями и кровопролитием.

В середине 30-х годов XI века печенеги нанесли внезапный удар по Византийской империи, с которой прежде поддерживали мирные отношения. В 1034 году, вскоре после смерти византийского императора Романа III, печенеги подвергли грабежу северные провинции империи близ города Фессалоники. Зимой 1035/36 года они перешли по льду Дунай и вторглись во Фракию и Македонию. Весной 1036-го печенеги возобновили военные действия, нанеся тяжелое поражение византийским войскам, сосредоточенным в дунайских провинциях. Однако затем, неожиданно для самих византийцев, они отступили, на время прекратив наступление, несмотря на то, что сил для борьбы с ними у Византии практически не оставалось. Византийский историк Иоанн Скилица, в изложении которого нам известны обстоятельства византийско-печенежского проти-

Князь Ярослав
Владимирович.
Фрагмент
росписи
Грановитой
палаты
в Москве.
1881 год

ствами этого города, но не смогли добиться успеха. И только десятилетие спустя они вновь вторгнутся в пределы Византийской империи. С этого времени начнется череда тяжелейших печенежских войн, которые потребуют от византийских императоров величайших усилий и едва не приведут к полной потере европейских владений империи. Между прочим, драматическая история печенежско-византийских войн XI века свидетельствует о той силе, которую сохраняли печенеги и после своего поражения от торков; воинам Ярослава в 30-е годы XI столетия пришлось сразиться с действительно могучим и беспощадным врагом.

Победа Ярослава над печенегами без преувеличения открыла новую главу в истории Древнерусского государства. В годы его единовластного княжения (1036–1054) сложилась исключительно благоприятная ситуация, более не повторявшаяся в нашей истории. Извечный враг Руси печенеги были отброшены от Киева и разбиты. С торками же, сменившими их в южнорусских степях, Ярослав, по-видимому, сумел установить мирные отношения. Лишь после его смерти начнутся русско-торкские войны, которые окажутся в целом успешными для русских. Впоследствии остатки торков, как и остатки печенегов, расселятся на южных окраинах Руси уже в качестве союзников и подданных русских князей. Как и в случае с печенегами, судьбу торков решит появление в южнорусских степях новых кочевников – половцев, которым суждено будет стать хозяевами Дикого поля на полтора столетия. За половцами же придут монголы... Неполные два десятилетия княжения Ярослава Мудрого в Киеве и первые годы княжения его сыновей – исключение во всей многовековой истории средневековой Руси: только в эти годы Русская земля смогла на времена забыть о внешней угрозе с юга и вздохнуть полной грудью. И не случайно эти годы вошли в нашу историю как времена подлинного расцвета Киевской Руси. ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПАРИЖСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ КАРАМЗИНЫХ

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ФРАНЦИЮ ОТЦА И СЫНА КАРАМЗИНЫХ РАЗДЕЛЯЕТ ПОЧТИ ПОЛВЕКА. ГЛАВНЫЙ РОССИЙСКИЙ ИСТОРИОГРАФ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН ОКАЗАЛСЯ В ПАРИЖЕ ВО ВРЕМЯ СВОЕГО СТРАНСТВИЯ ПО ЕВРОПЕ В 1789–1790 ГОДАХ И ИЗЛОЖИЛ СВОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА». ОН ПРИБЫЛ ВО ФРАНЦИЮ В ОЧЕНЬ НЕПРОСТОЕ ВРЕМЯ – В ЭПОХУ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

А ЕГО СТАРШИЙ СЫН, Андрей Николаевич, впервые оказался в Париже в конце 1836 года, спустя шесть лет после того, как в стране произошла очередная, Июльская революция. Французскими историками она трактовалась как продолжение предыдущей. Если Карамзин-отец застал непосредственный момент разрушения старого порядка, то сын

наблюдал уже остатки прежней Франции и новое, постреволюционное общество. Любопытно, что это взгляд двух молодых людей: отец и сын оказались в Париже в разные годы примерно в одном возрасте – им было по 20 с небольшим лет. Оба были романтиками, воспитанными на французской культуре и страстно желавшими увидеть столицу Франции.

ПО СТРАНИЦАМ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»

Сначала проследуем в революционный Париж вместе с Николаем Михайловичем, листая страницы его «Писем русского путешественника». Перед нами не путевой дневник и не реальные письма, а литературное произведение, созданное по мотивам путешествия. Это установил еще в позапрошлом веке русский ученый Василий Сиповский. А сопоставление реального путешествия и литературного текста было предпринято

Н.-Ж.-Б. Рагене.
Вид на Париж
с Нового моста.
1763 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Н.М. Карамзин.
Письма русского
путешественника [М., 1797].
Титульный лист

Юрием Лотманом в книге «Сотворение Карамзина».

«Письма» публиковались в 1791–1792 годах в издаваемом Карамзиным «Московском журнале» и в 1794–1795 годах в альманахе «Аглая». А первое полное издание «Писем» отдельной книгой появилось только в 1801 году. Конечно, к тому моменту со временем путешествия Карамзина во Франции утекло немало воды, а точнее, крови, о многом писатель стал думать иначе. Однако для нас важнее, как он передал ожидания и впечатления, как соотносились Париж воображаемый и реальный, какой была атмосфера рождающегося в ходе революции нового общества.

Итак, начальной точкой путешествия Карамзина стала Москва, а первое письмо было написано им из Твери. В это время в Версале уже приступили к работе Генеральные штаты, открывшиеся 5 мая 1789 года. Карамзин ехал через немецкие земли и Швейцарию, а в Париж прибыл через Lyon, где толпа уже готова была отправить любого неугодного «на фонарь» – этот клич станет одним из грозных призывов революции.

Н.М. Карамзин.
Портрет работы
Ф. Кюнеля,
гравёр –
И.Г. Липс.
Конец XVIII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

«Я В ПАРИЖЕ!»

Реакция Карамзина на Париж была, если можно так сказать, классической: исполнилась его заветная мечта, ведь он сгорал от нетерпения увидеть французскую столицу. В первом письме из Парижа, датированном 27 марта 1790 года, читаем: «Мы приближались к Парижу, и я беспрестанно спрашивал, скоро ли увидим его? Наконец открылась обширная равнина, а на равнине, во всю длину ее, Париж!. Жадные взоры наши устремились на сию необозримую громаду зданий – и терялись в ее густых тенях. Сердце мое билось. «Вот он, – думал я, – вот город, который в течение многих веков был образцом

всей Европы, источником вкуса, мод, – которого имя произносится с благоговением учеными и неучеными, философами и щеголями, художниками и невеждами, в Европе и в Азии, в Америке и в Африке, – которого имя стало мне известно почти вместе с моим именем; о котором так много читал я в романах, так много слыхал от путешественников, так много мечтал и думал!.. Вот он!. Я его вижу и буду в нем!..» – Ax, друзья мои! Сия минута была одною из приятнейших минут моего путешествия! Ни к какому городу не приближался я с такими живыми чувствами, с таким любопытством, с таким нетерпением! Эти слова Николая Михайловича Карамзина являются квинтэссенцией общеевропейского увлечения и даже преклонения перед Францией, ее культурой, философией и, конечно, перед самим Парижем.

Однако первые восторги тут же сменились разочарованием: «Скоро въехали мы в предместье Св. Антония; но что же увидели? Узкие, нечистые, грязные улицы, худые дома и людей в раздранных рубищах. «И это Париж, – думал я, – город, который издали казался столь великолепным?» Однако, продолжает писатель, «декорация совершенно переме-

Н.-Ж.-Б. Рагене.
Париж. Ратуша
и Гревская
площадь.
1753 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРОВЫЙ

нилась, когда мы выехали на берег Сены; тут представились нам красивые здания, дома в шесть этажей, богатые лавки. Какое многолюдство! Какая пестрота! Какой шум!.. Мне казалось, что я, как маленькая песчинка, попал в ужасную пучину и кружусь в водном вихре».

Карамзин никак не мог свыкнуться с мыслью, что он в Париже. В письме от 2 апреля он так и записал: «Я в Париже! Эта мысль производит в душе моей какое-то особливое, быстрое, неизъяснимое, приятное движение... «Я в Париже!» – говорю сам себе и бегу из улицы в улицу, из Тюильри в поля Елисейские, вдруг останавливаюсь, на все смотрю с отменным любопытством: на дома, на кареты, на людей».

Карамзин, прекрасный знаток истории, в том числе Франции и Парижа, бродил по городу как по страницам любимых книг, которые буквально оживали у него на глазах: «Что было мне известно по описаниям, вижу теперь собственными глазами – веселюсь и радуюсь живою картиною величайшего, славнейшего города в свете, чудного, единственного по разнообразию своих явлений».

ПЯТЬ ДНЕЙ КАК ПЯТЬ ЧАСОВ

Для всех наших соотечественников время в Париже пролетало незаметно. Не был исключением и Николай Михайлович: «Пять дней прошли для меня, как пять часов: в шуме, во многолюдстве, в спектаклях, в волшебном замке Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлениями, но я не могу самому себе дать в них отчета и не в состоянии сказать вам ничего связного о Париже. Пусть любопытство мое насыщается, а после будет время рассуждать, описывать, хвалить, критиковать». Карамзин отметил главную, на его взгляд, особенность парижской жизни: «отменную живость народных движений, удивительную скорость в словах и делах». По его словам, «система Декартовых вихрей могла родиться только в голове француза, парижского жителя. Здесь все спешат куда-то; все, кажется, перегоняют друг друга, ловят, хватают мысли, угадывают, чего вы хотите, чтоб как можно скорее вас отправить».

Маршруты путешествий Карамзина – те самые, которые

будет проходить его сын и в целом путешественники в XIX, да и в последующих столетиях. Он побывал в поразившем его воображение Версале, уже пустом, поскольку королевскую семью революционеры вынудили перебраться в Париж, в Тюильри. Ему очень понравилась дорога из Версала в Париж, с которой открывался прекрасный вид: «Париж покажется вам великолепнейшим городом, когда вы въедете в него по Версальской дороге. Громады зданий впереди с высокими шпицами и куполами; на правой стороне – река Сена с картинными домиками и садами; на левой, за пространною зеленою равниною, – гора Мартр (т.е. Монмартр. – Прим. авт.), покрытая бесчисленными ветряными мельницами, которые, размахивая своими крыльями, представляют глазам нашим летящую станицу каких-нибудь пернатых великанов, страусов или альпийских орлов. Дорога широкая, ровная, гладка, как стол, и ночью бывает освещена фонарями. Застава есть небольшой домик,

Л. Дагер. Париж,
вид с холма
Монмартр.
Около 1830 года

которого была свергнута монархия, памятник был сбит с пьедестала и отправлен на переплавку.

Мы помним, что Карамзин прибыл в революционную Францию. Но пока события развивались относительно спокойно (если это слово применимо к революции). Гильотина еще не приступила к своей кровавой работе, король Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта были еще живы... Но 26 августа 1789 года была принята Декларация прав человека и гражданина, ставшая важнейшим программным документом революции.

Тот факт, что Франция была охвачена революцией, понапачалу не особенно ощущается в письмах Карамзина. Да и сами французы вряд ли тогда понимали, куда заведет их желание поиграть в «свободу, равенство и братство». Но постепенно тема революции появляется на страницах писем: «Париж ныне не то, что он был. Гроздная туча носится над его башнями и помрачает блеск сего некогда пышного города. Золотая роскошь, которая прежде царствовала в нем, как в своей любезной столице, – золотая роскошь, опустив черное покрывало на горестное лицо свое, поднялась на воздух и скрылась за облаками; остался один бледный луч ее сияния, который едва сверкает на горизонте, подобно умирающей заре вечера. Ужасы революции выгнали из Парижа самых богатейших жителей; знатнейшее дворянство удалилось в чужие земли, а те, которые здесь остались, живут по большей части в тесном круге своих друзей и родственников».

Да, началась эмиграция, однако тогда никто еще не предполагал, что придется надолго покинуть родину, многие думали, что речь шла о нескольких месяцах, и воспринимали отъезд из Парижа или из Франции как небольшое приключение.

«ПАРИЖ НЫНЕ НЕ ТО, ЧТО ОН БЫЛ»

Елисейские Поля доходят до Тюильри и нынешней площади Согласия. А тогда – площади Людовика XV с конной статуей короля, которую еще застал Карамзин. Сегодня ее уже не увидишь: 11 августа 1792 года, на следующий день после восстания, в ходе

Ж.-Ф.-Ж. де
Сен-Кантен.
Вход в Тюильри
с площади
Людовика XV
в Париже.
Около 1775 года

Э. Виже-
Лебрен.
Мария-
Антуанетта
с детьми.
1787 год

который пленяет вас красотою архитектуры своей».

Далее путешественник оказался на Елисейских Полях. Это сейчас Елисейские Поля – главная артерия Парижа, а тогда – окраина, место воскресных прогулок небогатой публики: «Тут по воскресеньям гуляет народ, играет музыка, пляшут веселые мещанки. Бедные люди, изнуренные шестидневною работою, отдыхают на свежей траве, пьют вино и поют водевили». Неслучайно в 1814 году именно здесь разместились русские полки – подальше от центра, но и тут они стали объектом всеобщего любопытства парижан.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Ж.-С. Дюплесси. Людовик XVI, король Франции, в коронационных одеждах. 1777 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

«НАРОД ЛЮБИТ ЕЩЕ КРОВЬ ЦАРСКУЮ!»

Не застал Карамзин и гильотину, которую в 1793 году установили на бывшей площади Людовика XV, переименованной в площадь Революции. Но он смог увидеть французских монархов: «Вчера, в придворной церкви, видел я короля и королеву. Спокойствие, кротость и добродушие изображаются на лице первого, и я уверен, что никакое злое намерение не рождалось в душе его. Есть на свете счастливые характеры, которые по природному чувству не могут не любить и не делать добра: таков сей государь!.. Королева, несмотря на все удары рока, прекрасна и величественна, подобно розе, на которую веют холодные ветры, но которая сохраняет еще цвет и красоту свою. Мария рождена быть королевою. Вид, взор, усмешка – все показывают необыкновенную душу. Нельзя, чтобы ее сердце не страдало, но она умеет скрывать горесть свою, и на светлых глазах ее не приметно ни одного облачка». В Тюильри он увидел и наследника престола, дофина: «Милой младенец! Ангел красоты и невинности! Как он в темном своем камзолчике с голубою лентою через плечо прыгал и веселился на свежем воздухе! Со всех сторон бежали люди смотреть его, и все без шляп; все с радостью окружали любезного младенца, который ласкал их взором и усмешками своими. Народ любит еще кровь Царскую!» Карамзин рассказывает трогательную историю, как холодной зимой 1788 года бедные парижане соорудили снежный обелиск напротив Лувра «в знак благодарности к нынешнему королю, покупавшему для них дрова. Все парижские стихотворцы сочиняли надписи для такого редкого памятника, и лучшая из них была такой:

*Мы делаем царю и другу своему
Лиши снежный монумент;
милее он ему,
Чем мрамор драгоценный,
Из дальних стран на счет убогих
привезенный.*

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Казнь короля Людовика XVI на площади Революции 21 января 1793 года.
Гравюра И.-С. Эльмана по оригиналу Ш. Монне.
1794 год

Революционные метаморфизы не могли не поражать Карамзина. Он отмечал в апрельском письме: «Говорить ли о французской революции? Вы читаете газеты: следственно, происшествия вам известны. Можно ли было ожидать таких сцен в наше время от зефирных французов, которые славились своею любезностью и пели с восторгом от Кале до Марселя, от Порпиньяна до Стразбурга: <...>
Для любезного народа
Счастье – добрый государь?»

КРОВАВАЯ ИЗНАНКА РЕВОЛЮЦИИ

В то же время взгляд Карамзина оказался весьма проницательным: «Оборонительная война с наглым неприятелем редко бывает счастлива. История не кончилась, но по сие время французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона». Более того, часть дворянства и духовенства, так называемая «просвещенная элита», сознательно расшатывала социальную ситуацию в стране и в итоге не просто не защищила трон, но сделала все для его уничтожения.

«Царскую кровь» французам осталось любить недолго. После восстания 10 августа 1792 года во Франции была уничтожена монархия, а король и королева объявлены врагами на-

ции. 21 января 1793 года на эшафот взошел король Людовик XVI, 16 октября того же года была казнена королева Мария-Антуанетта. Наследник, Людовик XVII, умер от туберкулеза в 1795 году. Карамзин ничего этого тогда знать не мог, но он был прав, когда писал о короле: «Он может быть злополучен; может погибнуть в шумящей буре – но правосудная история впишет Людовика XVI в число благодетельных царей, и друг человечества прольет в память его слезу сердечную». Как отмечает Юрий Лотман, «в момент, когда русский читатель держал в руках страницы, описывающие народную любовь к Людовику XVI, все упомянутые в этой сцене прошли длинной чередой по помосту гильотины».

Карамзин предостерегал русских читателей от катастрофических последствий социальных экспериментов: «Легкие умы думают, что все легко; мудрые знают опасность всякой перемены и живут тихо. Французская монархия производила великих государей, великих министров, великих людей в разных родах; под ее мирною сению возрастили науки и художества, жизнь общественная украшалась цветами приятностей, бедный находил себе хлеб, богатый наслаждался своим избытком... Но дерзкие подняли секиру на священное дерево, говоря:

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

гтом Террора. Как отмечал Лотман, «то, что он видел, его, вероятно, ужасало, но и влекло. Можно думать, что в вихре политических мнений, в потоке слов <...> магнитной стрелкой для него была личная честность говорящих. С этим связана неожиданная, но засвидетельствованная достоверными и близко знавшими Карамзина мемуаристами – в частности, декабристом Н.И. Тургеневым, – глубокая человеческая привязанность его к Робеспьеру».

Пытаясь немного успокоить читателя, которого могли взлопновать революционные сцены, Николай Михайлович сообщал: «Не думайте, однако ж, чтобы вся нация участвовала в трагедии, которая играется ныне во Франции. Едва ли сотая часть действует; все другие смотрят, судят, спорят, плачут или смеются, быт в ладоши или освистывают, как в театре! Те, которым потерять нечего, дерзки, как хищные волки; те, которые всего могут лишиться, робки, как зайцы; одни хотят все отнять, другие хотят спасти что-нибудь».

Открытие Генеральных штатов в Версале 5 мая 1789 года. Гравюра И.-С. Эльмана по эскизу Ш. Монне. 1790 год

Мирабо на историческом заседании Генеральных штатов 23 июня 1789 года. Французская хромолитография

Отчетливо понимая опасности революционного брожения, Карамзин все же отмечал: «Ни якобинцы, ни аристократы твои не сделали мне никакого зла; я слышал споры – и не спорил; ходил в великолепные храмы твои наслаждаться глазами и слухом: там, где светозарный бог искусств сияет в лучах ума и талантов; там, где гений славы величественно покоится на лаврах!»

ПАРИЖСКИЕ УДОВОЛЬСТВИЯ

Возможно, писатель просто не хотел погружаться в эту революционную пучину, желая получать удовольствие от Парижа. И у него это получалось. Он даже с упоением посещал парижские театры! Почему «даже», спросит читатель? Дело в том, что Карамзин, знаток и ценитель драматургии, переводчик Лессинга и Шекспира, редко бывал в театре. Но Париж стал для него исключением: «Целый месяц быть всякой день в спектаклях!. Сам дивлюсь; но это правда».

«Мы лучше сделаем!» Новые республиканцы с порочными сердцами! Разверните Плутарха, и вы услышите от древнего величайшего, добродетельного республиканца Катона, что безначалие хуже всякой власти!»

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЛКИ И ЗАЙЦЫ

Однако пока все казалось не столь опасным, и Карамзин даже посещал заседания Национального собрания – французского парламента, созданного на основе третьей палаты Генеральных штатов. Он сообщал о своих визитах туда в заключительных письмах из Парижа, однако Лот-

ман пришел к выводу, что Карамзин бывал в парламенте многократно, причем в первый раз оказался там буквально в день приезда в Париж. С тех пор посещение Национального собрания стало традицией для русских путешественников.

Карамзин несколько раз присутствовал на прениях в парламенте, в том числе слушал знаменитого графа Мирабо, который совсем скоро уйдет из жизни: «высидел в ложе пять или шесть часов и видел одно из самых бурных заседаний». Из всех революционеров он выделял Максимилиана Робеспьера, который станет лидером монтаньяров и главным идеоло-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

В столице Франции в эти годы насчитывалось, по крайней мере, 16 театров, и многие из них русский путешественник, вероятно, посетил. Во всяком случае, он со знанием дела писал: «Кроме сих главных пяти Театров есть в Париже множество других в Palais Royal, на бульварах, и для всякого спектакля находятся особливые зрители. Не говоря уже о богатых людях, которые живут только для удовольствий и рассеяния, самые бедные ремесленники, Савояры, разношники, почитают за необходимость быть в Театре два или три раза в неделю; плачут, смеются, хлопают, свищут и решают судьбу пьес».

Русский путешественник фланнировал по парижским бульварам, бывал в Лувре, Версале и Пале-Рояле. Он гулял по прекрасному саду Тюильри и не знал, чем больше любоваться, «густотою ли древних аллей или приятностию высоких террас, которые на обеих сторонах простираются во всю длину сада, или красотою бассейнов, цветников, ваз, групп и статуй. Художник Ленотр, творец сего, конечно, искуснейшего сада в Европе, озабочивал каждую его часть печатью ума и вкуса». При этом он отмечал, что «здесь гуляет уже не народ, так, как в полях Елисейских, а так называемые лучшие люди, кавалеры и дамы, с которых пудра и румяна сыплются на землю».

ПАРИЖ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ФРАНЦУЗОВ

Он бродил по улицам и поражался контрастам Парижа: то красота и роскошь, «первый город в свете, столица великолепия и волшебства», то «тесные улицы, оскорбительное смешение богатства с нищетою; подле блестящей лавки ювелира – куча гнилых яблок и сельдей; везде грязь и даже кровь, текущая ручьями из мясных рядов, – зажмете нос и закроете глаза. Карти-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Опера
Ж.-Б. Люлли
«Армида»,
поставленная
в Королевском
оперном театре
в 1761 году.
Акварель работы
Г.-Ж. де Сент-
Обена

на пышного города затмится в ваших мыслях, и вам покажется, что из всех городов на свете через подземельные трубы сливаются в Париж нечистота и гадость». Но «ступите еще шаг, и вдруг повеет на вас благоухание счастливой Аравии или, по крайней мере, цветущих лугов провансских: значит, что вы подошли к одной из тех лавок, в которых продаются духи и помада и которых здесь множество. Одним словом, что шаг, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты – так, что вы должны будете назвать Париж самым великолепным и самым гадким, самым благовонным и самым вонючим городом».

Такой образ Парижа вполне сочетался с французским характером. Для одной французской дамы Карамзин определил его так: «Скажу: огонь, воздух – и характер французов описан. Я не знаю народа умнее, пламеннее и ветренее вашего. Кажется, будто он выдумал или для него выдумано общежитие: столь мила его обходительность и столь удивительны его тонкие соображения в искусстве жить с людьми!.. Француз непостоянен – и незлопамятен; удивление, похвала может скоро ему наскучить; ненависть также.

По ветрености оставляет он доброе, избирает вредное; зато сам первый смеется над своею ошибкою – и даже плачет, если надо. Веселая безрассудность есть милая подруга жизни его. <...> Минуты его жара, исступления, ненависти могут иметь страшные следствия, чему примером служит революция. Жаль, если эта ужасная политическая перемена должна переменить и характер народа, столь веселого, остроумного, любезного!»

Французы – сыны Декарта, они считали и считают себя философами – эту черту верно подметил Карамзин. Ее же потом всегда будут отмечать наши соотечественники. «Париж есть город единственный, – писал в мае 1790 года Николай Михайлович. – Нигде, может быть, нельзя найти столько материи для философских наблюдений, как здесь; нигде столько любопытных предметов для человека, умеющего ценить искусства; нигде столько рассеяния и забав». При этом он добавлял, что такая страсть к философствованию таила в себе и опасности: «Сирен множество, и пение их так сладостно, усыпительно... Как легко забыться, заснуть! Но пробуждение едва ли не всегда горестно – и первый предмет, который явится глазам, будет пустой кошелек».

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ков: «Однако ж не надобно себе воображать, что парижская приятная жизнь очень дорога для всякого; напротив того, здесь можно за небольшие деньги наслаждаться всеми удовольствиями по своему вкусу. Я говорю о позволненных, и в строгом смысле позволенных, удовольствиях. Если же вздумает коротко знакомиться с певицами и актрисами или в тех домах, где играют в карты, не отказываться ни от какой партии, тому надобно английское богатство».

БЛАГОДАРНОСТЬ ЛЮБЕЗНОМУ ПАРИЖУ

Но пришло время прощаться с Парижем. Карамзин покидал его с большой грустью: «Я оставил тебя, любезный Париж, оставил с сожалением и благодарностию! Среди шумных явлений твоих жил я спокойно и весело, как беспечный гражданин вселенной, смотрел на твое волнение с тихою душою, как мирный пастырь смотрит с горы на бурное море». Париж для него – город удовольствий: «...я не знал в Париже ничего, кроме удовольствий. Провести так около четырех месяцев есть, по словам одного английского доктора, выманить у скопой волшебницы судьбы очень богатый подарок».

А дальше писатель и историк направился в Англию, которую, по его собственным словам, он «в ребячестве своем любил с таким жаром и которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из первых государств Европы». Париж и Лондон были, по его собственным словам, «двумя Форосами» его путешествия. При этом в Лондоне ему понравилось даже больше. Но это уже совсем другая история.

А мы же попрощаемся с Николаем Михайловичем для того, чтобы спустя 46 лет отправиться в путешествие в Париж в компании его сына, Андрея Николаевича.

Окончание следует.

ГУЛЬБИЩА И ДЕНЬГИ

Финансовый вопрос для Карамзина был немаловажным. Он отправился в путешествие за свой счет, поэтому экономил. Но все же потратил 1800 рублей, что при его ограниченных средствах было немалой суммой. В денежных вопросах Николай Михайлович был весьма щепетилен; он не любил влезать в долги, а обычная в дворянском обществе манера беспечно одолживать деньги, не задумываясь об их возвращении, была ему, как отмечал Юрий Лотман, совершенно чужда.

Однако Карамзин подчеркивал, что в Париже можно жить весело и небогатым людям, и поражал-

ся тому, как люди весьма скромного достатка не отказывали себе в самых разных удовольствиях. «Здесь многие люди, которые всякий день являются на гульбищах, в Пале-Рояль, даже в спектаклях, причесанные волос к волосу, распудренные, с большим кошельком на спине, с длинною шпагою на бедре, в черном кафтане, не имеют копейки верного дохода, а живут, веселятся и, судя по наружному виду, беспечны, как птицы небесные. Средства? Они разнообразны, бесчисленны и нигде, кроме Парижа, неизвестны».

Вполне доступна, по словам Карамзина, была парижская

Дворец и сад
Тюильри.
1818 год

Ф.-Л. Дебюкур.
Гулянье
в галерее
Пале-Рояля.
По акварели
К.-Л. Дерэ.
1787 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЗАГАДКИ ДОМА ГЕОГРАФИИ

автор

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

С МОМЕНТА СОЗДАНИЯ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I ЕЖЕГОДНО ПОЛУЧАЛО
ИЗ КАЗНЫ ФИНАНСОВУЮ ПОМОЩЬ В РАЗМЕРЕ 10 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ 39 КОПЕЕК.

А КРОМЕ ТОГО, ВЫХЛОПОТАЛО РАЗРЕШЕНИЕ ИМЕТЬ СОБСТВЕННУЮ
ГЕРБОВУЮ ПЕЧАТЬ И ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПРАВОМ БЕСПЛАТНОЙ ПЕРЕСЫЛКИ
КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

ПОДОБНОЕ «МИЛОСТВИЕ» вспомоществование от казны сразу поставило Русское географическое общество (РГО) в исключительное положение по сравнению с другими аналогичными институтами. Например, Вольному экономическому обществу, объединенному с Российским обществом лесоводства, ежегодно выделялось 3428 рублей серебром. Минералогическому обществу в Санкт-Петербурге и двум московским обществам (испытателей природы и улучшения овцеводства) из казны выписывалось по 2857 рублей серебром каждому. А Обществу истории и древностей в Москве – не более 1428 рублей серебром. Российскому же обществу любителей садоводства ежегодные субсидии не предусматривались во все, только при учреждении оно получило «в подарок от императора имение».

Но дело заключалось не только в финансах и привилегиях. Зимний дворец открывал перед РГО совершенно несопоставимые в сравнении с другими общественными организациями перспективы деятельности. Прежде всего потому, что над ним витал дух сопричастности власти. Ведь ре-

зиденция императоров, в которой задумывалось и создавалось РГО, была местом, куда вход простым смертным был закрыт. Да и не всякий аристократ мог легко попасть в Зимний дворец. Вспомним, к примеру, как был обескуражен молодой Иван Тургенев, явившийся во дворец, чтобы встретиться с Василием Андреевичем Жуковским. Исполняя просьбу своей матушки, Тургенев должен был передать знаменитому поэту и главному воспитателю цесаревича Александра и великого князя Константина подарок ко дню именин – красивую бархатную подушку. «Я должен был назвать себя, объяснить, чей сын, и поднести подарок, – вспоминал Иван Сергеевич. – Но когда я очутился в огромном, до тех пор мне незнакомом дворце, когда мне пришлось пробираться по каменным длинным коридорам, подниматься на каменные лестницы, то и дело натыкаясь на неподвижных, словно тоже каменных, часовых; когда я наконец отыскал квартиру Жуковского и очутился перед трехаршинным красным лакеем с галунами по всем швам и орлами на галунах – мною овладел такой трепет, я почувствовал такую робость, что, представ в кабинет, куда пригла-

сил меня красный лакей и где из-за длинной конторки глянуло на меня задумчиво-приветливое, но важное и несколько изумленное лицо самого поэта – я, несмотря на все усилия, не мог произнести звука: язык, как говорится, прилип к горлани, и весь сгоря от стыда, едва ли не со слезами на глазах, я остановился, как вкопанный, на пороге».

ОТПРАВЛЕНИЕ В ПУТЕШЕСТВИЕ, ИЛИ ПЛАН ВАСИЛИЯ ЖУКОВСКОГО

Мы не случайно вспомнили о Жуковском, ставшем своего рода духовным предтечей РГО. Поклонник педагогики Иоганна Песталоцци и почитатель идей Иоганна Гердера и графа де Бюффона, Василий Андреевич был прекрасно знаком с великим немецким географом-натуралистом и основателем современной географии Александром фон Гумбольдтом. А кроме того, страстно увлекался сочинениями по географии и собрал в своей библиотеке огромную коллекцию карт и книг о путешествиях. Среди них были труды его друга, адмирала Федора Литке, многочисленные трактаты по истории географии, путеводители, основополагающие учебники

ки и работы известных ученых, в том числе Ивана Кириллова, Петра Симона Палласа и Карла Риттера. Обучая цесаревича «Введению в общую географию», Жуковский представлял процесс обучения как некое странствие и пытался превратить августейшего ученика в исследователя-географа, который пустился в путь, вооружившись компасами, бусолями, картами и статистическими таблицами. В 1826 году, готовя «Проект плана учения его императорского высочества государя великого князя наследника цесаревича», он подчеркивал важность образования как нравственного фундамента личности: «Его высочеству нужно быть не ученым, а просвещенным. Проповедование должно познакомить его только со всем тем, что в его время необходимо для общего блага и во благе общем для его собственного. Просвещение в истинном смысле есть многообъемлющее знание, соединенное с нравственностью».

Обучение цесаревича Жуковский разделял на три периода, своего рода «путешествия»: «учение приготовительное» (с 8 до 13 лет), «учение подробное» (с 13 до 18 лет), «учение применительное» (с 18 до 20 лет). Первый этап напоминал «приготовление к путешествию», то есть означал обучение языкам и развитие природных дарований. Во время второго периода цесаревич должен был отправиться в само «путешествие»: «Путеводный компас в руках. Карта известна.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

П.Ф. Соколов.
Портрет В.А. Жуковского.
Середина 1820-х годов

Дороги означены. Нет опасности заблудиться. Ум приготовлен, любопытство пробуждено». В этот период следовало преподавать нужные для дела науки – антропологические и онтологические. Венчала же процесс образования финальная стадия, подразумевавшая «окончание путешествия», в ходе которой воспитанник, постигнув науки, приводил в порядок свои мысли, составляя «коренные правила жизни, которые не иное что, как произведение всего, что дали ему воспитание и учение». Посоением же для ученика являлось чтение «истинно-классических книг, предпочтительно таких, кои могут познакомить питомца с высоким его назначением и страной, которой он должен посвятить жизнь свою». А итогом должны были стать ответы на важнейшие фундаментальные вопросы: «обозрение знаний»; «взгляд

на место, занимаемое в обществе и на обязанности с ним соединенные»; «отчет в самом себе перед самим собой и утверждение правил, необходимых для деятельности добродетельной»; «идеал человека вообще и своего знания в особенности».

Так что географическая наука обосновалась в Зимнем дворце задолго до создания РГО. И разговоры о необходимости такого института проходили в дворцовых квартирах Жуковского и Литке. О встречах на служебной адмиральской квартире в Зимнем дворце вспоминал в «Автобиографии» географ-альпинист, покоритель Анд и Пиренеев Платон Чихачёв, посетовавший, впрочем, что никаких письменных свидетельств от этих собраний у него не сохранилось. Правда, тех, кто приходил к адмиралу, он помнил: воспитанник Литке великий князь Константин Николаевич и близкие друзья из числа академиков и моряков – Бэр, Врангель, Берг, Гельмерсен, Рикорд, Лёвшин и Кёппен. Слова Чихачёва подтверждали секретарь РГО барон Остен-Сакен и секретарь председателя общества, великого князя Константина Николаевича, министр народного просвещения Александр Головнин. Напомним, это был сын наставника и покровителя Литке, выдающегося мореплавателя Василия Головнина.

В апартаментах Зимнего дворца решались главные вопросы управления страной, и РГО, действуя в

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

И.И. Шарлемань. Корабельная. Детская сыновей Николая I в Зимнем дворце

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

К. Гампельн. Портрет цесаревича Александра Николаевича в детстве. Гравированный портрет 1827 года

рамках имперской идеологии «официальной народности», оказалась одним из действенных инструментов в руках власти. За несколько лет до создания РГО влиятельный издатель журнала «Московский телеграф» Николай Полевой, словно бы предваряя программные документы общества, размышлял о корнях «народного начала» и «духовности» страны. Говоря о «народности», он предположил, что «двойная бывает она и в поэзии, и в общественном образовании. Все народы испытывают первую – не все достигают до второй. Первая народность та, которую можно назвать детским возрастом каждого народа. Климат, местность, происхождение, обстоятельства придают особенную физиономию самому дикому и первобытному обществу, и по ним создаются его нравы, законы, языки и поэзия, которая напевает уже свою песню, качая колыбель общества-младенца». Вторая же и высшая, по мнению Полевого, «народность» – «государственность», создаваемая «трудами правительства и нашей историей». Именно эта «вторая народность» и занимала правительство в первую очередь. Мир, рожденный идеологией Просвещения, Французской революцией и Наполеоновскими войнами, отступал.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Ф.-Г. Вейч. Александр фон Гумбольдт.
1806 год

На пороге стояли новые идеи, политические реалии и ценности: промышленная революция и возникновение национальных государств в Европе и Америке шли рука об руку с формированием патриотических идеологий и повышенным вниманием власти и общества к освоению «внутренних» территорий, понимаемых теперь как единые национальные пространства. Власть все более напоминала профессионального чиновника дорожных служб, который с пером и циркулем в руках пытался сначала поместить на карту, а затем и регулировать занимаемое государством географическое пространство. Его орудиями выступали бюджетные ведомости и

статистические данные. С их помощью власть намечала основные векторы деятельности и держала под контролем экономическую и социальную жизнь страны. Именно в это время география заявила свои права в сфере управления. На первый план выдвигались три ключевых аспекта контроля над территорией: освоение и трансформация физического пространства в geopolитическую категорию, исследование его белых пятен и разработка новых технологических карт, своего рода скрытых информационных звеньев управления. С помощью последних приводящие круги могли увидеть то, что было скрыто от глаз обычного путешественника: этнографическую картину страны и языки населения, слои геологических отложений, размещение промышленности, пути сообщения, статистику и хозяйственную активность нации.

В некотором роде символом того, как власти понимали это новое прочтение географии, стал торжественный обед в Зимнем дворце в мае 1829 года, на который был приглашен Александр фон Гумбольдт, совершивший по приглашению русского правительства путешествие по России. Во время беседы с императором географ с иронией заметил, что подвластная Николаю I страна «равна по пространству Луне». Монарх же перевел разговор в рациональное русло: «Если бы она была на три четверти менее, то управлялась бы более разумно».

Император отдавал себе отчет в том, что научный инструментарий для «разумного» управления подготовлен. А вот масштабы и детали необходимых гидрографических, картографических, этнографических, ботанических, метеорологических, минералогических, зоологических исследований осознать было намного труднее. Хотя с началом второй четверти XIX века деятельность по изучению собственной страны резко активизировалась, вылившись в организацию широкомасштабных экспедиций по

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Карта азиатской части Российской империи. 1823 год

Балтике и Карелии, Поморью и Арктике, Уралу и таежным зонам Сибири, Тихоокеанской периферии, Причерноморью, Крыму и Кавказу. По их результатам в 1832, 1833 и 1846 годах были составлены новые атласы Российской империи и подготовлены первые специальные карты – климатические, этнографические, почвенные, гидрографические, геологические и лесных угодий. Дело курировали Министерство финансов, Министерство внутренних дел, а также Министерство государственных имуществ. Однако полученные результаты были далеки от идеала. Прежде всего в силу гигантской протяженности имперского пространства, разнообразного по своей природе. Мешала и изначальная несходность применимых технических подходов в описании, а также разнородность в интерпретации полученных результатов и на местах, и в министерствах. Казалось бы, эти «погрешности» было легко исправить, предложив единые для всех «правила игры», но при всей тщательности и доскональности в проведении «полевых» естественно-научных и гидрографических исследований региональная специфика и разнородность ведомственных подходов обрекали дело на провал. Между тем потребности изучения территорий империи диктовали необходимость централизации, которая бы позволила совместить современные теоретические подходы, академизм научных изысканий и четкость в постановке и реализации правительенной программы.

Эта задача и легла на плечи будущего Русского географического общества. Зимний дворец, Академия наук и ученые кружки наметили векторы возможного развития событий. Реализация дела оказалась в руках Министерства внутренних дел, став частью широкой программы по структуризации и реформированию системы управления страной, проводимой под руководством главы МВД, графа Льва Александровича Перовского.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Ф. Крюгер. Портрет Льва Перовского.
Середина 1840-х годов

ПРОСВЕЩЕННЫЙ БЮРОКРАТ

С кем у нас ассоциируются чиновники? На ум приходят трагикомичные образы из сочинений Гоголя, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Островского. Все эти литераторы повидали достаточно во время своей государственной службы, чтобы стать беспощадными критиками имперской канцелярии. Казнокрадство, бумажная волокита, закостенелость, рутинна, инерция – эти хорошо знакомые характеристики чинуш укоренились в нашем сознании еще со школьной скамьи. Благодаря литературным образам чиновничество ассоциируется с обезличенным бессердечным персонажем, за скромной фигурой которого скрывается вселенское зло.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Проект сообщения между реками Волгой и Москвой из Гидрографического атласа Российской империи. 1832 год

Но, может быть, это только часть картины? Не забываем ли мы о том, что бюрократизация Николаевской эпохи являлась неотъемлемой частью формирования современного государства? И в гигантской Российской империи с ее пестрым многонациональным населением, разнообразными культурными особенностями и правовыми традициями процессы эти протекали в крайне сжатые сроки в условиях кадрового голода, недофинансирования и сопротивления местных элит, бывших за сохранение собственных привилегий. А в авангарде переустройства России оказалась «просвещенная бюрократия» – своего рода интеллектуальный штаб страны.

Одним из ярчайших лиц в ряду таких эффективных бюрократов был Лев Перовский –bastard графа Алексея Кирилловича Разумовского. Он получил от отца огромное состояние, права потомственного дворянства и фамилию, произведенную от названия подмосковного имения (Перово) его батюшки – известного масона, сенатора и библиофила. Надо сказать, все незаконнорожденные сыновья графа Алексея Кирилловича и Марии Михайловны Соболевской достигли многое. Старший, Николай, дипломат и дед руководительницы «Народной воли» Софии Перовской, стал губернатором Крыма. Алексей вписал свое имя в историю русской литературы под псевдонимом Антоний Погорельский и известен всем как автор сказки «Черная курица, или Подземные жители» (см.: «Русский мир.ru» №8 за 2011 год, статья «Первый двойник»). А Борис воспитывал будущего императора, Александра III. Молодой Лев Перовский, подобно многим юным дворянам, бредил идеями Жан-Жака Руссо и даже задумывал бежать на Тихий океан, вознамерившись создать на далеком острове «подле Японии» новую свободную республику. Но пришла война 1812 года, вместе с братом Василием – будущим генерал-губернатором Оренбургской и Самарской губерний, другом Жуковского и отцом-основателем

РГО – Лев храбро сражался при Бородине. Василий же попал в плен. Он едва не был расстрелян французами, а затем в скорбной колонне военнопленных испытал все кошмары бегства «великой армии» из России. Уже во Франции, вместе с отцом будущего руководителя РГО, подпоручиком Петром Семеновым, Василий Перовский в феврале 1814 года пытался бежать в занятый русскими войсками Орлеан. Но затея провалилась, и Перовскому пришлось ждать, пока Русская армия не вызволит его из плена.

У Льва военная биография сложилась иначе. За плечами у него были битвы под Малоярославцем, Вязьмой, Красным, Лютценом, Лейпцигом. Получив за храбрость Золотую шпагу, он состоял при начальнике Генерального штаба князе Петре Волконском, прошел всю Европу и вступил с победоносными русскими войсками в Париж. Ему не были чужды либеральные идеи, он мечтал о великой России, стал своим среди декабристов, заслужив «славу» одного из создателей Союза благоденствия. Но затем он постепенно отдалился от соратников, сочтя их замыслы пустым ребячеством. У него были другие планы: в 1823 году, оставив военную службу, полковник Перовский перешел в Коллегию иностранных дел, а в 1826-м – в Департамент уделов. Став через четыре года вице-президентом ведомства, этот «худощавый, красиво сложенный, прямо и гордо державшийся человек среднего роста, в очках и сильно завитом каштановом парике, худобы в лице почти скелетообразной» уже намечал наброски будущих реформ. Он полагал, что следует создать органы крестьянского самоуправления, перевести удельных крестьян на денежный оброк и равномерно перераспределить наделья. Будущее виделось ему в рациональном преобразовании русской удельной деревни, а значит, в подчиненных его ведомству землях надлежало основывать крестьянские школы и возводить больницы и ветеринарные пункты. В мае 1832 года в Петербурге было создано Удельное

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

К.-А. Зенфф (?).
Портрет В.И. Даля.
1826–1829 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Петр Григорьевич Редкин
(1808–1891), юрист, профессор
Московского университета

земледельческое училище. Покровительствуя ему, Перовский организовал заведение по образцу ланкастерских школ (система, основанная на методе взаимного обучения: старшие ученики обучаются младших под руководством учителя. – Прим. ред.). В течение шести лет здесь получали образование 250 юношей-крестьян из удельных имений, которые должны были стать грамотными специалистами в различных сферах сельского хозяйства.

К моменту назначения на пост министра внутренних дел в 1841 году Перовский, которого подчиненные именовали Тигром, являлся образец знающего и стратегически мыслящего вельможи. Он легко определял слабые звенья управления и сурово требовал их исправления. По воспоминаниям Владимира Панаева, служившего под началом Перовского, был он человеком «желчного холерического сложения, от того болезненный, нетерпеливый, вместе с тем мстительный, гордый. Характер имел твердый, настойчивый, готов был прошибить каменную стену, лишь бы достичь своей цели; непомерно милостивый к тем немногим, которые ему нравились, безжалостно невнимательный к тем, которые почему-либо не нравились; честолюбивый до ненасытности и устремлявший к тому все свои помышления, все свои действия, застенчивый в обществе сторонних людей и от того редко вы-

езжалший в большие собрания, плохо, неясно, с затруднением объяснявшийся, плохо и мало писавший, но умевший очень хорошо оценять достоинства и недостатки в редакции других. К части его можно сказать, что он любил окружать себя людьми способными и оказывать им сильное покровительство; что любил заниматься некоторыми науками, входящими в круг его служебных обязанностей, как-то: минералогией, ботаникой, археологией; что был господин своего слова; не терпел низких поступков, но, к сожалению, людей подобного рода, наушников, доносителей, същиков, охотно употреблял (а особенно сделавшись министром внутренних дел) для достижения своих намерений». Рабочий кабинет Перовского походил на лабораторию интеллектуала-просветителя: кирпичные стены были завешаны географическими картами и топографическими планами, вокруг стола громоздились глобусы и астролябии, у окон выстроились физические инструменты, а вдоль стен – анатомические препараты и коллекции по энтомологии, ботанике и орнитологии. Двумя уровнями выше, на четвертом этаже Министерства внутренних дел, располагалась квартира Владимира Даля – чиновника особых поручений и руководителя Особенной канцелярии МВД. Кстати, получил он это место по протекции Василия Перовского,

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Николай Иванович Надеждин (1804–1856), литературный критик, этнограф, лингвист, издатель журнала «Телескоп»

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889), русский государственный деятель, историк

под началом которого служил в Оренбурге. Приятель Даля, писатель Павел Иванович Мельников-Печерский, вспоминал, что «по четвергам собирался у Владимира Ивановича кружок близких людей: тут бывали академики, профессора, литераторы, художники, музыканты, моряки, артиллеристы, военные инженеры, офицеры Генерального штаба, все люди мысли, слова и искусства. Здесь-то, на этих четвергах, зародилась и выработалась мысль об учреждении Русского географического общества, которое бы находилось в ведении министра внутренних дел». В то время МВД контролировало важнейшие сферы управления: логистику, губернии, здравоохранение, цензуру, полицию. И Перовский, и Даляр – рационалисты-профессионалы, выстраивая новую модель державы, придавали особое значение именно географии: обширные и пока еще малоизученные массивы русских земель должны были стать фундаментом в строительстве великой России, а статистика – ключом к ее преобразованию. Взяв курс на реформирование МВД, Перовский действовал в духе времени, обозначив корень проблем в неэффективной работе чиновничего аппарата, коррупции и ненадежности поступавших в министерство сведений о состоянии империи. А потому министр сосредоточился на укреплении служебной дисциплины и сокраще-

нии штатов. Ревизии, проверки отчетности и постоянные служебные командировки чиновников особых поручений стали при Перовском отличительной чертой МВД. Лев Алексеевич осознавал, что рапорты и ведомости, получаемые в Петербурге, и реальное состояние дел на местах – вещи совершенно разные. Выход из положения министр видел в том, чтобы упорядочить и выстроить систему отчетности, которая бы основывалась на единой, принятой на всем пространстве империи статистической документации. И, разумеется, следовало точно картировать страну, систематизируя географические сведения о ней. Обобщенные и точные карты империи должны были составить визуальный скелет, картографическое тело империи. Тем самым в распоряжении органов управления оказалась бы единая, унифицированная база, позволяющая видеть империю под иным углом зрения.

Однако для реализации столь далекоидущих планов требовались единомышленники. И Перовский постепенно сформировал вокруг себя когорту блестящие образованных молодых прагматиков. Параллельно своей службе они решали вопросы создания РГО, а географию, статистику, этнографию и словесность рассматривали как важнейший управлеченческий ресурс. Помимо Владимира Даля, журналиста и этнографа Николая Надеждина

и известного статистика Николая Милютина в ведомстве Перовского служили и другие блестящие управленцы и ученые. Это были профессора Московского университета Петр Редкин и Александр Чивилёв, директор медицинского департамента МВД Александр Рихтер, министр народного просвещения граф Дмитрий Толстой, один из основателей русской контрразведки Иван Липранди (он же – прототип пушкинского Сильвио из «Выстрела». – Прим. авт.), писатели Иван Аксаков, граф Владимир Сологуб, Николай Жеребцов, граф Алексей Толстой, философ Юрий Самарин, ориенталист Василий Григорьев, археолог граф Алексей Уваров, этнограф-фольклорист Иван Сахаров и многие другие. Секретарем же Особенной канцелярии при Перовском был ранее упомянутый Александр Головнин.

Осознание властью необходимости координации триады Пространство–Знание–Управление стало мощным двигателем к созданию Русского географического общества. И эту связь, о которой писал Полевой, размышляя о «первой» и «второй» «народности», организаторы РГО подспудно держали в голове. «Возьмем близкий к делу пример: вам была бы дана задача изложить начала, основания, на коих должна была бы основываться обработка языка каких-нибудь островитян Тихого океана; предполагается преобразовать, перевоплотить дикарей, дать им грамоту, понятия образованные и приспособить к этому всему их младенческий лепет, – писал Владимир Даляр в 1842 году. – Чем бы вы начали?.. Конечно, следовало бы приступить первоначально к изучению языка, грубого, дикого, бедного, необработанного, каков он ни есть, и... изучив дух, свойства и потребности языка, строить на этом основании далее. То же самое предстоит теперь нам». Вот только оставался вопрос: кто и каким способом будет определять векторы будущего развития страны и направлять его динамику?

Окончание следует.

ПЕВЕЦ СИБИРСКОГО ЛУКОМОРЬЯ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЕГО НАЗЫВАЛИ «КАПИТАНОМ ВОЗДУШНЫХ ФРЕГАТОВ», «ЧАРОДЕЙНЫМ МАСТЕРОМ МИСТИЧЕСКОГО ЗЕЛЬЕВАРЕНЬЯ СТИХА», «ПОЭТОМ ВЫСОЧАЙШЕЙ ПАРНАССКОЙ ПРОБЫ». ЛЕОНИД МАРТЫНОВ, «СИБИРСКИЙ САМОРОДОК-САМОЦВЕТ», ЖИЛ СЛОВНО БЫ ВНЕ ВРЕМЕНИ – НА ГРАНИ ПРОШЛОГО С ГРЯДУЩИМ, ВОСПРИНИМАЯ НАСТОЯЩЕЕ КАК МИГ ПЕРЕХОДА В БУДУЩЕЕ.

«**Я**

РОС НА БРЕВЕН-чата-кирпичной границе старого церковно-банного, кошмяно-юртового, пыльного, ковыльного старого мира и – железнодорожного, пароходного, пакгаузно-элеваторного, велосипедно-аэропланного и телефонно-пищущемашинного нового мира, отдавая решительное предпочтение последнему». Так Леонид Мартынов, родившийся в 1905 году в Омске, вспоминал свое детство.

Леня был большим выдумщиком. Ведь он «с самого раннего детства вместо детских сказок, которые были не в ходу в доме, наслушался множество странных и дивных историй от бабушки Бади». На самом деле бабушку звали Мария Васильевна. Она, дочь петербургского чиновника, вышла замуж за военного инженера Григория Збарского. Тот получил назначение в город Верный (ныне – Алма-Ата). «Дед мой строил военный госпиталь и, по словам бабушки, вел предварительные работы по постройке собора, как предполагалось – высочайшего в мире деревянного храма, здания, способного выдержать самые большие землетрясения. Кроме того, он замышлял орошение степей каналами. Но осуществить эти замыслы ему не удалось. Вступив при строительстве госпиталя в борьбу с лихимицами-интендантами, он не то был отравлен каким-то медленно действующим азиатским ядом, не то просто впал в тяжелое нервное расстройство». После смерти мужа Мария Васильевна устроила сына Володю в Оренбургский кадетский корпус и переехала с остальными детьми – Татьяной, Александром и Марией (будущей матерью поэта) – в Омск. Окончив прогимназию, Мария Григорьевна поехала учительствовать в одну из казачьих станиц Кокчетавского округа. «Жить там ей было жутковато. Пугали, как вспоминала мама, не столько казаки рассказами о степных барантачах, сколько казачки рассказнями

о всякой банный нечисти, шишигах и кикиморах. И мама была очень довольна, когда явился в станицу ее омский поклонник, мой отец, окончивший техническое училище, и увез ее в Омск». Детство будущего поэта прошло в Казачьем форштадте (один из районов Омска. – Прим. ред.). Поблизости располагались Казачий собор, костел и мечеть. «И голос муэдзина с ее минарета перекликался порой с лютеранским дребезжащим колоколом кирхи за Омью, в крепости. Вот сколько разнообразных мотивов и напевов лезло мне в уши в годы моего детства, наверное, для того, чтобы потом отозваться в моих будущих переводах с польского, с латышского, с литовского, с казахского, с татарского и еще бог знает с каких языков...».

Отец Лени был железнодорожным техником. Так что первые годы жизни мальчик провел в служебном вагоне и знал «каждую водокачку между Челябинском, Омском и Каинском». Когда отец стал работать в городском управлении, Леня часто сопровождал его в поездках на вокзал, в паровозное депо, за реку на станцию Куломзино. «Лазать на паровозы было любимейшим развлечением моего детства. ... Я очень увлекался ими, я рисовал их, играл в них, я даже сооружал зимой их подобия из снега».

С ГАРДЕРОБА – В ЛИТЕРАТУРУ

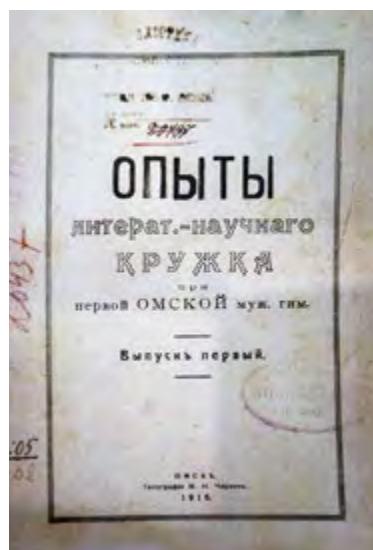
Мальчишка грезил железной дорогой. Но в жизни ему была суждена иная дорога. Причем началась она с гардероба, который стоял в комнате жившего с ними в одном доме дяди Саши – брата Марии Григорьевны. На этом шкафу лежали старые газеты и журналы. И маленький Леня начал лазить на гардероб и рыться в подшивках. «Не помню такого времени, чтоб я не знал грамоты, вероятно, я научился читать лет с четырех».

Повзрослев, Леня начал бродить по книжным магазинам, лавочкам и развалам букинистов. Прочитал все вышедшие

к тому времени произведения Джека Лондона и Александра Грина. Его интересовало все, кроме поэзии. «Однако поэзия только делала вид, что может оставить меня к себе равнодушным. Она только и ждала, чтобы забрать меня в свои руки, <...> Это случилось, насколько я помню, на второй год германской войны, <...> тогда-то я и прочел стихи Маяковского «Я и Наполеон». <...> О, конечно же, мне страшно захотелось и самому сыграть ноктюрн на флейте водосточных труб, там, «где перекрестком распяты городовые». Мне захотелось написать что-то похожее, <...> Получилась довольно странная вещь. <...> Видимо, сыщики из приключенческих романов, прочитанных мною, еще такочно сидели в моей голове, что не хотели уступить место поэзии Маяковского, и получилось у меня почему-то вот что:

Пахучих прерий сон
Огромевает выстрел,
О, брат мой «смит-вессон»,
Летучиши смерть ты быстро».

Так Первая
омская мужская
гимназия
выглядела
в начале XX века,
когда там учился
Леня Мартынов

Этот стих Леня показал старшему брату, Николаю. Тот, разумеется, творение забраковал. Тогда юнец решил заняться рисованием. И привел в ужас бабушку, которая «увидела первые мои робкие попытки изобразить внизголовых, распятых перекрестками городовых и мою нянечку Дуню, хватаемую лохматой, словно бы в вывернутом тулуле, банный нечистью, и меня самого в образе голого юноши в таитянском набедреннике и киргизском малахе, едущего на верблюде к Тополевому Мысу. То есть ничего, кроме гнусного безобразия, смутно известного ей под названием «футуризм», <...> она во всем этом не усмотрела».

ПО ЗАКОНАМ НОВОГО МИРА

Футуристом Леонид, кстати, действительно стал, правда, чуть позже. А пока вокруг рушился прежний мир: началась Гражданская война. Омск превратился в столицу белой России, но менее чем через год в город вошла Красная армия.

И лес лилов, и снег стал розов,
И розовая ночь была,
И с отступающих обозов
Валились мертвые тела.

За взрывом взрыв над полем боя
Взлетал соперником луне,
И этот бой покрыл былое,
И день настал
В другой стране.

Автору этих строк было всего 15 лет...

Вскоре Леонид присоединился к буйной ватаге молодых футуристов: он входит в творческое объединение «Червонная тройка» (1921–1922), организованное художником Виктором Уфимцевым, и пропагандирует новое искусство. Причем своеобразно. «Скажем, в каком-нибудь из многочисленных клубов ставилась какая-нибудь захудалая, с нашей точки зрения, пьеска, <...> Мы незаметно проникали за кулисы, и затем кто-нибудь из нас выходил на сцену и впутывался в действие декламацией стихов – «Левого марша» Маяковского, либо «Сарынь на кичку» Василия Каменского, либо своих собствен-

ных. Ошеломив этим актеров и завладев вниманием публики, декламатор произносил краткую речь о старом и новом искусстве». А еще омские футуристы устраивали выставки «новой живописи». Леонид тоже выставлял свои художественные опыты: «...например, злую самочку с мешком за плечами, скривившуюся на крыше теплушке». Или «кентавра, мчащегося на испуганноокой одушевленной мотоциклетке». Потом Леонид Николаевич напишет: «...и это было единственной в моей жизни принадлежностью к «измам», направлениям, школам».

Кстати, обычную школу он бросил, не окончив четвертый класс гимназии. Заявил, что хочет стать художником, а общий культурный уровень намеревается повышать собственными силами. «Поразительно, но Леонид Мартынов не получил даже среднего образования. Гимназию не окончил и больше не учился нигде. При этом он был одним из образованнейших людей своего времени», – говорит заместитель директора Омского литературного музея Светлана Рудницкая.

ЗОВ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

Поэтический дебют Мартынова состоялся в 1921 году в омском журнале «Искусство»:

Мы – футуристы невольные
Все, кто живет сейчас.
Звезды пятиугольные
Вместо сердец у нас.
Мечтой о благополучии
Мы оперирем зло,
Ждем, чтоб огнями нежгучими
Будущее зацвело.
И притворяемся глупыми –
Умному жить больней.
Пахнут землей и тулупами
Девушки наших дней.

В конце того же года Леонид отправился поступать во Вхутемас. Ехать в Москву пришлось зайцем. Протолкавшись на вокзале сутки и не сумев приобрести билет, он просто сел в поезд. «Объяснения с проводником кончились тем, что я отдал ему хорошую шерстяную рубаху, а он дал мне место». Но с получением художе-

Группа сибирских писателей:
Леонид Мартынов (слева),
Вивиан Итин,
Николай Анов.
Новосибирск.
1927 год

ственного образования у Мартынова не сложилось. Вернувшись в Омск, Леонид сотрудничает с несколькими городскими газетами и продолжает писать стихи. Вскоре он начал печататься в «Сибирских огнях»: с одним из создателей этого журнала, Вивианом Итином, Леонид познакомился случайно.

Работая журналистом, Мартынов искоlesил всю Сибирь: участвовал в Балхашской экспедиции Уводстроя, побывал на Алтае и в Барабинской степи, посещал строящийся Турксиб и таежные урманы Прииртышья. Ведь зов дальних странствий Леня ощущал еще в детском саду. Тогда он предложил товарищу, которого поставили в угол за какую-то шалость, убежать куда подальше. Но тот ответил: «Нет, я не могу убежать! Я должен стоять. Я наказан. И если ты меня сманишь, ты тоже будешь наказан!» Эти слова пробудили в Лене чувство протesta: «О это чувство, которое заставляет свою равненную и впечатлительную натуру вступать в борьбу сначала со всячими няньюками и дядьками, а потом с учителями словесности, рисования и чистописания и со всяческими законоучителями!» На полях своих рукописей Леонид Мартынов часто рисовал лодки и ладьи, причем так, чтобы с кормы – вперед через судно – был виден далекий берег. Ладья – один из лейтмотивов творчества Мартынова, символ дальних странствий.

ВОЗДУШНЫЕ ФРЕГАТЫ

Мальчишкой Леня представлял, что на левом берегу Иртыша начинается Африка. Побывав в геологических экспедициях, он узнал о том, что давным-давно в этих местах плескалось море. Поэт вообще грезил морями и говорил, что его фамилия сама по себе тоже немножечко морская: Мартынов – от названия птицы «мартын», распространенного вида чаек.

Как-то Леонид, часто гулявший по Омску в полосатой тельняшке вместо нижней рубахи, обратил внимание на даму, которая каждый день сидела на скамейке в сквере напротив здания Управления по обеспечению безопасности кораблевождения по рекам Сибири. В конце концов юноша решился с ней заговорить. «Она поспешила и как бы испуганно подняла свои серые очи ввысь, в осенние, укутанные тучами небеса над старой Омской крепостью. <...> И я не знаю, что увидела там она, но я увидел в этих небесах то, что и можно увидеть, когда переносишь свой взгляд с одного на другое: предметы и лица тогда как бы всплывают вслед за взором. Так вышло и в данном случае, то есть в небеса вслед за моим взглядом как бы переместилось, поднялось все Управление по обеспечению безопасности кораблевождения с его сотрудниками, капитанами, матросами и кораблями. Но там, в небесах, все это стало несколько иным. Сло-

вом, я увидел в небесах то, что оказалось не позже чем на следующее утро выраженным в написанном мною стихотворении «Воздушные фрегаты».

Померк багряный свет заката,
Громада туч росла вдали,
Когда воздушные фрегаты
Над нашим городом прошли.
Сначала шли они как будто
Причудливые облака,
Но вот поворотили круто,
Вела их властная рука...

Между прочим, не все так просто с «Воздушными фрегатами». Дело в том, что первое четверостишие Леонид позаимствовал из другого своего стиха – посвящения Верховному правительству России адмиралу Александру Колчаку. Это произведение исследователям удалось найти только после того, как были расекречены материалы дела так называемой «Сибирской бригады». Она выросла из литературной группы «Памир», созданной в Новосибирске в конце 1920-х годов (кстати, название группы предложил именно Мартынов. – Прим. ред.). Входившие в нее писатели и поэты выступали за независимую Сибирь, многие симпатизировали адмиралу Колчаку. В 1932 году Леонида Мартынова арестовали вместе с другими молодыми поэтами, входившими в «Сибирскую бригаду»: Павлом Васильевым, Николаем Ановым, Евгением Забелиным, Сергеем Марковым и Львом Черноморцевым. Им были предъявлены одинаковые обвинения: «Изобличается в том, что состоял в контрреволюционной группировке литераторов, писал контрреволюционные произведения и декламировал их как среди группы, так и среди знакомых». В обвинительном заключении говорилось, что литераторы занимались антисоветской агитацией. Правда, молодые поэты отделались довольно мягкими приговорами. Анова, Маркова, Забелина и Мартынова выслали на три года на Русский Север. По одной из версий, за братьев по перу вступился Максим Горький. Так Мартынов оказался в Вологде. В редакции

Фотография
Леонида
Мартынова
из следственного
дела

местной газеты «Красный Север» Леонид Мартынов встретил свою будущую жену, Нину Попову, работавшую секретарем-машинисткой. В конце 1935 года, уже вместе с супругой, он вернулся в Омск и поселился в доме на улице Красных Зорь, где жил прежде с родителями. Теперь он пишет исторические поэмы, в которых представляет Сибирь с нового ракурса: у Мартынова это земля, рождающая сильные и свободные души. Такие, например, как казахский юноша-толмач Увенькай, переводящий на родной язык Пушкина, или ямщик Илья Черепанов, который пишет летопись Сибири. Поэмы Леонида Мартынова, вышедшие в конце 1930-х годов, принес-

Анкета,
заполненная
поэтом
во внутренней
тюрьме ОГПУ
в 1932 году

ли ему всесоюзную известность, став заметным явлением в советской литературе. «Я ощущал прошлое на вкус, цвет и запах», – говорил поэт. Кстати, печатал он свои поэмы как прозу – от поля до поля. Но в этих длинных строках сразу улавливается стихотворный размер.

Однако после этого успеха Мартынов к жанру поэмы больше не вернется. А вот к «Воздушным фрегатам» обратится вновь: уже на закате жизни он издаст книгу новелл под таким названием. «Для Леонида Николаевича это была книга о его юности, о городе, где он родился и прожил много лет. Неслучайно эта книга служит прекрасным путеводителем по Омску. Читая ее, мы видим дома, которых уже нет, слышим голоса людей, которые в них жили... Для Мартынова это был способ вернуться в места, которые были ему дороги», – поясняет директор Омского литературного музея Виктор Вайннерман.

СИБИРСКОЕ ЛУКОМОРЬЕ

А вот к теме Лукоморья, под которым поэт подразумевал родную Сибирь, Леонид Мартынов обращался постоянно. Это слово часто встречается в его стихах и прозе. Для Мартынова Лукоморье – не просто поэтическая метафора. Это реальная Сибирь – страна цивилизации, возникшей на перекрестке культур многих народов, наследница легендарной Гипербореи, о которой писал еще Геродот.

Кто ответит – где она:

*Затопило ее море,
Под землей погребена,
Ураганом сметена?
Кто ответит – где она,
Легендарная страна
Старых сказок –
Лукоморье?*

*Это я отвечу вам:
Существует Лукоморье!
Побывал мой пращур там,
Где лукой заходят в море
Горы хладные.
У скал
Лукоморье он искал...
В годы Великой Отечественной
поэт по состоянию здоровья на*

фронт не попал. «Но с первых же дней войны Леонид Николаевич публикует стихи, призывающие защищать Родину. В военные годы в Омске вышло пять его книг. Мартынов писал тексты для агитационных плакатов «Окна сатиры», которые готовили омские художники, среди них был и знаменитый Кондратий Белов (см.: «Русский мир.ru» №2 за 2022 год, статья «В особых отношениях с небом»). А еще именно Леонид Мартынов дал путевку в жизнь Роберту Рождественскому, опубликовав в «Омской правде» первое его стихотворение», – рассказывает Светлана Рудницкая.

В 1945 году в Москве вышел сборник «Лукоморье». В автобиографии поэт вспоминал: «Тема о потерянном и вновь обретенном Лукоморье стала основной темой моих стихов в дни Великой Отечественной войны, <...> я повествовал, как умел, о борьбе народа за свое Лукоморье, за свое счастье». Была издана даже брошюра «Вперед, за наше Лукоморье!».

Кстати, знакомое с детства пушкинское Лукоморье – это не только сказочная страна и морской мыс. Любопытный факт: после публикации в 1549 году «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна на западноевропейских картах XVI–XVII веков территории в районе Обской губы обозначалась как *Lucomoria...*

РОКОВОЙ ЭРЦИНСКИЙ ЛЕС

В 1946 году выходит очередной поэтический сборник Леонида Мартынова – «Эрцинский лес». Эпиграфом к нему стала цитата из труда русского дипломата, переводчика и путешественника Николая Спафария: «А лес по Иртышу есть разный, и по займищам, что близ вершины ее, суть горы каменные, и лесные, и безлесные. А после того степь великая и песчаная. А потом следует лес тот, который идет и по Оби-реке, и по всему Сибирскому государству до самого до Окианского моря, который преславный есть и превеликий и именуется от земноописателей

Фрагмент экспозиции, посвященной Леониду Мартынову в Омском литературном музее имени Ф.М. Достоевского

по-гречески «Эркиниос или», а по-латински «Эрциниос силва», се есть Эркинский лес; и тот лес идет возле берега Окиана и до Немецкой, и Французской земли, и далее, и чуть не по всей земле, оттого и первый лес на свете и преименитый у всех земноописателей есть, однако же нигде нет такого пространного и великого, как в Сибирском государстве». Да, Эрцинский лес – это еще один синоним Сибири.
*Я не таил от вас
 Месторожденья руд.
 «Пусть ваши ласкают глаз
 Рубин и изумруд,
 И золотой топаз,
 И матовый янтарь.
 Все, что найдется тут, –
 Для вас!»*

*Так пел я встарь.
 Я звал вас много раз
 Сюда, в Эрцинский лес,
 Чьи корни до сердец,
 Вершины до небес.*

Первая омская
 мужская
 гимназия.
 Современный
 вид

После публикации сборника на поэта обрушивается шквал критики. «Литературная газета» напечатала разгромную рецензию поэтессы Веры Инбер, в которой та писала, что у Мартынова «неприятие современности превращается уже в неприкрытою злобу» и что, «видимо, Леониду Мартынову с нами не по пути. И если он не пересмотрит своих сегодняшних позиций, то наши пути могут разойтись навсегда...». Омский журналист Михаил Бударин вторил: «...в годы войны Мартынов ушел от актуальных тем советской действительности, создал в поэзии свой узкий романтический сказочный мирок». Сколько было написано разгромных рецензий – не счесть. Тираж книги уничтожили. А Леонид Мартынов навсегда покинул свой родной город и уехал в Москву. «Видимо, ска-

залось дело «Сибирской бригады». Тогда ведь у Леонида Николаевича не было никакой гарантии, что его не расстреляют... В Омске Мартынов был очень заметной личностью. А в большом городе проще затеряться, что он и сделал», — считает Светлана Рудницкая. В столице Мартынов почти десять лет писал в стол, его не публиковали. Зарабатывал переводами произведений зарубежных поэтов. Но не унывал. Венгерский друг Леонида Николаевича Антал Гидаш называл его «бесощадным оптимистом». Леонид Николаевич не позволял себе отчаиваться. Он считал, что жизнь нужна для того, чтобы трудиться и творить. А для этого нужно верить в себя и в свои силы.

В 1955 году выходит поэтический сборник Мартынова «Стихи», вызвавший небывалый интерес читателей. А в 1974-м Леонид Николаевич станет лауреатом Государственной премии СССР за сборник стихов «Гиперболы».

УВИДЕТЬ МИР ЗАНОВО

Одну из своих поэм Мартынов озаглавил «Поэзия как волшебство». Причем волшебство это для самого поэта — явление совершенно необъяснимое.

Одни стихи — высокие,
как тополь, —
Внушают сразу мысль
об исполинах,
Другие — осыпаются, как опаль,

Сорвавшаяся с веток тополиных.
Одни стихи — как будто
лось с рогами, —
Ax, удалось! — встают
во всем величье,

Другие зашуршили под ногами
Охотника, вспугнувшего добычу.
Друг поэта Сергей Марков вспоминал: «Он брал обычно самые что ни на есть прозаические слова, но сочетал их так, что они становились поэтической речью, только ему одному присущей». Действительно, причудливая образность стихов Мартынова завораживает.

Леонид
Николаевич
в своем
кабинете.
Москва. 1957 год

Памятный
камень
на Аллее
литераторов
с надписью:
«Капитану
воздушных
фрегатов
Леониду
Мартынову
от омичей»

В них соседствуют реальное и фантастическое, присутствуют почти все поэтические формы и размеры: от двустиший до поэм, от ямба до гекзаметра. Поэт создает удивительный мир, где есть река Тишина, где загадочный странник играет на флейте и зовет людей в Лукоморье, где тянется в небо Эрцинский лес...

Впрочем, Леонид Мартынов говорил не только о волшебном и радостном. Еще в 1953 году, задолго до эпохи глобализации, он написал такие строки:

*Да еще, чтоб смирить нищету,
разъяснили,*

*Что мир — это мор;
Что, число бедняков сократив,
На земле и покой и простор
Обеспечат холера и тиф,
Ибо мир вообще — это тир*

Для пальбы по мишеням живой...

Леонид Мартынов скончался в Москве в июне 1980 года. Друг и биограф поэта Виктор Уткин вспоминал, что в день похорон все небо было в могучих кучевых облаках: «Они словно воздушные фрегаты сопровождали наш печальный кортеж»...

В 2001 году в центре Омска была установлена базальтовая глыба с табличкой: «Капитану воздушных фрегатов Леониду Мартынову от омичей».

«Леонид Николаевич был и футуристом, и символистом, и романтиком, а в итоге стал классиком отечественной литературы. Он действительно жил поэзией, мыслил стихами. О нем говорили, что, если ему надо было написать какой-то документ, он сначала писал его в стихах, а потом переводил в прозу. Это был истинный поэт. Без его поэзии Омск просто невозможно представить. После чтения его исторических поэм хочется обратиться к исторической литературе, к первоисточникам. Поэтому это очень полезное чтение. Оно не только много дает душе, как любая настоящая поэзия, но и является неким связующим звеном с эпохой, о которой пишет поэт», — констатирует Виктор Вайнерман.

ПАРНАС ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

автор

ИРИНА ИВИНА

фото

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КОГДА МЫ ЕХАЛИ В МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ОСТАФЬЕВО», РАЗГОВОРЧИВЫЙ ТАКСИСТ ИЗ МЕСТНЫХ СПРОСИЛ, ЗНАЕМ ЛИ МЫ, ПОЧЕМУ УСАДЬБА НАЗЫВАЕТСЯ ИМЕННО ТАК. И ТУТ ЖЕ РАССКАЗАЛ РАСХОЖИЙ АНЕКДОТ ПРО ПУШКИНА, КОТОРЫЙ, ПРИБЫВ В ДОМ СВОЕГО ТОВАРИЩА-АРЗАМАСЦА ПЕТРА ВЯЗЕМСКОГО, БЫЛ ТАК ВПЕЧАТЛЕН, ЧТО ПОТЕРЯЛ ДАР РЕЧИ. ЛАКЕЮ, ПОИНТЕРЕСОВАВШЕМУСЯ, КУДА ПОСТАВИТЬ ЧЕМОДАН, ОН МАХНУЛ РУКОЙ И СКАЗАЛ: «ОСТАВЬ ЕГО!» А ВЯЗЕМСКИЙ ОБЕЩАЛ НАЗВАТЬ УСАДЬБУ ПЕРВЫМИ СЛОВАМИ, КОТОРЫЕ ПРОИЗНЕСЕТ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ!

ЭТА ИСТОРИЯ, КОНЕЧНО, не имеет отношения к действительности. Усадьба называлась «Остафьево» уже в 1792 году, когда отец одного из ближайших друзей Пушкина, князь Андрей Иванович Вяземский, оформлял на нее купчую. Зато благодаря великому поэту за ней закрепилось другое название – «Русский Парнас». Так с легкой руки Александра Сергеевича сначала

стали называть полюбившуюся ему прекрасную липовую аллею за господским домом, а после и всю усадьбу Остафьево, в которой бывали крупнейшие литераторы первой половины XIX века. Здесь же были написаны восемь из двенадцати томов карамзинской «Истории государства Российского». А в 1899 году, к столетию Пушкина, в Остафьеве открылся один из первых в мире музеев «солнца русской поэзии».

ЛАКОМЫЙ КУСОК

В год рождения своего сына Петра князь Андрей Иванович Вяземский приобрел Остафьево у вдовы тульского купца Козьмы Матвеевича Матвеева, владевшего имением с середины XVIII века. Полагают, выбор Вяземского пал на Остафьево потому, что на территории усадьбы Матвеев оборудовал передовую суконную фабрику и красильню, а речку Любучу перекрыл

плотиной, благодаря чему появился усадебный пруд. Уже в 1796 году Вяземский заключил с Черноморским адмиралтейским правлением договор на поставку красного и белого сукна для пошива обмундирования. Кстати, ткани, произведенные в Остафьеве, ценились тогда очень высоко.

Рукотворный
усадебный пруд

Необычная
липовая роща
кенконс

Андрей Иванович занялся и обустройством усадебной территории. Сейчас в Остафьеве разбиты два парка: подчиненный строгой симметрии регулярный французский и пейзажный английский. Знаменитую липовую аллею – центральную ось усадьбы – заложил еще купец Матвеев, однако большая часть сохранившихся в ней деревьев была посажена уже в XIX столетии. В начале 2000-х годов сотрудникам музея удалось восстановить уникальную лииковую рощу кенконс, появившуюся в усадьбе при первых Вяземских и утраченную в XX веке: в ней деревья высажены в шахматном порядке. Так что в солнечные дни, когда липы отбрасывают тени, на траве появляется своеобразная «доска» для игры в шахматы. Эту любопытную особенность заметили гости усадьбы, совершающие променад по живописным остафьевским паркам.

В последнюю очередь князь принял и за господский дом, перестройка которого шла с 1800 по 1806 год. Андрей Иванович сносит кирпичное здание предыдущего владельца и по проекту неизвестного архитектора возводит величественный особняк в стиле зрелого классицизма. Вяземский, по семейному преданию, лично делал пометки на чертежах, продумывал все до последней детали. По его плану верхняя часть дома стала смотровой площадкой – бельведером, где князь, увлекавшийся изучением небесных светил, вполне мог бы разместить обсерваторию. Две открытые галереи с колоннадами соединяли дом с восточным и западным флигелями. Чувствуется, что Андрей Иванович строил с размахом.

Князь Андрей Иванович Вяземский

Дженни Квин

БЕЗУХОВ С ИРЛАНДСКИМИ КОРНЯМИ

Покупке усадьбы Остафьево предшествовала драма в семействе Вяземских. В 1782 году 28-летний Андрей Иванович отправился в гранд-тур по Европе. Блистательный молодой князь за границей жил роскошно и денег не жалел: например, мог дать в Лондоне бал на 200 человек. Точно неизвестно, где именно – в Англии или Франции – он познакомился с замужней ирландской Дженни Квин (в девичестве О'Рейли). И потерял голову. Аристократ увез возлюбленную в Россию, благодаря своим связям устроил

Прогулки по живописной усадьбе располагают к творчеству

Петр Андреевич Вяземский

ее развод с мужем и в 1786 году женился на Дженни. Его отец, князь Иван Андреевич, был вне себя от ярости и до самой смерти не простил своему наследнику такой дерзости. В пылу раздора Андрей Иванович продал имение Вяземских в Удино, а взамен приобрел Остафьево.

В браке с Дженни Квин, ставшей в России Евгенией Ивановной, у Андрея Ивановича родились двое детей: Екатерина и Петр. Петр Андреевич стал известным поэтом, литературным критиком, талантливым государственным деятелем, академиком, сооснователем и первым председателем Русского исторического общества (см.: «Русский мир.ru» №4 за 2020 год, статья «Подвиг жизни» князя Вяземского). От-

личился он и в Отечественной войне 1812 года: именно Вяземский на поле боя спас генерала Алексея Бахметева, которому во время Бородинского сражения оторвало ногу. Впоследствии чертами Петра Андреевича Лев Толстой наделил одного из ключевых героев своего романа «Война и мир» – Пьера Безухова. А сам князь, доживший до преклонных лет, в ответ на публикацию первых частей эпопеи, в качестве критических пометок «на полях» выпустит свои «Воспоминания о 1812 году».

Екатерина Вяземская, к сожалению, прожила короткую жизнь и умерла во время беременности в 20 лет. Но была у князя Андрея Ивановича и другая, незаконнорожденная дочь с тем же

Поэта-князя сложно представить без очков

именем: Катя родилась в результате бурного романа с замужней женщиной – графиней Елизаветой Карловной Сиверс. Девочка, появившаяся на свет в 1780 году в Ревеле (ныне – Таллин), получила фамилию Колыванова: по древнему названию своего родного города – «Колывань». Ее ветреная мать позже сбежала с очередным избранником, а Катю отдали на воспитание в семью княгини Екатерины Андреевны Оболенской, тетки князя Вяземского. Когда Андрей Иванович женился, он забрал дочь к себе и

воспитывал наравне с остальными детьми. В 1804 году в свои 24 года красавица Екатерина Колыванова стала второй женой 38-летнего Николая Михайловича Карамзина (см.: «Русский мир.ru» №12 за 2011 год и №1 за 2012 год, статья «Именитейший гражданин государства Российского»). Первая супруга писателя-сентименталиста умерла вскоре после рождения дочери Софии. По преданию, спустя некоторое время после этого Карамзину приснился мистический сон: через

С восточным и западным флигелями господский дом соединяется с помощью крытых галерей

могилу жены кто-то протягивал ему руку помощи, и, подняв глаза, писатель увидел перед собой Екатерину. Он воспринял это как знак свыше и сделал девушке предложение, хотя, как считалось, сама она относилась к жениху достаточно сдержанно. Своему приятелю Вильгельму фон Вольцогену Карамзин писал: «Моя первая жена меня обожала; вторая же выказывает мне более дружбы. Для меня этого достаточно».

Тем не менее любовь пришла в их брак, который оказался счастливым: в мире и согласии супруги прожили до самой смерти Николая Михайловича. Екатерина Андреевна подарила мужу девять детей и как родная мать воспитывала его старшую дочь. А Карамзин, в свою очередь, позаботился о ее единокровном брате Петре Вяземском: Андрей Иванович, вложив всю душу в Осташево, после окончания строительства наслаждался результатом всего лишь сезон и умер в 1807 году, оставив 14-летнему сыну солидное наследство. Евгения Ивановна умерла и того раньше – в 1802 году. До совершеннолетия князя Петра Андреевича одним из его опекунов был Карамзин.

Екатерина Колыванова в молодости

Скульптурный портрет Н.М. Карамзина работы А.С. Забалуева

ПОСЛЕДНИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

В 1804–1815 годах Николай Михайлович проводил в Осташеве каждое лето. Именно здесь создавались первые восемь томов его знаменитой «Истории государства Российского». В 1803 году император Александр I назначил Карамзина официальным придворным историографом и поручил ему написать полную историю Отечества, что было соразмерно литературному подвигу. Ведь в то время русское дворянство знало историю Античности и Западной Европы намного лучше, чем собственную. Особо просвещенные, конечно, изучали книги по истории России Пьера-Шарля Левека на французском языке. Доступны были и труды Ломоносова, Татищева и Щербатова, но вот только слог их был труден и массового читателя привлечь не мог. Перед писателем, начавшим повествование с призыва варягов на Русь, стояла трудная и амбициозная задача: доказать, что у России есть прошлое и собственные традиции. Как сказал его воспитанник Петр Вяземский, «Карамзин постригся в историки». По воспоминаниям молодого князя, писатель вел аскетичный образ

Рабочий стол
Карамзина был
самым простым,
не покрытым
даже сукном

В кабинете
придворного
историографа

жизни, был крайне воздержан в еде, соблюдал строгий распорядок дня и берег здоровье ради «беспрепятственного и свободного труда». Его рабочий кабинет в Осташеве напоминал келью монаха: Николай Михайлович не терпел никаких лишних предметов вокруг себя. Биограф Карамзина, известный дореволюционный историк Михаил Петрович Погодин, рассказывал, что когда он впервые оказался в кабинете писателя,

то с удивлением обнаружил голые оштукатуренные стены, простой сосновый стол без сукна и козлы с досками, на которых лежали документы, карты, книги... По воспоминаниям Погодина и воссоздавалась в музее обстановка кабинета Карамзина. Из подлинных вещей писателя сохранилась лишь его рабочая конторка в углу комнаты, остальное сотрудникам музея пришлось подбирать по подобию. А ведь когда-то именно

здесь хранился переданный Вяземскому жилет Пушкина, который был на Александре Сергеевиче в день злополучной дуэли на Черной речке... После того как в советское время музей в Остафьеве был ликвидирован, жилет, а также пушкинская трость и знаменитый портрет Василия Жуковского с подписью «Победителю-ученику от побежденного учителя» были переданы в петербургскую мемориальную квартиру поэта на Мойке, 12.

Опубликованные в 1818 году первые восемь томов «Истории государства Российского»

стали бестселлерами. З тысячи экземпляров разлетелись менее чем за месяц, пришлось печатать дополнительный тираж. По признанию Пушкина, даже светские дамы бросились читать историю своей страны, написанную простым и легким языком. Самого Николая Михайловича поэт назвал «первым нашим историком и последним летописцем», высоко оценив его многолетний труд.

Вскоре был выпущен IX том, посвященный правлению Ивана Грозного и опричнине. Изложение Карамзина, описывающего Ивана Васильевича как жесто-

Коллекция
Андрея
Ивановича
Вяземского
насчитывала
более 10 тысяч
гравюр

кого тирана, мало кого оставил равнодушным. Если до этого читатели критиковали Николая Михайловича за излишнее почитание властей предержащих, то теперь стали хвалить писателя за смелость. В глазах либерально настроенной молодежи он стал «нашим Тацитом». Работа над «Историей государства Российского» продолжалась: в последующие годы Карамзин издает еще два тома.

В морозный день 14 декабря 1825 года, когда вспыхнуло восстание декабристов, писатель был на Сенатской площади и пытался вразумить разбушевавшихся «злых детей», как он называл заговорщиков. Многих из них Карамзин действительно знал еще с их детских лет. Помня об ужасах Великой французской революции, начало которой Карамзин застал во время своего путешествия в Париж, он опасался подобного развития событий в родной стране. События, сопровождавшие восшествие на престол императора Николая I, подорвали здоровье Николая Михайловича. В тот день он простудился, тяжело заболел и умер от развившегося воспаления легких 22 мая 1826 года.

Последний, XII том монументальной «Истории государства Российской», в котором описываются события Смутного времени, по наработкам мужа издала Екатерина Андреевна. Карамзин логично подвел читателя к воцарению династии Романовых в 1613 году. Некоторые исследователи считают, что в дальнейших его планах было изложение и последующих событий, но это не так: приближившийся к 60-летнему рубежу Карамзин устал. Юрий Лотман пишет, что незадолго до смерти писатель хлопотал о своем назначении консулом во Флоренцию, что означало бы отставку с должности историографа. Николаю Михайловичу хотелось смениТЬ обстановку, насладиться теплым итальянским солнцем, но осуществить задуманное он так и не успел...

Взявшись
за труд всей
своей жизни,
«Карамзин
постригся
в историки»

«ГДЕ С ПУШКИНЫМ МЫ ПИЛИ КОФЕ»

Петр Андреевич Вяземский, в 18 лет вышедший из-под опеки, умудрился довольно быстро промотать большую часть отцовского состояния. Одних карточных долгов он накопил на баснословные полмиллиона рублей! Чтобы расплатиться, князь начал распродавать имущество: с молотка ушли имения в Костромской и Тульской губерниях, а также московский дом в Малом Знаменском переулке, где он родился (ныне – филиал ГМИИ им. А.С. Пушкина). Было заложено и Остафьево, но, к счастью, усадьбу удалось сохранить. Необходимость восстановить состояние вынудила Вяземского поступить на государственную службу. Причем по иронии судьбы работать князю пришлось в Министерстве финансов. Получив назначение, Петр Андреевич переехал с семьей в Петербург.

В память о пагубном увлечении князя в Малой мужской гостиной на первом этаже остафьевского дома стоит ломберный стол. После женитьбы с вредной привычкой князю пришлось расстаться: его супруга Вера Федоровна запретила мужу брать карты в руки. Впрочем, согласно воспоминаниям их сына Павла, это не мешало Пушкину как-то раз обучить мальчика игре в дурачки на визитных карточках, которые скопились в доме Вяземских. При этом до самой смер-

Книжный шкаф
Вяземских
обнаружился
в РГБ

Из гранд-тура по
Европе Андрей
Иванович привез
коллекцию
антиков

ти Александр Сергеевич очень нежно относился к «княгине-лебедушке» Вяземской и даже предложил ей быть посаженной матерью на своей свадьбе с Натальей Гончаровой.

При Петре Андреевиче дом Вяземских стал центром притяжения для крупнейших литераторов эпохи: помимо Пушкина гостями загородной усадьбы князя были Жуковский, Гоголь, Батюшков, Да-видов, Дмитриев, Мицкевич и многие другие. А вот в том, был ли в Остафьеве Грибоедов, которого тоже нередко записывают в список почетных гостей усадьбы, сотрудники музея со-

мневаются. Единственный документ, который мог бы косвенно свидетельствовать о том, что автор «Горя от ума» посещал усадьбу, это письмо Вяземскому, в котором драматург писал: «А кабы теперь был в Москве, сыграл бы в деревне у вас роль старухи-маркизы, Вольтеровой любовницы». Но нет никаких доказательств того, что Грибоедов осуществил свое намерение.

Собственную театральную труппу, какая бывала у многих других помещиков, Вяземские не держали. Перед спектаклями из Москвы выписывались декорации, приглашались худож-

Виновник многих
мужских бед –
ломберный стол

ник и танцмейстер. В постановках могли принимать участие актеры-любители, а также сами хозяева и гости усадьбы. При Андрее Ивановиче в Театральном зале в северной анфиладе особняка были выставлены антики – небольшие скульптуры, датированные I–III веками н.э., которые Вяземский привез из своего заграничного путешествия.

Поражает воображение Овальный зал усадьбы, отличающий-

ся изумительной акустикой благодаря куполообразному плафону. Сохранившаяся еще со времен первых Вяземских отделка этого зала выполнена из очень дорогого в то время искусственного мрамора. А вот паркет, рисунок которого соответствует историческому, музейщикам пришлось восстанавливать. Как и много лет назад, при Вяземских, здесь сегодня устраивают концерты для гостей музея.

Жемчужина
господского
дома –
Овальный зал

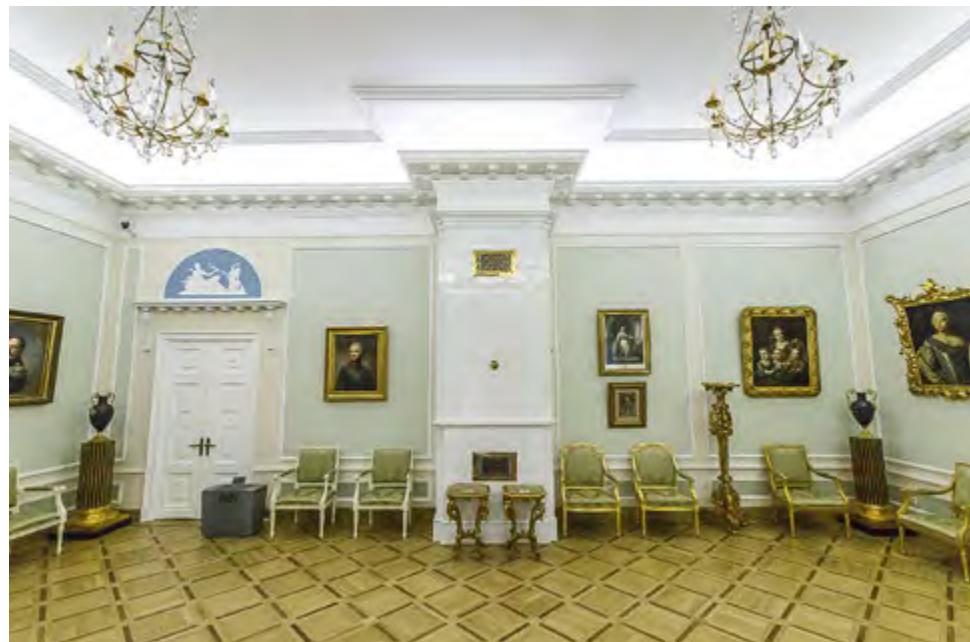
В Театральном
зале

Вопреки цитате Пушкина Петр Андреевич был не таким уж и «щастливым Вяземским». Если вспомнить о том, что супруги Вяземские пережили семерых из восьми своих детей (князь умер в 86 лет, княгиня – в 95), то слова Пушкина действительно покажутся преувеличением. А Остафьево перешло в руки единственного оставшегося в живых сына четы – князя Павла Петровича.

ДВА РОДА, ДВЕ ФАМИЛИИ

Павел Петрович Вяземский – известный ценитель искусства и дипломат, побывавший в заграничных командировках от Константинополя до Вены, – собрал в имении огромнейшую библиотеку и значительную коллекцию живописных полотен европейских художников. Предпринял он и первые попытки музеификации Остафьево: при нем появились отдельные мемориальные комнаты его отца и Карамзина – в последней также хранились некоторые личные вещи Пушкина.

Старший сын Павла Петровича, Петр, владевший усадьбой в 1888–1898 годах, почти ею не занимался: парки стали зарас-

тать, а дом требовал ремонта. В результате он продал Остафьево своей родной сестре Екатерине и ее мужу, графу Сергею Дмитриевичу Шереметеву, за 300 тысяч рублей. Граф, владевший целым рядом имений, в том числе знаменитым Кусковом (см.: «Русский мир.ру» №9 за 2022 год, статья «Бог хранит все»), имел свои виды на усадьбу. К 100-летнему юбилею Пушкина он открывает в усадьбе один из первых частных му-

зеев поэта. Посетить его можно было лишь по приглашению или с разрешения самого Шереметева.

Именно Сергею Дмитриевичу пришла в голову замечательная идея выпустить открытки с фотографиями всего первого, парадного этажа усадьбы. Благодаря этому музейщики через много лет смогли воссоздать исторические интерьеры комнат и залов. А вот второму этажу не повезло: он оставал-

ся жилым и потому не попал в объектив фотокамеры...

Начиная с 1911 года Шереметев устанавливает в остафьевском парке памятники Николаю Карамзину, Александру Пушкину, Василию Жуковскому, Петру и Павлу Вяземским. Все они были разработаны другом семьи Шереметевых, академиком живописи Николаем Пановым. Кстати, памятник Карамзину часто сбивает с толку гостей Остафьева: на нем выби-

Памятник
Павлу Петровичу
Вяземскому

Надпись на памятнике Карамзину сбивает посетителей с толку

Портрет Павла Сергеевича Шереметева работы Г.Ю. Суховой

ты цифры «1811–1911». Многие ошибочно принимают их за годы жизни писателя. На самом же деле Шереметев приурочил год установки памятника к столетию написания Карамзином «Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». В 1918-м Сергей Дмитриевич скончался. И в том же году нарком просвещения Анатолий Луначарский назначает его сына Павла хранителем Осташево.

Блестящий историк, а с 1921 года и заведующий музеем, Павел Сергеевич составлял каталоги экспонатов (в начале XX века только в оштрафьеской библиотеке насчитывалось 35 тысяч книг), разбирал и готовил к печати документы из архива Вяземских, сам вел экскурсии. В начале 1930-х годов советская власть музей ликвидировала. Последние годы Павел Сергеевич прожил в коммуналке в Народной башне Новодевичьего

Долгое время второй этаж усадьбы оставался жилым

При Павле Петровиче парадная столовая была устроена в духе средневекового замка

миностыря. Потомок знатного и богатого рода Шереметевых умер от истощения в 1943 году... Что же касается Оштрафьева, то сначала в усадьбе устроили пионерский лагерь, потом, во время войны, оборудовали госпиталь, а после Победы здесь обосновался элитный дом отдыха Совета Министров СССР, который функционировал до 1988 года.

В советский период Оштрафьево растеряло большую часть своих коллекций: мебель, книги, картины и экспонаты поступили в различные библиотеки и музеи, в том числе в Эрмитаж, Государственный исторический и Пушкинский музеи, Третьяковскую галерею, усадьбы Останкино и Архангельское, Государственную библиотеку СССР имени В.И. Ленина. Немало того, что экспонируется здесь после открытия музеяного комплекса в 2016 году, имеет опосредованное отношение к истории усадьбы Оштрафьево и было подобрано по аналогии. А некоторые предметы, например книжный шкаф Вяземских, который случайно обнаружился в кабинете бухгалтера РГБ, предоставили музею лишь во временное пользование. Однако менее чем за десять лет со дня открытия Оштрафьево стало одной из наиболее величественных и красивых усадеб, соответствующей своему громкому имени – «Русский Парнас».

СЧАСТЛИВЫЙ ПУШКИН

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

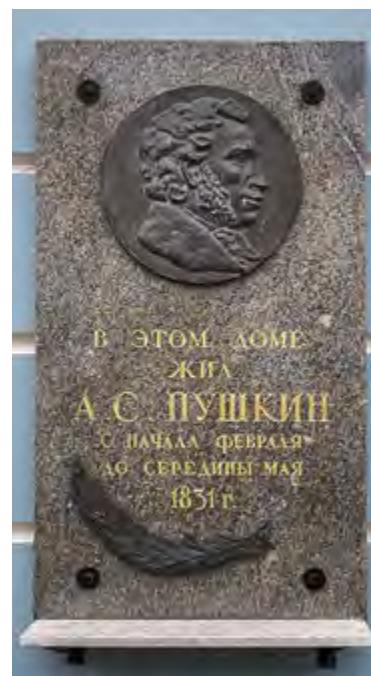
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ОН – ГЕНИЙ, «СОЛНЦЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ», «НАШЕ ВСЁ». УЗНАВАЕМЫЙ С ДЕТСТВА ЛЕТЯЩИЙ ПРОФИЛЬ ЧЕРНЫМИ ЧЕРНИЛАМИ, ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ НАИЗУСТЬ, ЗНАМЕНИТЫЙ ПАМЯТНИК НА ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ... НАВЕКИ – ЗОЛОТОМ ПО ГРАНИТУ: «ПУШКИН». Но голубой дом на Арбате переключает регистр: да это же, черт возьми, Пушкин! Задира, дуэлянт, дворянин, перепевший русские сказки так, что они навсегда вошли в нашу кровь.

У

ВИДЕВ НА БАЛУ
16-летнюю красавицу
Наталью Гончарову,

Александр Сергеевич не отступит, пока через два года не добьется ее руки. Ей он посвятит полные нежности строчки: «Исполнились мои желания. // Творец Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна // Чистейшей прелести чистейший образец»... В этом доме на Арбате – съемном, никогда ему не принадлежавшем – поэт прожил всего три месяца. Но это были дни искреннего, бьющего через край счастья. За порогом арбатского особняка рассыпается бронза, крошится мрамор, спадает позолота – и перед нами предстает живой человек. Здравствуйте, Александр Сергеевич! Встречайте гостей.

АРБАТСКИЙ ДОМ

...С кого из них начать? С неизвестного стрельца, выкупившего в конце XVII века участок земли по древнему пути на Смоленск? С коллежского советника Неронова, к 1777 году построившего здесь двухэтажный каменный дом городской усадьбы? Но лучше – с губернского секретаря Никанора Семеновича Хитрово, ставшего ее владельцем в 1806 году. Именно в дом его сына, Никанора Никаноровича, женатого на Екатерине Николаевне Лопухиной, в декабре 1830-го заглянет молодой человек – стремительный и кудрявый. Великий русский поэт, 31-летний покоритель женских сердец, на сей раз сам безнадежно плененный, расхаживал по Арбату, впервые подыскивая в Москве собственное жилье. Он намерен жениться, и красавицу-жену, 18-летнюю Наталью Николаевну, надо привести в свой дом.

Особняк Хитрово ему подходит. Пушкин оставит за собой второй этаж с антресолями, а также подвал, кухню, прачечную, конюшню и каретный сарай: у дворянской семьи должна быть своя «пара» или «тройка» для выезда. И в книге маклера Пречистенской части Анисима Хлебникова появится строка: снимается часть усадьбы на

В этом доме
молодожены
Пушкины
проводили три
счастливых
месяца

ЗАКЛАДНАЯ НА КИСТЕНЁВКУ И АЛЬБОМ ДЕВИЦ УШАКОВЫХ

Через парадную дверь – в парадные сени. Именно так входил в дом Александр Сергеевич и по парадной же лестнице поднимался в свои апартаменты. Пушкин переезжает на Арбат зимой, так что и цвет стен, и обивку мебели сотрудники музея подобрали в холодных голубоватых тонах, украсив зал первого этажа видами заснеженной Москвы 1830-х годов. Когда именно Пушкин переехал на Арбат из гостиницы «Англия», неизвестно. Но уже 10 февраля 1831 года он просил своего друга Николая Кривцова писать ему «на Арбат в дом Хитровой».

5 декабря 1830 года Александр Сергеевич возвращается в город из Болдина – об этом напоминает часть карты 1829 года с почтовым трактом от Москвы на Нижний Новгород. Путешествие займет более недели. Зима, дороги занесены, вдоль тракта выставлены карантины: в России бушует холера. Понять масштаб эпидемии в Москве помогает представленная в зале карта заболеваемости холерой. На стене – изображение здания Опекунского совета на Солянке, куда Пушкин приезжает в январе 1831 года, чтобы заложить деревенку Кистенёво, выделенную ему отцом по случаю предстоящей женитьбы. Акварель в витрине представляет Арбат пушкинского времени: на фоне невысоких домишек двухэтажный, с мезонином особняк Хитрово кажется внушительным. Его хозяев, Никанора Никаноровича и Екатерины Николаевны, чьи портреты висят на стене, Пушкин не застал: они пережидали холеру в своем орловском имении. В городе осталась родная сестра хозяйки Надежда, именно с ней Пушкин договаривался о найме квартиры. Экспозиция гостиной рассказывает о том, как проводили свободное время Пушкин, его друзья и знакомые. Вечером их нередко можно было застать на театральных представлениях.

Арбате, на полгода, за 2 тысячи рублей ассигнациями. Под дого-вором поэт собственной рукой выведет: «К сей записке 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил». И эта запись определит судьбу дома.

Помещения этой усадьбы всегда сдавались внаем. После Пушкиных здесь будет жить много других людей: от брата великого композитора, Анатолия Ильича Чайковского, до семьи купца Ефимова – последних владельцев усадьбы. Тут будут торговать обувью и письменными принадлежностями, после революции откроют Окружной самодеятельный театр Красной армии, в худсовет которого войдут Мейерхольд и Маяковский. А с 1922 года устроят коммунальные квартиры. На первом этаже поселится зубной врач Мария Лурье (ее семья проживет в этом доме более семидесяти лет). Режиссер Окружного театра Красной армии Виталий Леонидович Жемчужный разместится в пушкинских бударе и спальне. А на гостиную получит ордер актер того же театра Михаил Гришин. Комнаты делились, в них появлялись кухоньки, кладовки. В 1940-е годы здесь проживали уже 33 семьи (72 человека). И хотя музей в арбатском особняке решат создать сразу после войны, последние

жители коммуналок съедут отсюда только в 1986 году. Вещи этого дома вызывали, продаю, меняли. Стоит ли удивляться, что из всей обстановки, которую застала здесь семья Александра Сергеевича, к концу XX века сохранится лишь столик на изящной резной ножке? Однако со временем в музее появятся другие экспонаты: личные вещи поэта, привезенные из пушкинских петербургских квартир, личные вещи Гончаровых, московских знакомых, друзей и родственников Александра Сергеевича.

Экспозиция нижнего, не мемориального этажа рассказывает о жизни в арбатском особняке поэта и его супруги. А интерьеры второго этажа воссоздают обстановку, в которой проходили их дни. Эта логика определит и наше путешествие.

Макет дает представление о том, как выглядела часть улицы Арбат в XIX веке

Свернув с современного шумного Арбата, попадаешь в тихий музейный дворик

Неслучайно в гостиной представлена литография первой половины XIX века, на которой изображено здание Большого театра, открывшегося после реконструкции в январе 1825 года. Поэт был знаком с известными актерами Михаилом Щепкиным и Павлом Мочаловым, а также с драматургом Николаем Хмельницким – их портреты висят в зале. На станинном рояле красного дерева лежат ноты романса «Дарует небо человеку...»: стихи из поэмы «Бахчисарайский фонтан» переложил на музыку приятель Пушкина, князь Владимир Голицын. Здесь же стоит письменный стол из дома Ушаковых на Пресне. По семейному преданию, именно за ним поэт писал стихи в альбом барышень Екатерины и Елизаветы Ушаковых. Молва записала Екатерину в невесты Пушкина. В 1828–1829 годах Александр Сергеевич действительно часто бывал в их доме. Екатерина была в него серьезно влюблена, но Александр Сергеевич не ответил на чувства девушки, а позже признался: «Я приезжал в дом к Ушаковым <...> чтоб два раза в день иметь возможность проезжать мимо окон Натальи Гончаровой». В Москве Пушкин издает не так уж много своих книг («Цыганы», «Бахчисарайский фонтан», два издания «Братьев-разбойников» и вторую главу «Евгения Онегина»), но активно сотрудничает с московскими журналами. В следующем после гостиной зале можно увидеть номера «Московского вестника», портрет и личные вещи (кресло и часы) издателя журнала Михаила Погодина. Рядом в витрине – журнал Николая Надеждина «Телескоп» №15 за 1836 год. Тот самый, в котором было опубликовано знаменитое «Философическое письмо к Г-же*» Петра Чаадаева (см.: «Русский мир.ru» №1 за 2018 год, статья «Петр Чаадаев: горе от ума»). Издание после этого было закрыто, Надеждина сослали, а Чаадаева объявили сумасшедшим. Здесь же письмо Пушкина Чаадаеву, написанное 19 октября 1836 года, но так и не отправленное адресату. В нем поэт пишет: «Хотя лично

Аванзал.
Фрагмент
экспозиции

я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; <...> но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отчество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал». На столе – прижизненные издания произведений Пушкина, среди них – «Евгений Онегин» в подлинной типографской обложке, в стеклянной витрине – «Борис Годунов». Книги были дорогими, круг читателей – невелик, поэтому сначала книги печатали в бумажной обложке, а покупатель мог оформить обложки так, как душе угодно.

«МЕДНАЯ БАБУШКА» И МЕЛ В БИСЕРНОМ ЧЕХЛЕ

Экспозиция следующего зала посвящена семейству Гончаровых. Впервые Пушкин увидел Наталью на одном из балов известного московского танцмейстера Йогеля в конце 1828 года и спустя четыре месяца сделал ей предложение. В письме матери возлюбленной поэт признавался: «Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась...» Роль свата взял на себя приятель Пушкина Федор Толстой, по прозвищу Американец. Не отказав напрямую,

Кажется, будто Александр Сергеевич только что отвлекся от работы и ненадолго покинул свой кабинет

Наталья Ивановна Гончарова откладывает решение: дочь еще слишком молода. Расстроенный Пушкин отправился на Кавказ, где в то время шла война с Турцией. Он не был бы поэтом, если бы во время пути не вел дорожные заметки, которые под названием «Военно-Грузинская дорога» публикует «Литературная газета». Сегодня мы их знаем как «Путешествие в Арзрум». Лишь в апреле 1830 года Пушкин получит согласие роди-

телей невесты на брак. 6 мая, на Пасху, состоится помолвка. Понимая важность надвигающейся в его жизни перемены, Пушкин пишет: «Участь моя решена. Я женюсь... Та, которую я любил целые два года, <...> с которой встреча казалась мне блаженством – боже мой – она... почти моя».

А еще в этом зале можно увидеть портретную галерею Гончаровых. Рядом с детским портретом Натали портреты ее роди-

телей – Натальи Ивановны и Николая Афанасьевича, старших братьев и сестер – Дмитрия, Ивана, Екатерины, Александры. Есть и портрет деда Натальи – Афанасия Николаевича.

На стене этого зала висят портреты московских знакомых Пушкина

Старинный рояль красного дерева и ноты романса «Дарует небо человеку...»

дителей – Натальи Ивановны и Николая Афанасьевича, старших братьев и сестер – Дмитрия, Ивана, Екатерины, Александры. Есть и портрет деда Натальи – Афанасия Николаевича. С ним связана история одного из самых интересных экспонатов зала – «Медной бабушки». Свое состояние дед промотал, оставив сестер Гончаровых бесприданницами. Но Наталья Ивановна не хотела выдавать Натали замуж как бедную девушку и потребовала, чтобы Пушкин внес в качестве приданого 11 тысяч рублей. Поэт обратился за помощью к Афанасию Николаевичу. А тот не придумал ничего лучше, как отдать Пушкину трехметровую бронзовую статую Екатерины II. Когда-то основатель династии, Афанасий Абрамович Гончаров, заказал ее у немецких мастеров, братьев Мейер, в память о посещении императрицей Полотняного Завода (см.: «Русский мир.ru» №6 за 2016 год, статья «Полотняный Завод»). На переговоры и отливку статуи ушло семь с половиной лет. Когда бронзовая Екатерина наконец была готова, ни самого Афанасия Абрамовича, ни его сына Николая Афанасьевича,

уже не было в живых. И все обязанности по доставке этого груза из Германии легли на плечи деда Натали – Афанасия Николаевича. Огромную статую убрали в подвал, где она находилась, пока ее не навязали Пушкину. Поэт был крайне озадачен подарком. В шутку он прозвал статую «Медной бабушкой». «Бабушка» – потому что бабушка Натальи Гончаровой, Надежда Платоновна, устав от хулиганства Афанасия Николаевича, сбежала от него. А «медная» – потому что медяки подавали нищим на паперти. Так и статую «подали» Наталье. В конце концов «Медная бабушка» из дома на Арбате переехала вместе с Пушкиными на Фурштатскую улицу в дом Алымова в Петербурге. Поэт не раз обращался к императору Николаю I с просьбой разрешить «Бабушку» переплавить, распилить, выкупить. Была даже созвана комиссия, которая признала высокое качество скульптуры, но забрать ее отказалась. В итоге в 1836 году «Бабушку» сдали на металлолитейный завод Чарльза Берда. В то время в Петербурге строился Исаакиевский собор, и Берд собирал металлом для отлив-

Обои для кабинета Александра Сергеевича восстанавливали по сохранившимся воспоминаниям князя Павла Вяземского

ки барельефов будущего храма. Но «Бабушке» повезло: в 1846-м ее выкупило екатеринославское купечество и установило памятник основательнице города на Соборной площади. Здесь она благополучно простояла до 1914 года. Накануне Первой мировой войны площадь начали перестраивать и статую перенесли в начало Екатерининского проспекта. А в 1917-м революционеры свергли императрицу с постамента. Понимая, какая угроза нависла над «Бабушкой», директор

Екатеринославского краеведческого музея Дмитрий Яворницкий со студентами местного техникума ночью перетащил памятник во двор музея, где была заранее вырыта яма. Статую закопали, потом тихо выкопали и поставили во дворе среди древних полоцких баб. «Медная бабушка» пропала во время оккупации Днепропетровска (Екатеринослав был переименован в 1926 году) фашистами в 1941–1943 годах. Ее искали на дне Днепра, на чердаках и во дворах, в постсоветское вре-

На разложенном ломберном столике лежат мел в бисерном чехле, щеточка для стирания записей, курительная трубка, дуэльный пистолет

мя сотрудники Музея А.С. Пушкина на Арбате обращались даже к немецким исследователям. Но, увы, следы статуи затерялись. Чтобы увековечить память об этом удивительном приданом, музей в 2011 году заказал скульптору Ирине Макаровой уменьшенную копию памятника. По фотографиям «екатеринславского периода» и сохранившимся рисункам статуя была восстановлена.

Однако вернемся на Арбат и сделаем еще один шаг – следующий зал расскажет о друзьях Пушкина. Одним из самых близких был Павел Воинович Нащокин – слева от входа находится его портрет работы Эммануила Дмитриева-Мамонова. В экспозицию включена и мемориальная мебель из семьи Нащокиных: четыре кресла и ломберный столик, на котором лежат необходимые для игры в карты мел в бисерном чехле и щеточка для стирания записей. По воспоминаниям современников, поэт был не самым удачливым игроком, проигрывал часто, но ничего не мог поделать со своим азартом. С другой стороны, благодаря этой его страсти мы сегодня читаем замечательную «Пиковую даму».

К дружескому кругу Пушкина принадлежали Петр Андреевич и Вера Федоровна Вяземские, чьи портреты также представлены в зале. Князь Петр Вяземский, друг поэта, был у него посаженным отцом на венчании. Александр Сергеевич трижды (в июне и декабре 1830-го и в январе 1831 года) бывал в Осташеве – подмосковном имении Вяземских. В коллекции музея около 30 предметов, связанных с Вяземскими. Например, цилиндрическое бюро конца XVIII века и столик-комод.

Д.А. Белюкин.
Венчание
Пушкина.
2023–2024 годы

Этот портрет
Н.Н. Пушкиной-
Ланской
художник
И.К. Макаров
выполнил
в 1851 году

МАЛЬЧИШНИК И СВАДЕБНЫЙ ОБЕД

Венчание Александра Сергеевича и Натальи Николаевны состоялось 18 февраля (2 марта) 1831 года в церкви Большого Вознесения у Никитских Ворот. Чтобы показать, как оно проходило, народный художник России Дмитрий Белюкин по заказу музея написал картину, где в деталях воспроизвел обряд. Стремясь к достоверности, Дмитрий Анатольевич писал картину прямо в храме. Его консультировали священнослужители, историки, пушкинисты.

В музее можно увидеть и «брачный обыск»: в документе зафиксировано, что жениху 31 год, а невесте 18 лет, что они исповедуют православную веру и состоят в первом браке. Была сделана соответствующая запись и в метрической книге церкви.

Как же жили Пушкины в своем арбатском доме? Чтобы это представить, пройдем на второй этаж, в мемориальные комнаты. Минуем аванзал, где гости, не застав хозяев дома, могли оставить визитки. И перед нами открывается первый парадный зал, с наборным паркетом, шторами, реконструированными по образцам 1830 года, бронзовыми люстрами, золочеными бра, канделябрами и зеркалами. Здесь представлены живописные работы с видами Москвы. На картине Федора Алексеева – вид Кремля и Каменного моста 1800 года. Такую Москву Пушкин видел в детстве. Есть и изображения московских бульваров, к 1831 году их было уже двенадцать. На другой картине – Иверская часовня на Красной площади, которую накануне свадьбы посетили Александр Сергеевич, Наталья Николаевна и ее мать. В зале можно увидеть и портреты знакомых Пушкиных. Например, московского генерал-губернатора Дмитрия Голицына. До замужества Наталья Гончарова блистала на балах в его особняке на Тверской улице. Гостем Пушкиных в арбат-

О.К. Комов. Александр Сергеевич и Наталья Николаевна Пушкины. 1992 год

ском доме был и владелец подмосковного имения Архангельское князь Николай Юсупов, знавший Пушкина с детства. Блестящий екатерининский вельможа, дипломат, член Государственного совета, поклонник женской красоты, он стал одним из прообразов Дон Гуана в «Каменном госте». Но вот мы в парадной столовой. Именно здесь Александр Сергеевич накануне свадьбы устроил мальчишник, а потому на стене зала висят портреты участников холостяцкого обеда, состоявшегося 17 февраля 1831 года: Вяземского, Баратынского, Языкова, Нащокина, Давыдова, Елагина, Киреевского, Верстовского. Здесь же после венчания состоялся свадебный ужин. Присутствовавший на нем князь Павел Вяземский (ему в тот момент было всего 10 лет) вспоминал, что за свадебным столом поэт продолжал говорить о литературе: «С жадностью слушал я высказываемое Пушкиным своим друзьям мнение о прелести и значении богатырских сказок и звучности русского народного стиха». На следующее утро после свадьбы к Александру Сергеевичу пришли его друзья. Кто

Свадебный стол украшает зеркальное плато с сюрту-де-табль. Франция. Начало XIX века

именно, мы не знаем. Зато точно известно, что Пушкин так увлекся беседой, что забыл про молодую жену и явился к ней, как она сама писала, «только к обеду». В это время Наталья Николаевна заливалась слезами. В родительском доме на Никитской она привыкла находиться в окружении сестер, матери и родных, а здесь оказалась совершенно одна. Через десять дней после свадьбы молодые дали свой первый бал. В зале был накрыт праздничный стол. Что именно на нем стояло, мы сегодня сказать не можем, зато о самом

свадебном торжестве Пушкиных сохранились воспоминания друзей семьи. Их оставила, например, Вера Александровна Нащокина – единственная из присутствовавших дожившая до столетнего юбилея Пушкина. Гостем торжества был и московский почт-директор Александр Булгаков. В письме брату Константину он описывает бал у молодых. Пользуясь служебным положением, Булгаков вскрывал и читал письма Пушкина. Благодаря этому малоприглядному факту нам известны любопытные детали из жизни поэта.

Свои золотые серьги с рубинами Наталья Николаевна передарила невесте своего брата Ивана

ГАМБСОВСКАЯ КОНТОРКА И ПРОПАВШИЙ ПОРТРЕТ

Интерьер кабинета Пушкина воссоздан по единственному сохранившемуся воспоминанию Павлуши Вяземского, детский портрет которого стоит на полке у кущетки. Самого маленького участника торжества пустили переждать утомительное для ребенка празднество в кабинете, где он запомнил поразившие его воображение «диковинные обои под лиловый бархат с рельефным набивным цветочком» – их специально изготовили для это-

го музеиного зала. Несомненно, в пушкинском кабинете был рабочий стол. Несмотря на то, что Александр Сергеевич не написал на Арбате ни одной поэтической строки, он вел активную переписку со многими адресатами, подготовил несколько статей и рецензий, а также переписывал набело болдинские сочинения.

В арбатской усадьбе начинает собираться и библиотека, которую позже Пушкин увезет в Петербург. Среди книг на полках – Вордсворт, Шекспир, Байрон,

Пушкин был связан литературными и деловыми интересами со многими писателями и издателями Москвы, чьи портреты представлены в музее

Бальзак. На столе – раскрытый сборник Житий православных святых. По арбатскому адресу к Пушкину приходили посыльные с тиражами его книг, поэтому здесь же перевязанный веревочкой тираж «Бориса Годунова». Его издали в Петербурге в конце 1830-го, но на обложке стоит уже 1831 год.

В кабинете находится один из раритетов экспозиции – конторка из красного дерева, принадлежавшая Пушкину. На ней – чернильница в виде опирающегося на якорь арапчонка. Такая же, как подарок Нашокина на новый, 1832 год, напоминающий об африканском прадеде поэта, Абраме Петровиче Ганнибале. История конторки интересна. Ее сберег старший сын поэта, Александр Александрович Пушкин. После революции она попала к Павлу Елисеевичу Щёголову – одному из крупнейших пушкинистов начала XX века. С его помощью конторка оказалась в коллекции Всероссийского музея Пушкина в Ленинграде, но по договору уже много лет находится в арбатском особняке. Конторка выполнена известным петербургским мебельным мастером Гамбсом, она так и называлась – «гамбсовская». В ней

Цилиндрическое бюро XVIII века прибыло на Арбат из усадьбы близких друзей Пушкина, Петра Андреевича и Веры Федоровны Вяземских

множество потайных ящиков и выдвижная столешница, за которой можно было писать лежа, что Пушкин очень любил.

На этажерке в кабинете стоит портрет Василия Львовича Пушкина: дядя поэта первым узнал о предстоящей женитьбе племянника, но до свадьбы не дожил, скончавшись в августе 1830 года. Еще одна утрага Александра Сергеевича накануне свадьбы — смерть Антона Дельвига, портрет которого висит на стене. Пушкин остро переживал эту потерю: Дельвиг был не только близким другом, но и соратником. Он строил планы по возобновлению издания недавно закрытой «Литературной газеты», когда «испанка» в три дня унесла его жизнь.

Еще один примечательный экспонат — «елагинская копия» портрета Пушкина, сделанная с оригинала Василия Тропинина. В апреле 1827 года поэт подарил нарисованный Тропининым портрет своему близкому другу — библиографу Сергею Соболевскому. В августе тот передал подарок хозяйке знаменитого салона Авдотье Петровне Елагиной — матери близкого знакомого, Ивана Киреевского. Сергей Александрович собирался за границу и хотел взять с собой изображение Пуш-

кина, поэтому попросил Елагину сделать с него уменьшенную копию. В 1828 году Соболевский на пять лет уехал за границу, оставив на хранение Авдотье Петровне свою библиотеку и портрет поэта. А когда вернулся, то обнаружил вместо картины Тропинина «скверную копию». Оказалось, что крепостной маляр, подменявший полотно, продал подлинник. Обнаружить пропажу удалось лишь в середине 1850-х годов: директор архива Министерства иностранных дел князь Михаил Оболенский увидел портрет Пушкина в московской торговой лавке. В музей на Арбате полотно поступило уже в 1980-е годы.

Цокольный этаж. Фрагмент экспозиции «История улицы Арбат»

кина, поэтому попросил Елагину сделать с него уменьшенную копию. В 1828 году Соболевский на пять лет уехал за границу, оставив на хранение Авдотье Петровне свою библиотеку и портрет поэта. А когда вернулся, то обнаружил вместо картины Тропинина «скверную копию». Оказалось, что крепостной маляр, подменявший полотно, продал подлинник. Обнаружить пропажу удалось лишь в середине 1850-х годов: директор архива Министерства иностранных дел князь Михаил Оболенский увидел портрет Пушкина в московской торговой лавке. В музей на Арбате полотно поступило уже в 1980-е годы.

«А ДУШУ ТВОЮ Я ЛЮБЛЮ ЕЩЕ БОЛЕЕ ТВОЕГО ЛИЦА...»

Мы переходим в самую тихую часть арбатского дома Пушкиных. Вероятнее всего, именно здесь была спальня. В комнату с окнами во двор не проникал шум улицы, здесь протекала жизнь, не предназначенная для посторонних глаз. Комната была изолирована от остальных, но выход из нее был и на женскую часть, и в рабочий кабинет поэта. Сотрудники музея принципиально показывают здесь лишь часть экспозиции, помня, что Пушкин писал Наталье Николаевне: «Никто не

П.И. Страхов. Александр Сергеевич Пушкин. Копия с оригинала В.А. Тропинина 1827 года. 1976 год

должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни».

У окна на столике с зеркалом стоит подсвечник, в красном углу висит икона. Наталья Николаевна признавалась: «Я чувствую потребность в молитве. Эти минуты сосредоточенности перед иконой в самом уединенном уголке дома приносят мне облегчение. Тогда я снова обретаю душевное спокойствие, которое часто раньше принимали за холодность и меня в ней упрекали. Что поделаешь? У сердца есть своя стыдливость. Позво-

лить читать свои чувства мне кажется профанацией. Только Бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца».

Личным пространством в арбатском особняке был для Натальи Николаевны дамский «кабинет» – будуар. Здесь она принимала мать и сестер. На диване лежит красная шерстяная шаль ручной работы – подобную на кануне свадьбы подарил невесте Александр Сергеевич. Здесь же стоят шахматы. В доме на Арбате Наталья Николаевна начнет изучать эту игру и станет отличным игроком, заслужив звание лучшей шахматистки Санкт-Петербурга.

Чернильный прибор. XIX век

В будуаре – мебель из карельской березы, на овальном столе расположился кофейный сервис «тет-а-тет», стену украшает вышивка бисером. Нарядный столик для рукоделия некогда находился в Полотняном Заводе, он выполнен в стиле маркетри – технике, при которой рисунок на поверхности складывался из кусочков древесины разных пород. Сама форма стола-«боба», приведшая в Россию из Франции, была тогда очень популярна. Этот модный аксессуар сделан с расчетом на дам, которые, сидя за таким столиком, могли расправить пышные юбки своих платьев.

Хранится в будуаре Натальи Николаевны еще один раритет – золотые серьги с рубинами. Их Наталья Николаевна купила в Европе, а позже подарила невесте своего брата Ивана – Марии Мещерской. Серьги выставлены едва ли не под главным экспонатом музея – портретом Натальи Николаевны кисти Ивана Макарова.

Но далеким эхом из прошлого отзывались ей другие слова. «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете – а душу твою я люблю еще более твоего лица», – писал ей великий русский поэт... ☀

Черновик второй главы «Евгения Онегина» с портретом Ф.И. Толстого Американца. Конец октября – начало ноября 1823 года

ДОМ, ГДЕ ВСТАЛ НА КРЫЛО БУРЕВЕСТНИК

АВТОР

ОЛЬГА СЕВРЮГИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КАЖЕТСЯ, ДАЖЕ В САМОМ НАЗВАНИИ МУЗЕЯ – «ДОМИК КАШИРИНА» – ТАИТСЯ ИНТРИГА. НЕ ДОМ, НЕ УСАДЬБА, А «ДОМИК». ИМЕННО ТАК НАЗЫВАЮТ НИЖЕГОРОДЦЫ МУЗЕЙ, ХРАНЯЩИЙ ПАМЯТЬ О ДЕТСКИХ ГОДАХ МАКСИМА ГОРЬКОГО.

ЭТОТ СКРОМНЫЙ деревянный дом, выкрашенный краской кирпичного цвета, когда-то принадлежал дедушке писателя – Василию Васильевичу Каширину. Именно здесь прошло детство Алексея Пешкова – Буревестника революции, известного всему миру под именем Максим Горький.

Правда, родился и сделал свои первые шаги он не здесь, а во флигеле усадьбы деда, что ныне значится на картах как дом по улице Ковалихинская, 33. Сегодня только мемориальная табличка на нем напоминает о том, что 28 марта 1868 года тут родился Алексей Пешков. Спустя пару лет родители увезли маленького Алешу в Астрахань, где его отец получил должность управляю-

щего пароходной пристанью. А дед продал усадьбу на Ковалихе, и Каширины переехали в дом на Успенском съезде, который сегодня называется Почтовым. В это время молодая семья Пешковых обживалась в Астрахани и ждала второго ребенка. Но 3-летний Алеша заболел холерой. Отец не отходил от сына, заразился и умер на руках беременной жены. Убитая горем Варвара Васильевна потеряла ребенка и была вынуждена вернуться в Нижний, где ее никто не ждал: ни кормить лишние рты, ни делиться наследством отец и братья Каширины не планировали. Но выбора у молодой вдовы не было. Так Алексей с матерью оказались в том самом доме, который теперь называют «Домиком Каширина».

«САНДАЛ – ФУКСИН – КУПОРОС»

Усадьба, которую купил нижегородский мещанин, старшина красильного цеха, гласный городской думы Василий Васильевич Каширин, была построена в конце XVIII века. Приобрел он ее вместе с уже поставленным красильным делом. Над воротами дома – старинные жестяные вывески страховых обществ. А рядом с калиткой надпись «Дом цехового Василия Васильевича Каширина. Свободен от поста» (в начале XVIII века в России была введена постайная, или квартирная, повинность: население обязывалось предоставлять войскам помещения для проживания. Император Павел I разрешил откупаться от этой повинности. Те, кто уплатил соответствующий взнос, вешали на свои дома таблички «Свободен от поста». – Прим. ред.).

Алексей Пешков жил здесь с августа 1871-го по весну 1872 года. События и впечатления того времени легли в основу автобиографической повести писателя «Детство». «Дошли до конца съезда. На самом верху его, прислонясь к правому откосу и начиная собою улицу, сто-

У главного входа на территорию усадьбы гостей встречает скульптура «Алеша Пешков», ставшая символом музея

нимал в эти дни дополнительных рабочих.

Красильным делом в семье Кашириных занимались все мужчины – сам Василий Васильевич и его сыновья, Михаил и Яков. Заправлял делами в красильне мастер Григорий, проработавший у Кашириных 37 лет.

По меркам того времени красильня деда писателя была вполне серьезным предприятием. Здесь можно увидеть три вмазанных в печь котла. Возле окна – длинный стол, на котором гладили крашенину и досками манерами набивали на ткань рисунок (см.: «Русский мир.ru» №12 за 2022 год, статья «Узорочье русской набойки»). Несколько таких манер хранится в музейном фонде, как и образцы набивных тканей. Сотрудники музея говорят, что в их числе есть два набивных холста, сделанных Кашириными. Но показывают их только по особым случаям.

Рядом с красильней находится бревенчатое строение с сеновалом, разделенное на амбар и каретник. В левом углу каретника, у яслей с сеном и колоды с овсом, стоял мерин Шарап – любимец Акулины Ивановны, бабушки писателя. На нем ездили на базар за провизией и вели воду для дома и красильни с ключей Успенского съезда.

Двор усадьбы Кашириных небольшой и обнесен высоким, глухим забором, скрывавшим от любопытных глаз жизнь семьи. К одной из его стен прислонен огромный дубовый крест, напоминающий о печальных событиях, описанных в повести «Детство». Крест купил Яков, чтобы поставить над могилой своей жены Ольги. По старинному обычаю, в годовщину ее смерти он взялся отнести его на своих плечах на кладбище. Однако нести крест в одиночку ему оказалось не под силу, так что Яков позвал на помощь брата Михаила, а также приемного сына Кашириных – Ваньюшу Цыганка. Но Цыганок поскользнулся, а братья, испугавшись, бросили крест, который своею тяжестью придавил юношу...

ял приземистый одноэтажный дом, окрашенный грязно-розовой краской, с нахлобученной низкой крышей и выпущенными окнами. *<...>* Двор был *<...>* весь завешан огромными мокрыми тряпками, заставлен чанами с густой разноцветной водою. В ней тоже мокли тряпицы. В углу, в низенькой полуразрушенной пристройке, жарко горели дрова в печи, что-то кипело, булькало, и невидимый человек громко говорил странные слова: «Сандал – фуксин – купорос», – писал Горький в повести «Детство».

В конце XIX века красильное ремесло не приносило высоких прибылей, кустарям все сложнее было конкурировать с фабричным производством. Но Василий Каширин сумел поставить свое дело так, что оно стало доходным. Его красильня выполняла заказы по окраске шерстяных тканей, холстов, пряжи и меха. Основными клиентами были зажиточные горожане и купцы, в том числе и те, что приезжали на Нижегородскую ярмарку. Она длилась более месяца, количество заказов увеличивалось, и Каширин на-

музей детства Горького – самый посещаемый из всех, что связаны в Нижнем Новгороде с именем великого писателя

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

В доме Кашириных пять комнат, в которых воссоздана обстановка нехитрого быта конца XIX века. В основе экспозиции – подлинные предметы, принадлежавшие нижегородцам того времени, в том числе Кашириным.

Раньше в семьях особыми привилегиями пользовался обычно первенец, а потому старший сын, Михаил, занимал отдельную комнату. Ее обстановка типична для жилья мещанского сословия тех лет. Старинный полумягкий диван с резной спинкой и подлокотниками – доказательство того, что хозяин комнаты жил с комфортом, недоступным остальным наследникам. Был у него и свой стол, на котором сегодня стоят самовар, чайная посуда и керосиновая лампа. Кстати, на керосине Каширины экономили (пользовались свечами), лампу зажигали только по праздникам. А большой сундук использовали не только для хранения вещей, но и как спальное место для младших членов семьи. В этой же комнате Алешу учила молитвам первая жена дяди Михаила – тихая, пугливая Наталья.

Самая просторная комната в доме – кухня, больше похожая

Комната деда в мельчайших деталях показывает быт зажиточного нижегородского ремесленника

Надворные постройки усадьбы не раз горели и были тщательно воссозданы

на избу: бревенчатые стены, неокрашенные полы, небеленый потолок и русская печь с полатями. Здесь же бабий кут, или стряпной угол, где хозяйничали Акулина Ивановна, ее дочь и снохи. Напротив – красный угол с иконами и обеденный стол, за которым и работали, и ели. Суровый Василий Васильевич неукоснительно соблюдал правило Домостроя, в соответствии с которым начинал трапезу самый старший мужчина: обычно это был хозяин дома или почетный, знатный гость. Сначала кормили мужчин, потом к столу подсаживались женщины и дети.

Как и во многих других семьях, кухня у Кашириных была центром домашней жизни, которая не всегда была тихой и счастливой. За столом нередко происходили тяжелые ссоры. Михаил и Яков требовали от отца раздела имущества, а в вернувшейся в родительский дом Варваре они увидели еще одного претендента на наследство. «Дом деда был наполнен горячим туманом взаимной вражды всех со всеми, она отправляла взрослых, и даже дети принимали в ней живое участие», – писал Горький в повести «Детство».

Бабий кут –
маленько
женское
царство в доме

По вечерам кухня превращалась в мастерскую. Каширины и наемные работники готовили красенину к работе, сшивали отрезы в полотна. Тут же суетились дети Якова и Михаила. По наущению отцов они зло шутили над подслеповатым мастером Григорием: накаливали в пламени свечи наперстки и ножницы. За такие проделки дед наказывал внуков. По субботам, перед тем как идти ко всемощной, он ставил широкую низкую лавку на середину кухни, брал розги, заранее замоченные в лохани, и сек провинившихся за неделю ребятишек. Однажды высек он и маленького Алешу – за то, что тот испортил белую праздничную скатерть, попытавшись покрасить ее в синий цвет: «Дед засек меня до потери сознания, и несколько дней я хворал, валяясь вверх спиной на широкой жаркой постели». Но случалось в каширинском доме и веселье. По субботам, когда дед уходил в церковь, в кухне устраивались праздничные вечера. Бабушка ставила на стол угощение, а Цыганок развлекал ребят, показывая фокусы с тараканами и дрессированными мышами. Настроив гитару, дядя Яков кричал:

«Прочь, грусть-тоска! Ванька, становись!» «Бешено звенела гитара, дробно стучали каблуки, на столе и в шкатулку дребезжала посуда». Плясал не только Цыганок, но и бабушка. Веселье заканчивалось, когда на пороге появлялся дед.

Кухня
Кашириных
была местом,
где собиралась
вся семья

ТИРАН ИЛИ БОГАТЫРЬ?

Василий Васильевич Каширин был непростым человеком, о характере которого может дать представление его комната. Светлая и просторная, она обставлена в соответствии с его вкусом и привычками. С первого же взгляда становится ясно, что здесь жил человек с достатком. Об этом говорит все: от богатой мебели до праздничной посуды в красивой горке. В этой комнате дед работал с документами и принимал богатых заказчиков. Неслучайно на столе лежат гусиное перо и счеты. Василий Каширин был грамотным, именно он учил Алешу читать и писать. В сундуке-укладке, стоящем в красном углу под иконами, дед хранил деньги и ценные бумаги. Вечером, ложась спать, прятал укладку под свою подушку, приговаривая: «Всяк свои и чужие – все воры». По вечерам он лично запирал красильню, ворота, амбар, каретник, а ключи вешал на видном месте в своей комнате.

Каширин всем старался продемонстрировать, что добился серьезного положения в обществе. И его можно понять: он прожил трудную жизнь, полную невзгод и горестей. В 14 лет пошел в бурлаки. «Я трижды Волгу-матерь вымерял: от Симбирского до Рыбинска, от Саратова досюдова да от Астрахани до Макарьева, до ярмарки, – в этом многие тысячи верст! А на четвертый год уж и водоливом пошел, – показал хозяину разум свой!» – рассказывал он Алеше. И будущий писатель видел в деде уже не семейного тирана, а чуть ли не былинного богатыря.

Острый и цепкий ум Василия Васильевича позволил ему добиться успеха. Переехав из Балахны в Нижний Новгород, он стал красильщиком, скопил деньги, завел собственное дело, заслужил уважение и почет. Целых три срока (то есть девять лет) он получал звание старшины красильного цеха. Его избирали гласным городской думы в 1861–1863 годах. В награду за

службу он получил вышитый позументом парадный каftан, который висит над сундуком, слева от двери. Надевая его, дед говорил внукам: «Кем я раньше был – нищей матери сын, а теперь – начальник людям». По другую сторону от двери висит еще один предмет гордости деда: енотовая, крытая темным сукном шуба. Такие обычно носили купцы, поэтому для Каширина она была символом зажиточности и успеха.

Еще один статусный предмет – окованный жестью сундук. В нем Каширин хранил приданое своей дочери Варвары, матери Алеши. Выйдя замуж за Максима Пешкова против воли отца, она лишилась наследства. А когда вернулась вместе с сыном в Нижний Новгород, родные братья сделали все, чтобы Василий Васильевич не отдал дочери то, что принадлежало ей по праву. Сундук этот с секретом: стоило его открыть, как тут же звучала музыка. Так что незаметно подобраться к его содержимому было невозможно.

МИР СКАЗОК И ДОБРА

Совсем другое впечатление производит комната бабушки. Она небольшая, с одним окном, очень уютная. Основное место в ней занимает широкая кровать с высокой периной – именно на ней отлеживался Алеша, после того как дед высек его из-за испорченной скатерти.

Сюда же дед пришел мириться, принес Алеше гостинцев и в красках рассказал ему о своей нелегкой жизни. Маленький, сухонький старичок с пронзительными зелеными глазами и рыжей бородой в такие моменты превращался для мальчика «в человека силы сказочной, – он один ведет против реки огромную серую баржу...». «Рассказывал он вплоть до вечера, и, когда ушел, ласково простясь со мной, я знал, что дедушка не злой и не страшен», – писал Максим Горький. После этого Алеша перестал бояться старшего Каширина. Но дед «никогда не рассказывал сказок – все

Комната бабушки была для Алеши Пешкова самым любимым местом в доме

только бывалое». А вот бабушка знала множество диковинных историй.

Алексей Максимович вспоминал, что бабушка была прекрасной сказительницей, «сказки она сказывала тихо, таинственно, наклоняясь к моему лицу, заглядывая в глаза мне расширенными зрачками». «Говорила она, как-то особенно выпевая слова, <...> похожие на цветы, такие же ласковые, яркие, сочные». Частенько Алеша слушал, как Акулина Ивановна, стоя на коленях перед иконами, подробно рассказывала Богу обо всем, что

случилось в доме за день, просила Его и Богородицу принести в их семью мир и согласие, «улыбнуться радостью какой» дочери Варваре. А еще просила здоровья полуслепому мастеру Григорию и умоляла научить деда одинаково любить своих детей. На комоде в комнате Акулины Ивановны расположились повойник (головной убор замужней женщины), игольница, шкатулки, салфетка со словами «Выпьешь чайку – позабудешь тоску». Возле комода стоит станок для плетения кружев с коклюшками. Бабушка была

В музее хранится несколько досок-манер – с их помощью вручную изготавливались ткани с набивным рисунком

большой мастерицей в кружевном деле, она научилась этому ремеслу в Балахне, где провела детство и первые годы замужества. Плести кружева ее учила матушка, которая была «знатная кружевница». Кружево ручной работы стоило дорого, так что Акулина Ивановна, в юности снискавшая славу лучшей кружевницы Балахны, была очень выгодной невестой. Под стук коклюшек Алеша засыпал, слушая рассказы бабушки

о жизни, которые были «тоже похожие на сказку». Сказочными сюжетами украшены изразцы XIX века на печи в комнате Акулины Ивановны. Причем рисунок ни на одном не повторяется. Сеятель, ангел, скрипач, лихой ямщик на санях, воин на коне, сжимающий в руке обнаженную шашку. И тут же драконы и другие мифические животные, словно сошедшие со страниц бестиария. То веселые, то страшные – про

В подклети обычно жили наемные рабочие Кашириных, сюда же поселили мать Горького, Варвару

каждого из них бабушка сочиняла для внука сказку.

Комната Акулины Ивановны была для Алеши самым лучшим местом в доме. Но ее безграничная привязанность не могла заменить мальчику материинской любви. А Варвара Васильевна после всех выпавших на ее долю несчастий потеряла интерес к жизни. Алешу мучила мысль, что мать несчастлива по его вине и из-за него не может покинуть дом, в котором она жила как чужая, одиноко и отчужденно.

Чтобы попасть к матери, мальчику нужно было пройти через холодные сени. Как и во времена Кашириных, в них и в чулане хранится сегодня множество нужных в хозяйстве вещей. Тут и свечной фонарь, и большой ларь, где держали припасы, и коромысла с ведрами, и детская люлька-зыбка. По стенам сеней развешаны лекарственные травы, такими же бабушка лечила свою семью, знакомых и соседей. И тут же на стене – сумка и лямка, напоминающие о бурлацком прошлом деда. Из сеней в подклеть, где жила мать Алеши, ведет крутая лестница. Обычно дверь туда заперта, и рассмотреть помещение мож-

Керосин был дорог, так что керосиновая лампа использовалась нечасто. Обычно чай пили при свечах

но только через стекло. Но для нас сделали исключение.

Подклеть похожа на кухню, здесь тоже есть печь, бабий кут, обеденный стол. Но все это выглядит неуютно, обычно здесь жили наемные рабочие Кашириных, а для них даже минимальный комфорт не предполагался. Неудивительно, что Варвара Васильевна, привыкшая к достатку, в этой комнате чувствовала себя чужой и лишней. Она недолго прожила в отцовском доме и вскоре уехала, не вынеся обид и одиночества. Варвара Васильевна снова вышла замуж, однако со вторым мужем, дворянином Евгением Максимовым, ей не повезло, он оказался непорядочным человеком.

Варвара Васильевна на 37-м году жизни скончалась от чахотки, и 11-летний Алеша остался круглым сиротой. Если раньше Каширин терпел внука ради дочери, то после ее смерти постарался поскорее избавиться от него. После похорон дочери он сказал Алексею: «Ты не медаль, на шее у меня не место тебе, а иди-ка ты в люди...»

В этот момент детство Алеши, как и его пребывание в дедовском доме, закончилось. Началась самостоятельная жизнь...

Комод – один из главных экспонатов комнаты бабушки

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДЕТСТВО

Избавление от лишних ртов не принесло семье выгоды. Красильное ремесло становилось все менее прибыльным, прогресс вытеснял ручной труд, дело Кашириных пришло в упадок. Дед разорился, дом был продан и не раз менял хозяев. В начале 1930-х годов, уже после того как Максим Горький стал известным писателем, в культурной среде города родилась идея превратить дом его детства в музей.

В июле 1933 года президиум Горьковского горсовета вынес решение о реставрации бывшего дома Кашириных. Она шла в 1936–1938 годах под руководством архитектора Дмитрия Пав-

ловича Сильванова и Федора Павловича Хитровского – нижегородского краеведа, журналиста, старого друга писателя. Он же был инициатором создания музея и его первым директором. Помогал в организации музея и сам Алексей Максимович. По просьбе Хитровского он набросал от руки план дома. Правда, открытия музея писатель так и не дождался, он умер 18 июня 1936 года. А 19 июня случилось полное солнечное затмение, и особо впечатлительные граждане, фантазируя, связывали с ним смерть писателя. В день похорон писателя, 20 июня, в газете «Правда» было опубликовано посвященное Горькому стихотворение

Сундук в комнате деда использовался не только для хранения важных бумаг и семейных ценностей, но и как дополнительное спальное место

Михаила Светлова, включавшее строки: «И затмению Солнца сопутствует сумрак утраты...» Друзья Горького сделали все, чтобы увековечить память о его детстве. Музей открыли 1 января 1938 года. Восстановленный в первозданном виде бывший дом Кашириных получил высокую оценку от побывавшей в нем Анны Кирилловны Заломовой – дальней родственницы Кашириных. Именно она стала прототипом главной героини романа Горького «Мать». «Каширины словно только что вышли отсюда», – резюмировала Заломова.

В год открытия музея на его территории прошли съемки фильма Марка Донского «Детство Горького». Роль Алеши Пешкова стала единственной работой в кино юного актера Алексея Лярского, внешне очень похожего на Горького. С началом войны тезка писателя ушел на фронт и погиб в феврале 1943 года. Фильм и сегодня считается одним из лучших о Горьком. Все, кто посещал музей, поражались тому, как детально и точно воссозданы обстановка и быт семьи. Побывавшая в музее в 1939 году жена писателя, Екатерина Павловна Пешкова, отме-

Красный угол
в подклети

Заведующая
филиалом
Музея детства
А.М. Горького
«Домик
Каширина»
Наталья
Крашенинникова
демонстрирует
реплику женской
рубахи

Памятник Алеше Пешкову выполнен из белого мрамора

тила в книге отзывов: «Домик Каширина» – это яркая иллюстрация повести «Детство». Бывали в музее и внучки Горького.

«Домик Каширина» стал одним из главных музеев города Горького, получившего свое новое имя в честь родившегося в нем писателя еще при жизни Алексея Максимовича – 7 октября 1932 года.

В годы Великой Отечественной войны наиболее ценные экспонаты были эвакуированы в Тоншаевский район Горьковской области, но сам музей не закрывался и продолжал принимать посетителей. Его сотрудники ежедневно читали лекции в госпиталях, организовывали выставки на литературные и военно-исторические темы.

В конце 1950-х годов в сквере музея был установлен мраморный памятник «Алеша Пешков», созданный нижегородским скульптором и художником Андреем Викторовичем Кикиным. И сегодня юный Горький первым встречает гостей усадьбы. Каждый из них, посетив «Домик Каширина», открывает для себя удивительный мир маленького мальчика Алеши Пешкова, который стал самым известным писателем Советской России. ●

Редакция благодарит
Государственный ордена Почета
музей А.М. Горького за помощь
в подготовке материала.

БОЙЦЫ «НЕВИДИМОГО ФРОНТА»

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

В XX ВЕКЕ ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД ДВАЖДЫ СТОЯЛ НА ПОРОГЕ СМЕРТИ. СНАЧАЛА ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ЕГО ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯТЫНЬ ПРЕДСТАВЛЯЛА АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ КАМПАНИЯ МОЛОДОЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. А ЗАТЕМ В ПОЖАРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ГОРОД БЫЛ РАЗРУШЕН ПРАКТИЧЕСКИ ПОЛНОСТЬЮ: ИЗ 2,5 ТЫСЯЧИ ЗДАНИЙ УЦЕЛЕЛО ЛИШЬ 40, ИЗ 58 ХРАМОВ XI–XVII ВЕКОВ ОСТАЛОСЬ ВСЕГО 10. ЛЮБОВАТЬСЯ СЕГОДНЯ ВОЗРОЖДЕННЫМИ ДРЕВНИМИ ХРАМАМИ И ФРЕСКАМИ НОВГОРОДА МЫ МОЖЕМ ТОЛЬКО БЛАГОДАРЯ ПОДВИЖНИЧЕСКОМУ ТРУДУ РЕСТАВРАТОРОВ, АРХЕОЛОГОВ, ИСТОРИКОВ, АРХИТЕКТОРОВ И ХУДОЖНИКОВ. НО ОБ ИХ ПОДВИГЕ В НАШЕ ВРЕМЯ ВСПОМИНАЮТ НЕЧАСТО. И ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО.

ВЫСТАВКА «ВОССТАЁТ во славе», открывшаяся в Музее архитектуры им. А.В. Щусева (МУАР), показывает этапы возрождения трех древнерусских храмов: Спаса на Нередице, Успения Пресвятой Богородицы на Волотовом поле и Спаса Преображения на Ковалёве. На ней демонстрируется более 150 предметов из собраний МУАР, Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, Новгородского научно-реставрационного управления, Русского музея и частных коллекций. В экспозиции – оригинальные фрагменты фресок XII–XIV веков, иконы XV–XVI веков, чертежи и обмеры разрушенных церквей, копии фресок, сделанные художниками в 1920–1980-е годы, графика и фотографии первой половины XX века.

«Выставка приурочена к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Мы уверены,

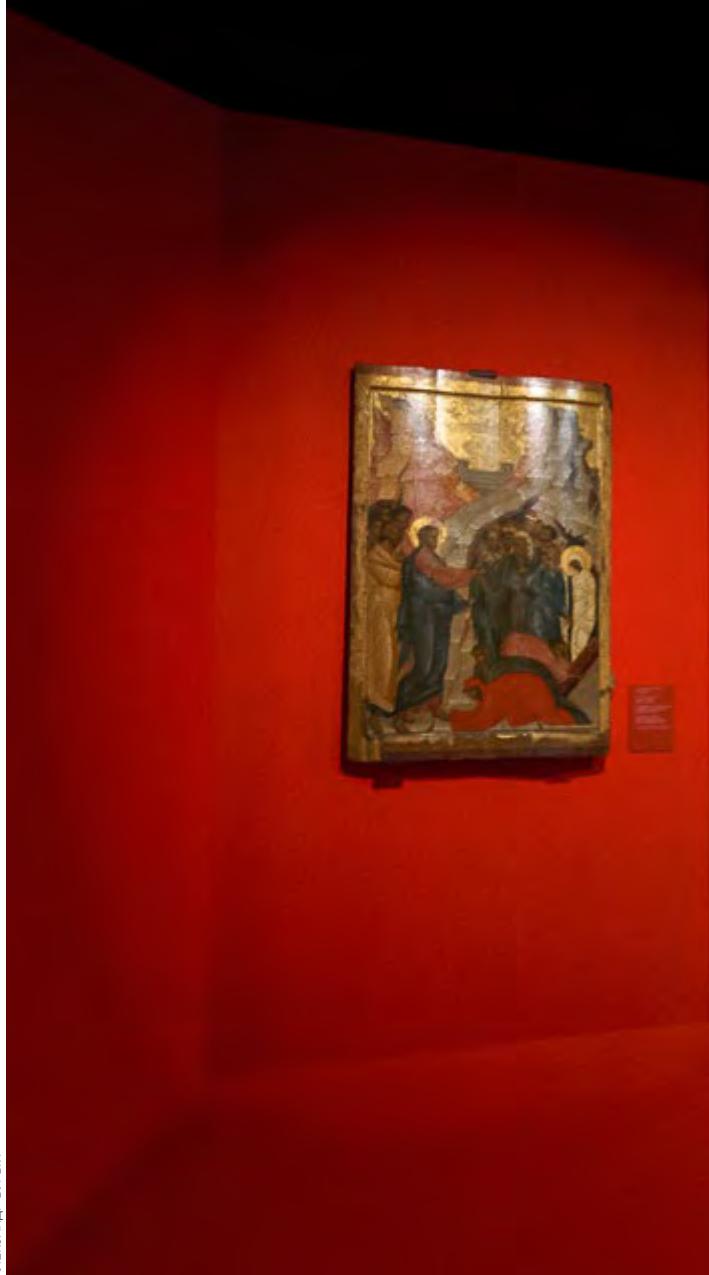
что в нынешнем году тема послевоенного восстановления памятников архитектуры Великого Новгорода должна прозвучать обязательно, – считает директор МУАР Наталья Шашкова. – Эта идея возникла, когда 20 февраля 2024 года в Великом Новгороде мы открывали выставку с лаконичным названием «1944», приуроченную к освобождению города от немецкой оккупации. Тогда с коллегами из Новгородского музея-заповедника мы решили, что обязательно сделаем в Москве ответный проект к 80-летию Победы. Мы очень рады такому теплому с сотворчеству и, конечно, с трепетом готовились принять новгородские памятники в Москве. Наша выставка – это рассказ о великом подвиге созидания, о том, как несколько поколений реставраторов передают из рук в руки драгоценные произведения древнерусского искусства ради великой цели – вернуть их миру».

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

НАБЕГ ВАРВАРОВ

Когда идешь по новгородским улицам и зеленым скверам, бродишь внутри древних стен Детинца, любуясь Святой Софией и памятником «Тысячелетие России», слышишь переливы колоколов Звонницы над Волховом, то переживаешь настояще погружение в русскую историю. И не верится, что после 29 месяцев оккупации немецкими и испанскими войсками (август 1941 – январь 1944 года) древний русский город лежал в руинах. Но об этом неумолимо свидетельствуют фотографии и кадры кинохроники, которые не позволяют забыть и простить варварство захватчиков. Эти свидетельства, представленные на выставке, производят сильнейшее впечатление...

В августе 1941 года Великий Новгород оказался в зоне ожесточенных боев между советскими войсками Северо-Западного фронта и немецкой группой ар-

Не все потеряли
войны безвозвратно
потерян. Верите.
Трудитесь. Любите.
Т. Аксаков

мий «Север», во время которых вражеская артиллерия прицельно била в том числе по древним храмам. Обстрелам подвергся и Софийский собор, в результате чего был разрушен главный купол с фреской XI века «Христос Пантократор». Во время оккупации города гитлеровцы продолжали варварское разрушение храмов: в них располагали солдат, устраивали наблюдательные посты, здания разбирали на стройматериалы (например, использовали кирпичи церкви на Волотовом поле для мощения дорог), упражнялись в меткости, расстреливая фрески. Фашисты уничтожили монументальную живопись Юрьева монастыря и

переплавили колокола обители, сняли позолоченную обшивку куполов Софийского собора. Иконы становились добычей мародеров. Все ценное вывозили: согласно установкам «Зеленой папки» (Гитлер поручил рейхсмаршалу Герингу разработку плана экономической эксплуатации территории СССР, который получил кодовое название «Ольденбург» или «Зеленая папка». – Прим. ред.), Новгород рассматривался немцами как один из главных источников ценнейших трофеев. А отступая, фашисты заминировали памятники древнего зодчества и монумент «Тысячелетие России», который не успели полностью разобрать и украсть.

Такое отношение к «колыбели русской государственности» было не только актом вандализма, но и частью стратегии по уничтожению культурной идентичности России. Неслучайно нацисты выламывали фрески с изображениями святых воинов в церкви Спаса на Ковалёве, считая их «пропагандой русского духа».

С освобождением Великого Новгорода 20 января 1944 года встал вопрос о целесообразности восстановления древнего города. Казалось, остовы храмов, горыбитых кирпичей, крошечные фрагменты фресок не оставляли надежды на возрождение. Но специалисты не сдались. И родилось рукотворное чудо: вос-

Панорамный
снимок
Торговой
стороны
и восточных
окрестностей
Новгорода.
23 августа
1941 года.
Из частной
коллекции
В.А. Волхонского

ставший из пепла и руин древний русский город. Неслучайно название выставки отсылает к словам святого апостола Павла о Воскресении: «...сеется в уничтожении, восстаёт в славе» (1 Кор.15:43).

«Любой, кто приедет на Новгородчину, может сегодня любоваться на стоящий посреди зараженных или заливных лугов храм Спаса на Нередице – знаменитую «русскую свечу», – отметил на открытии выставки «Восстаёт во славе» ее куратор, генеральный директор Новгородского музея-заповедника Сергей Брюн. – Однако эта церковь во время войны была практически уничтожена нацистской артиллерией и восстановлена лишь к 1958 году. Ее возрожденные удивительные фрески конца XII века свидетельствуют о самоотверженности и терпении реставраторов. А также о том, как искусство чудом переживает губительный огонь войны. Храм на Волотовом поле представлял еще более душераздирающую картину: реставраторы по кусочкам собирали тончайшую живопись из 1 миллиона 700 тысяч разрозненных осколков! Наша выставка рассказывает о той победе, за которую сегодня реставраторы Новгородского музея-заповедника бьются так же, как и их предшественники».

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

Бесконечна благодарность тем, кто посвятил и посвящает свою жизнь сохранению нашей исторической памяти. Трудно поверить, но уже к 1980-м годам благодаря титаническим усилиям специалистов 90 процентов разрушенных памятников Новгорода было восстановлено.

«В 1942–1944 годах группы архитекторов и реставраторов выезжали в каждый из пострадавших городов, для того чтобы восоздать среду для жизни людей и позаботиться об исторических памятниках, – рассказывает Наталья Шашкова. – Когда начали освобождать Подмосковье, Алексей Викторович Щусев, которому в тот момент было уже око-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Церковь Спаса на Нередице.
1947 год. МУАР

ло 70 лет, тоже выезжал на места для определения масштаба и очередности работ. Ведь он обладал огромным и бесценным опытом архитектора, градостроителя, реставратора. Например, в Киеве он консультировал бригады архитекторов, а в Новгороде, который он знал и любил, руководил разработкой проекта восстановления. В «Истории русского искусства», которая в 1910-е годы была издана под редакцией Игоря Грабаря, Щусев написал статью именно о новгородской архитектуре! Когда в мае 1944-го комиссия под руководством академиков Щусева и Грабаря оценивала масштабы разрушений в Новгороде, их мнения разделились. Грабарь предлагал законсервировать руины и построить современный областной центр на но-

вом месте. Возможно, это было бы проще, быстрее и дешевле. Но Щусев, к счастью, считал, что город должен быть возрожден». Так Великому Новгороду повезло во второй раз. Ведь сразу после революции 1917 года над его православными святынями уже стущались тучи. Но все-таки Софийский собор XI века сохранили как музей, запретив богослужения. Возведенный в 1198 году Спас на Нередице к 1930-м годам стал филиалом Новгородского музея. Избежала сноса и церковь Успения на Волотовом поле: еще в 1910-х годах расчистка фресок XIV века явила краски «византийского чуда на русской почве», запечатленные в цветных снимках археолога и искусствоведа Леонида Мацуевича. В отчете для Антирелигиозной комиссии, подготовленном в 1920-е годы, реставраторы писали: «Фрески Волотова – не просто церковное убранство, это энциклопедия средневековой мысли. Их уничтожение равносильно сожжению летописи». В 1924-м храм передали музею. Аналогичная история произошла и с церковью Спаса на Ковалёве (бывший собор небольшого пригородного Ковалёва монастыря. – Прим. ред.). Там также были расчищены фрески, созданные в 1380 году, о чем сви-

Т. Анисимова (слева),
С. Брюн,
Н. Шашкова
на открытии
выставки в МУАР

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ АРХИТЕКТУРЫ ИМ. А. В. ЩУСЕВА

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

дательствовала надпись, обнаруженная на западной стене храма. Все это постепенно меняло отношение к религиозным памятникам, становилось ясно, что необходимо тщательное изучение средневековых памятников и живописи. Сразу после Великой Отечественной войны Алексей Щусев продолжил работу по музеификации значимых архитектурных объектов и даже руинированных зданий и фресок. По его инициативе уже в декабре 1945-го в Москве был создан Музей русской архитектуры. В число его сотрудников вошли в том числе специалисты, которые с 1944 года реставрировали новгородские храмы. Щусев активно занимался вопросами восстановления Новгородского кремля и организации Новгородского музея, хлопота о выделении помещений. И начатая им битва за культурную идентичность России продолжается и сегодня.

«Мы не можем одной краской малевать все, что делалось советской властью, – считает Сергей Брюн. – Есть штамп, что до революции все берегли, а после 1917 года все стали уничтожать. Это не так. Храмы взрывали и в Московском Кремле по царскому приказу. Фрески скальывали, иконы зачастую варварски поновляли. Да, в послереволюционный период были жуткие атеистические тиры, массовое сожжение икон, а также их продажа за рубеж, благодаря чему многие из них уцелели. Теперь время их выкупать и возвращать. Но была и музеефикация, за организацией которой стоял нарком просвещения Луначарский. Очень многое тогда было спасено».

На открытии выставки нам удалось поговорить с одной из самоизбivenных тружениц «невидимого фронта», искусствоведом и реставратором Тамарой Ивановной Анисимовой. «Я – новгородка. И уже в 17 лет я работала с фресками Феофана Грека из церкви Спаса Преображения на Ильине улице – просеивала выброшенный археологами грунт. У нас в мастерской 40 ящиков его живописи, но пока мы не пускали их в работу, – говорит Тамара Ивановна. – За та-

Макеты трех храмов. 2025 год. Новгородский музей-заповедник [НМЗ]

Эскиз росписи из церкви Успения на Волотовом поле. Рисунок А.А. Громова. 1920 год. НМЗ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

кие фрески надо садиться не спеша, чтобы что-то получилось. Там очень хорошие сколы, кромка для стыковки и качественная штукатурка. Пускай еще немного полежат – мы надеемся на запуск компьютерной программы для работы с ними. Возможно, уже в будущем году искусственный интеллект поможет собрать этот огромный материал». С 1990-х годов Тамара Анисимова руководит работами по восстановлению росписей новгородских храмов. Среди экспонатов выставки в МУАР составленные реставраторами фрески, прибывшие буквально с их рабочих столов. Многие из выставленных здесь произведений искусства впервые покинули Новгород.

«Из собрания нашего музея сейчас в Москве можно увидеть копию фрески «Архиепископ Моисей», созданную в 1920 году, – продолжает Тамара Ивановна. – В 1919–1921 годах в Новгород приехала команда молодых архитекторов из Петербурга. Они делали обмерные чертежи, которые, к счастью, сохранились. Поэтому удалось восстановить храм на Волотовом поле. А художники из Москвы в те же далекие годы копировали фрески, сидели в древних храмах, в которых холодно даже летом. Никакого электричества и никакого отопления тогда, конечно же, не было. Их поселили в Дом колхозника, я его помню: старое двухэтажное здание, туалет на улице, в комнатах жили по десять человек, спали на сене – мебели тоже не было. Им выдавали талоны на обед, но в 1920-х годах есть-то нечего было. Для реставрации не было строительных материалов, не хватало специалистов. После освобождения в разрушенный город возвращались новгородцы... Возвращались и работали как одержимые, чтобы спасти памятники и сам город. Так еще приказы обкомовские приходили: почему срываете график работ? А знаете, как многие из них жили? В полуразрушенных монастырских постройках и храмах... Новгород, видно, все-таки храним Богом».

Эскиз фрески «Архиепископ Моисей» из церкви Успения на Волотовом поле.
Рисунок А.Громова. 1920 год. НМЗ

АЛЕКСАНДР БУРУЙ

Составленная из фрагментов
настенная живопись церкви
Спаса Преображения на
Ковалёве. 1380 год. НМЗ

АЛЕКСАНДР БУРУЙ

ДО И ПОСЛЕ

Историю возрождения Великого Новгорода не рассказать без цифр, передающих масштабы утрат и неимоверных усилий реставраторов эти утраты нивелировать...

Одноглавая церковь Спаса на Нередице со шлемоидным куполом была построена в 1198 году за 70 дней. Через год 700 квадратных метров стен, сводов и столбов покрыли фресками, сочетающими византийскую строгость и новгородскую экспрессию. Исследователи называли их «энциклопедией средневекового миросозерцания». К 1941 году сохранилось 300 композиций на 450 квадратных метрах. Во время войны церковь была почти полностью разрушена: она подверглась многочисленным артиллерийским обстрелам, а при отступлении фашисты ее заминировали. Советские саперы не успели разминировать весь храм. Взорвы уничтожили купол, барабан и своды. «Выжили» лишь остатки стен высотой до 3 метров, часть апсид и северо-западный угол. Уцелело всего 15 процентов росписи: фрагменты «Святой Юлиании», «Страшного суда» и ктирорская фреска с изображением князя Ярослава Владимировича, подносящего модель храма Иисусу Христу. Реставраторы вручную собрали 3,5 тысячи осколков (око-

Икона
«Преображение
Господне».
1530-е годы.
Храмовый образ
церкви Спаса
на Нередице.
НМЗ

ло 80 квадратных метров фресок) и в ящиках отправили их в Новгородский музей. Это не реставрация, это воскрешение из мертвых», – писал искусствовед Валентин Лазарев. Стены церкви Спаса на Нередице восстанавливали в технике XI века – с чередованием плитняка и плинфы на известковом растворе. К 1958 году храм восстановили в основных архитектурных формах по обмерам и

чертежам фасадов, разрезов, планов 1903–1904 годов архитектора Петра Покрышкина. Тогда же раскопали остатки древнего некрополя и собрали около 200 тысяч фрагментов фресок. В 2021 году искусственный интеллект идентифицировал 1500 фрагментов росписей, с помощью лазера (чтобы не повредить пигменты XII века) с них были удалены солевые отложения. А в 2023 году закончили восстанавливать 115 квадратных метров фресок, в том числе собранную из 2 тысяч обломков «Святую Юлианию».

Монастырская церковь Спаса Преображения на Ковалёве была построена в 1345 году из красного ракушечника по заказу боярина Онцифора Жабина. В 1380 году родственники боярина заказали сербским мастерам роспись 350 квадратных метров: Христос Пантократор в куполе, пророки в барабане, сцены Евхаристии и фигуры воинов-мучеников. В XVIII веке росписи забелили, а в 1910-х годах под руководством Николая Сычёва частично расчистили, хотя некоторые фрески уже были утрачены. Около десяти лет составлялась полная схема росписей, и в 1920-х государство взяло под охрану эту церковь. После немецкой оккупации от храма остались только стены высотой до 5 метров и 16 квадратных метров живопи-

АЛЕКСАНДР БУРУЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

см. 500 тысяч фрагментов фресок смешались с обломками кладки. В 1930-е годы археологи под руководством Михаила Каргера обнаружили в южном притворе каменные гробницы и деревянные колоды родовой усыпальницы бояр Жабиных. С 1965 года начались работы по спасению росписи церкви Спаса на Ковалёве. Супруги-реставраторы Валентина и Александр Грековы разработали новый метод «обратного монтажа»: собранные фрагменты рос-

писи выкладывались на стекле по эскизу с учетом формы и цвета, а затем монтировались на титановые щиты-сетки. Так собрали «Страшный суд», фигуры святых Петра Александрийского и Тимофея. Церковь Спаса Преображения на Ковалёве стала первым в СССР памятником, где применили эти разработки. Антикоррозийные титановые сетки используют для фиксации собранных росписей и сегодня – их можно увидеть на выставке в МУАР.

Пока не законченная работа реставратора: так из кусочков постепенно складывается целое...

Церковь Успения Пресвятой Богородицы на Волотовом поле была построена в 1352 году по велению новгородского архиепископа Моисея на берегу реки Малый Волховец. К 1363 году греческие мастера по заказу новгородского архиепископа Алексия расписали 350 квадратных метров храма. Исследователи насчитали здесь 200 композиций, в том числе портрет архиепископа Моисея с моделью храма. Особое внимание привлекал образ архангела Михаила, который по манере письма сравнивали с работами Феофана Грека. Во время войны храм находился в зоне ожесточенных боев. Сначала осыпались фрески, потом обрушились своды и стены, под обломками которых были погребены остатки фресок, в том числе знаменитое «Вознесение» и лики святых, считавшиеся эталоном новгородской школы. К 1960-м годам археологи собрали около 200 тысяч фрагментов. В 2003-м храм полностью восстановили в первоначальных формах XIV века. К 2010 году реставраторы собрали 200 квадратных метров росписей.

Разбор руин церкви Спаса Преображения на Ковалёве под руководством Грековых.
1965 год

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

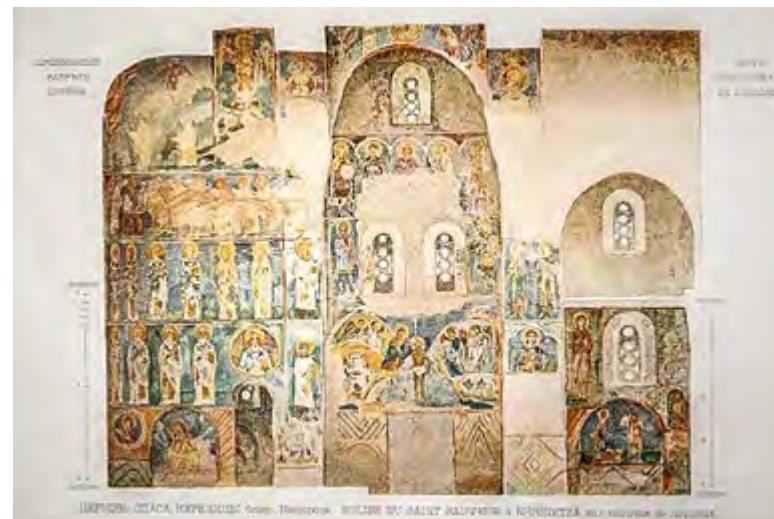
ОБРЕТЕНИЕ ИКОНЫ

Почти детективную историю поведал куратор выставки. «Хранитель фонда иконописей Юлия Борисовна Комарова пришла ко мне 15 октября 2023 года и сообщила, что на аукционе в Дюссельдорфе появилась икона «Распятие» из праздничного чина церкви Успения Богородицы на Волотовом поле, – рассказывает Сергей Брюн. – Так называемые «Волотовские праздники» – это иконы праздничного чина, написанные для этой церкви в первой половине XV века. Это настоящие шедевры новгородской иконописи. До войны в составе чина было девять икон, Новгородский музей успел эвакуировать лишь четыре. Остальные были расхищены оккупантами или пропали. В 1948 году в наш музей была возвращена одна из похищенных икон – «Воскрешение Лазаря». И вот в 2023 году на аукционе появляется «Распятие», которое в 1943-м было похищено немецким капелланом Людвигом Фольклем. Сомнений в подлинности иконы не было: ее идентифици-

Экспозиция
в МУАР

ровали по архивным фотографиям и описаниям искусствоведов, сделанным до войны. Началась долгая эпопея. Немецкая сторона отказалась возвращать нам икону, потому что, видимо, Европа считает, что так можно поступать. Но благодаря вмешательству МИД России, министра культуры Ольги Любимовой и председателя попечительского совета Новгородского музея, заместителя главы Администрации Президента

Максима Орешкина икона была снята с аукциона, причем прямо в разгар торгов. Начались новые переговоры, икону выкупили, хотя Евросоюз пытался сделать все, чтобы усложнить ее передачу нашей стране. Но в День России, 12 июня 2024 года, мы торжественно представили икону «Распятие» в Новгородском кремле. Очень правильно, что шесть шедевров «Волотовских праздников» можно сейчас увидеть

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Эскиз росписей южной стены храма Спаса на Нередице.
Рисунок
Л.М. Браиловского. 1909 год.
МУАР

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

в Москве на выставке, приуроченной к 80-летию Победы!»

В волотовском иконостасе ключевые евангельские события располагались по обе стороны от центральной иконы «Распятие». На ней на фоне стилизованной иерусалимской стены изображен Голгофский крест с предстоящими Богоматерью, апостолом Иоанном, святыми женами и сотником Лонгином, у его подножия – пещера с черепом Адама. Плавные линии, сдержанная гамма цветов, сочетание византийских живописных традиций с новгородской школой – вот отличительные черты икон «Волотовских праздников».

«В состав коллекции нашего музея этот ансамбль вошел в 1929 году, – продолжает Сергей Брюн. – До войны реставратор Никита Давыдов, убрав поздние поновления, раскрыл на этих иконах слой XV века. С того момента иконы «Волотовских праздников» больше не трогали. Да это и ни к чему. На этих прекрасных образцах новгородской иконописи воспитывались целые поколения искусствоведов, реставраторов и иконописцев. Да, конечно, сейчас у нас нет еще трех икон из праздничного чина церкви Успения на Волотовом поле. Но история с возвращением «Распятия» учит тому, что всегда должна оставаться надежда на чудо».

НЕСОКРУШИМАЯ ВЕРА

Судьбы трех храмов, возрождение которых стало главной темой выставки, схожи, но каждый из них, конечно, заслуживает отдельной статьи. Специалист точно охарактеризует все их различия и особенности и подробно расскажет о неповторимой монументальной живописи. Однако суть

«Волотовские праздники» – часть иконостаса храма Успения Богородицы на Волотовом поле. XV век

выставки «Восстаёт во славе» все же не в этом.

Переходя от экспоната к экспонату, рассматривая возрожденные удивительными людьми произведения искусства, начинаешь понимать, с какой любовью реставраторы держали в руках остатки росписей и с каким трепетом совмещали фрагменты друг с другом, чтобы с чудесных фресок на нас снова взглянули святые и пророки. Выставка «Восстаёт во славе» заставляет задуматься еще об одном важном аспекте: речь об отношении людей к великой культуре как общемировому наследию, «золотому фонду» цивилизации. Что двигало гитлеровцами, безжалостно разрушавшими древние русские памятники? Какой силой духа и несокрушимой верой в важность своей работы обладают мастера, возвращающие к жизни фрески и церкви, практически уничтоженные восемьдесят лет назад? Поколения подвижников вступили в неравную и невидимую нам битву со временем и руинами, чтобы сохранить нашу историческую память. Это люди высокого долга, невероятной преданности делу, хорошо осознающие важность своей миссии. Их заслуги перед Отечеством неоценимы – но часто ли мы с вами вспоминаем об этом? 🎉

«Мастерская реставраторов» – фрагмент экспозиции в МУАР

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗЕМЛЯНИКИ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

НАШУ БЕСЕДУ С АЛЕКСАНДРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ПРЕРЫВАЕТ ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК. «ИЗ ТЮМЕНИ!» – КРИЧИТ ЖЕНЕ УРЯСОВ. НИНА АЛЕКСАНДРОВНА ПОНИМАЮЩЕ КИВАЕТ: ЗВОНИТ БЫВШИЕ ОДНОСЕЛЬЧАНЕ, ПЕРЕЕХАВШИЕ В ДАЛЕКИЙ СИБИРСКИЙ ГОРОД. ОНА ЗНАЕТ, ЧТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРДЬ ОНИ БУДУТ ИНТЕРЕСОВАТЬСЯ... ЗЕМЛЯНИКОЙ.

О ВИДАХ НА УРОЖАЙ этой лесной ягоды Урясов рассказывает бывшим соседям обстоятельно. «Земляника появится через неделю, – авторитетно заявляет Александр Николаевич и неожиданно добавляет: – Тещу медалью наградили!»

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ ЛИХОРАДКА
Закончив разговор, Урясов сообщает жене, что тюменцы спрашивали, как себя чувствует мать Нины – Галина Степановна Гадышева, которой в этом году стукнуло 95 лет. 9 мая ей, как труженице тыла, вручили медаль «80-летие Победы в

Великой Отечественной войне». Живет Галина Степановна на соседней улице, в своей избе, у дочери с зятем давно не бывает. Нет, со здоровьем у нее все в порядке, просто ее сильно раздражает вид с заднего крыльца дома Урясовых. Раньше отсюда был виден только поднимающийся глухой стеной сосновый лес. А теперь на опушке перед ним стоят штабеля бревен. Вот из-за них и бранится Галина Степановна: тяжело струпшке смотреть на спиленные сосны. «Понятно почему, – говорит Нина Александровна. – Мать столько сил и здоровья положила на выращивание этого леса».

С весны 1945 года Галина Степановна работала в бригаде лесокультурниц и почти 30 сезонов сажала сосны для лесничества «Придорожное» Ардатовского лесхоза. Сегодня эти сосновые боры, в которых так хорошо растет земляника, окружают мордовское село Большие Поляны со всех сторон. Охотятся за вкусной ягодой и сельчане, и приезжие. Промышленный сбор земляники Галине Степановне тоже не нравится. Часто ворчит, что сама она ягодничала только для того, чтобы побаловать детей или сварить варенье. А на базаре в Ардатове ни одной ягодки не продала.

По подсчетам Александра Николаевича, в этом году собирать землянику пойдут не менее ста человек. Местная фельдшерица Елена Сачкова опять с ног будет сбиваться: перед началом ягодного сезона сельчане загодя лечат свои болячки, чтобы ничего не помешало отправиться в лес. Я спрашиваю 68-летнюю Нину Александровну, пойдет ли и она за ягодами. «Дома, что ли, буду сидеть? – бодро отвечает она, потирая больную ногу. – В прошлом году землянику морозом побило. А этим летом вон как цветет!»

Сосновый лес, в который так стремятся ушлые ягодники, Галина Степановна сажала в послевоенные годы вместе с другими лесокультурницами. Работа ей нравилась, нормы она перевыполняла. Труд тяжелый, конечно, зато никто ею не командовал. Так что Галина Степановна с юности привыкла к самостоятельности, а потому даже в 95 лет отказывается перебраться в дом дочери и зятя. Предпочитает жить в своей избе, доставшейся от деда, который построил ее в 1902 году. Здесь она родилась, выросла и доживает свой век. Тут все по старинке: для бытовых нужд Галина Степановна собирает дождевую воду, пользуется русской печью, на которой сушит грибы и яблоки. А питьевую воду ей привозят зять.

Утром, даже не позавтракав, он заводит мотоблок, грузит кани-

Сколько сосен посадила Галина Степановна Гадышева вокруг села Большие Поляны, подсчитать невозможно...

стры с водой из колодца, и мы едем к Галине Степановне. По дороге Урясов продолжает нахваливать местную землянику: «Она у нас тут крупная. Да и много ее. Без полного ведра из леса редко кто уходит!» Но, выгружая канистры с водой у крыльца дома тещи, Александр Николаевич предусмотрительно ведет разговоры только о погоде, не говоря ни слова о грядущей земляничной лихорадке и лесорубах. Знает, что вышедшая на крыльцо Галина Степановна может его выбрать.

ЛИСИЧКИН ХЛЕБ

Расспрашивать Галину Степановну о том, как она 14-летней девочкой сажала лес, я начал еще предыдущим вечером. При нашей беседе присутствовали две ее дочери – Татьяна и Нина, а также сын Николай. Перебивая друг друга, они вспоминали, как она возвращалась из леса с ягодами земляники. «Лисичка принесла», – говорила она детям, выбегавшим ей навстречу из дома. К землянике нередко прилагался кусочек черного хлеба и пара-тройка вареных яиц. Татьяна, Нина и Николай говорят, что это было лучшее лакомство их послевоенного детства. Они также помнят, что мать строго-настрого запрещала им притрагиваться к волчьим ягодам – так здесь называют оранжево-красные плоды ядовитого бересклета. Кстати, именно с этого растения и началась работа Галины Степановны в лесу. Еще до начала Великой Отечественной войны советские ученыe смогли добыть из коры корней бересклета бородавчатого гуттаперчу – аналог каучука. Лесничества по всей стране получили указание заготавливать корни этого растения и отправлять их на заводы по производству резины. В 1942 году, когда Галине исполнилось всего 12 лет, она пошла на работу в лесхоз. И ее вместе с ровесницами отправили на заготовку бересклета. Надерганные вязанки девочки приносили старшим работницам, которые обстукивали корни мо-

А эта часовня
сложена
из сосен,
высаженных
когда-то
лесокультурни-
цей Гадышевой

лотками на пеньках, чтобы снять с них кору. Ее сдавали лесникам. Оказалось, вытягивать бересклет из земли, не повредив корни, очень трудно. Порой один кустик подросткам приходилось тянуть вдвоем и даже втроем, как сказочную репку. Выкапывать бересклет не получалось, он рос под соснами. Корни у этого дерева крепкие – лопата не бьет, да и лесники запрещали их портить. Девочкам оставалось только полагаться на собственные силы. А откуда их было взять, если в еду листья липы добавляли? Время-то голодное было. На шестерых лесокультурниц выдавали три буханки хлеба, которые женщины делили пополам мотыгой...

На этом моменте рассказа Галина Степановна сильно развеллась, ей стало плохо, и дочери попросили перенести наш разговор на следующий день... Бригады лесокультурниц – так называли сельчанок, которых нанимали на один сезон для ухода за лесными посадками, – трудились не покладая рук. Одна из бригад состояла из жительниц Больших Полян. Лесник, друживший с бабушкой Галины, заметил, как хорошо она работает на заготовке бересклета. Он привел ее в бригаду лесокультурниц и сказал: «Берите эту девчонку, она вам кормилицей будет. И за водой сходит, и за хлебом...» Он же показал Галине, как управляетя с мечом Колесова (узкая

Землянико
особенно
обильно родится
в сосновках

стальная лопата для посадки сеянцев и саженцев лесных культур. – Прим. ред.). В бригаде, куда попала Галина, работали пять солдатских вдов, все – старше 50 лет.

Это был апрель 1945 года. К тому времени Галина уже бросила школу, отучившись всего четыре класса. Грамоту и арифметику освоила, а большего для работы в бригаде лесокультурниц и не требовалось. Да к тому же дед устал ей лапти плести: за неделю походов в школу Галина по две пары стаптывала.

Сначала в бригаде Галина была, как говорится, на побегушках. Мечом Колесова она работала наравне со всеми, а во время обеда ее отправляли за водой. Лесокультурницы обычно расстилали на болотине или калужине платок и цедили через него воду, набирая ее в бутылки из-под молока. Галина же шла не к ближайшему болоту, а за 2 километра – к речке Песчанке. Оборачивалась туда-обратно быстро, воду приносила свежую и прохладную, чем и заслужила признательность всей бригады. Еще ей поручали дважды в неделю ходить во время обеда в поселок Октябрьский, чтобы забрать хлеб для всей бригады. 5 киломе-

тров в одну сторону. Это расстояние Галина преодолевала бегом, в магазин врывалась запыхавшаяся. К прилавку ее пропускали без очереди. Продавщица отпускала ей три буханки, каждая весом по 2 килограмма. Так что к концу обратного пути Галина из сил выбивалась. Обычно одна из женщин выходила встречать ее на просеку, чтобы помочь дотащить тяжелую холщовую сумку с хлебом. Буханки разрезали пополам мотыгой: почистят лезвие тряпкой, промоют водой, вытрут и рубят, как топором. Работницы свою половину буханки, как правило, не съедали до конца, домой несли – детям. Свой хлеб Галина делила с напарницей Марией Павловной Киселевой, которая одна воспитывала сына: муж ее, как и у других лесокультурниц в бригаде, погиб на фронте. Вот с ней Галина и трудилась на борозде: она мечом лунку прорубала, а Мария Павловна саженец сосны высаживала. Эта женщина стала для Галины не только напарницей, но и наставницей и защитницей. Многому ее научила, многое рассказала и объяснила. С Киселевой Галина работала, пока та, занедужив, не ушла из бригады...

МОЗОЛИ И КОМАРЫ

Как раз на этом месте Галине Степановне днем ранее стало плохо и она прекратила свой рассказ. И теперь я жду его продолжения. Но моя собеседница молчит, и я, чтобы начать разговор, хвалю местную природу и царящую вокруг тишину. Галина Степановна ворчит, что все, кто приезжает в Большие Поляны, твердят одно и то же: какая тишина! А отчего она? От сосновых лесов, что окружают село! Вот они говорят, что я насажала слишком много леса. Ругаются, пожара страшатся. А не знают, какие тут раньше были ветра и ураганы. Крыши с домов срывало, заборы валило, сугробы выше окошек наметало. Одна старуха рассказывала, как однажды в детстве, еще до революции, она в школу шла и в сугроб провалилась. Выбраться сама не могла. Хорошо, мимо люди ехали на лошадях, вытащили. А теперь, когда сосновые леса вокруг, в селе тихо и спокойно стало».

Я прошу Галину Степановну продолжить прерванный вчера рассказ. Она улыбается и вспоминает, что, пока бегала в магазин за хлебом в поселок, лесокультурницы землянику собирали, награждали ею свою помощницу за труды.

Помимо Галины в бригадах лесокультурниц работали и другие девочки. Например, Вера Коробкова, которая выдержала только год работы в лесу. Или Зоя Стенина, которая захворала и вскоре ушла из своей бригады. Да и другие девушки долго не задерживались на такой работе. А Галина как-то приспособилась к комарю, земле и монотонному труду то под солнцем, то под дождем. Кстати, территория, где она в 1945 году начала сажать сосны, прежде была полями, на которых ее дедушка, Яков Васильевич Кутырев, сеял ярицу. В коллективизацию эти земли отобрали. Дед Галины внуки говорил: «Из-под ярицы им понадобилась земля-то наша. Мы ее пахали на лошадях, а они там леса сажают!» Девушка отмечивалась и с тоской рассматривала

свои ладони, мозоли на которых никак не проходили...

О пользе посадок саженцев лекций лесокультурницам никто не читал. Приезжавшее из Ардатова начальство обходило с проверкой борозды, задавало дежурные вопросы, желало успехов и спешило обратно в город.

Всю зиму Галия копила дома золу, чтобы удобрять землю под саженцами. В конце апреля лесокультурницы готовили саженцы. В мае сажали их сквозными рядами. В июне и июле траву мотыгами пропалывали так же аккуратно, как в собственном огороде. Лесники посадки проверяли. В августе сообщали, где и что нужно поправить: засохшие саженцы выдернуть, вместо них новые посадить. А осенью нужно было снова браться за меч Колесова и ведра с саженцами. В сезон работали с утра до вечера. И ведь никаких репеллентов тогда не было. Длинные рукава и платки – вот и вся оборона лесокультурниц против летучей напасти: комаров, слепней, оводов. С работы Галина приходила исханная и опухшая. Спасали компрессы из лопухов. Их для внучки готовила бабушка, часто причитавшая: во что превратились ее руки? А во что превратится лицо? Кто ее муж возьмет?

Никакую рабочую одежду лесокультурницам не выдавали. Перчаток у них тоже не было. В лес отправлялись в лаптях, которые в сырую погоду быстро промокали. Лапти Галине плел дедушка. В теплую погоду она снимала их и возвращалась из леса босиком – обувку берегла. Только в начале 1950-х годов женщины перешли на ботинки, потом появились сапожки из тонкой кожи, потом – калоши. Но самыми подходящими для работы на посадке леса оказались резиновые сапоги.

Как-то лесокультурниц повезли сажать лес под село Чукалы. Для Галины это была первая в жизни поездка, прежде из Больших Полян она никуда так далеко не выезжала. Трясясь в кузове грузовика, она всю дорогу с любопытством осматривала окрестности. На месте выяснилось, что

У Галины Степановны пять детей, девять внуков, восемнадцать правнуков, четыре праправнука

бригаде предстоит сажать не сены, а березы, клены и рябины: на рубеже 1940–1950-х годов в СССР осуществлялась программа по высадке лесополос для снегозадержания. Жили лесокультурницы в бараках, спали на полу, постелив солому и верхнюю одежду. Обеды им местный колхоз варили. Три сезона бригаду Галины перевозили с места на место сажать лесополосы...

Галина Степановна вспоминает, как рано утром лесокультурницы шли на работу: на плече мотыга, на ней висит сумка или котомка с едой. Обычно по дороге на участок женщины рассказывали свои сны. И практически у всех они были одинаковые: будто погибший муж с войны вернулся. Ох и наслушалась Галина рассказов солдатских вдов о похоронках да бессонных ночах. В Больших Полянах работали три бригады лесокультурниц. И когда все работницы сходились вместе пообедать на какой-нибудь поляне, то запевали жалостливые песни. Галине говорили: «Иди, поспи, а нас не слушай». Она уходила подальше, но хор вдов все равно слышала и плакала. Какой уж тут сон...

В сезон лес сажали каждый день, работу не прерывали даже во

время дождя. Утром на делянку часто шли в густом тумане, перекликались, чтобы не потеряться. Вечером возвращались в темноте гуськом, ступая след в след по проложенной в густой траве тропе. На окраине села останавливались у колодца, чтобы отмыть от земли и травы лицо и руки, благо в пайке вместе с хлебом выдавали кусок мыла.

В 1950 году Галина вышла замуж за лесника Александра Егоровича Гадышева. Женщины из бригады уговорили ее венчаться. В те времена венчание в церкви грозило неприятностями учительям, врачам, служащим. А она кто? Простая сезонница. Кто ей мог замечание в лесу сделать? Они и обвенчались с мужем.

Работа и жизнь с мужем в лесу отразились даже в паспортах ее дочерей. Например, у Татьяны в паспорте записано, что она родилась на кордоне Новоклейский. А у Нины местом рождения указан Большекузьминский кордон. Галина Степановна улыбается и говорит, что Татьяну она родила на печке. Муж отправился за акушеркой, да задержался. В избе с Галиной Степановной оставались старшие дети – Мария и Николай. Когда муж вернулся с медиком,

Галина уже готовила варево для скотины, а Маша и Коля присматривали за новорожденной сестренкой...

Много чего повидала на своем веку Галина Степановна. Муж, отработавший семь лет лесником, попал в неприятную историю и пошел под суд. Но это не разрушило семью, в которой росли пять детей. Галина Степановна помнила, чему ее учили солдатские вдовы: «Смотри, Галька, выйдешь замуж, мужика дождайся. Будут дети, учти, если мужика в семье нет, то дети на десять процентов сироты. А если матери нет, то на девяносто!»

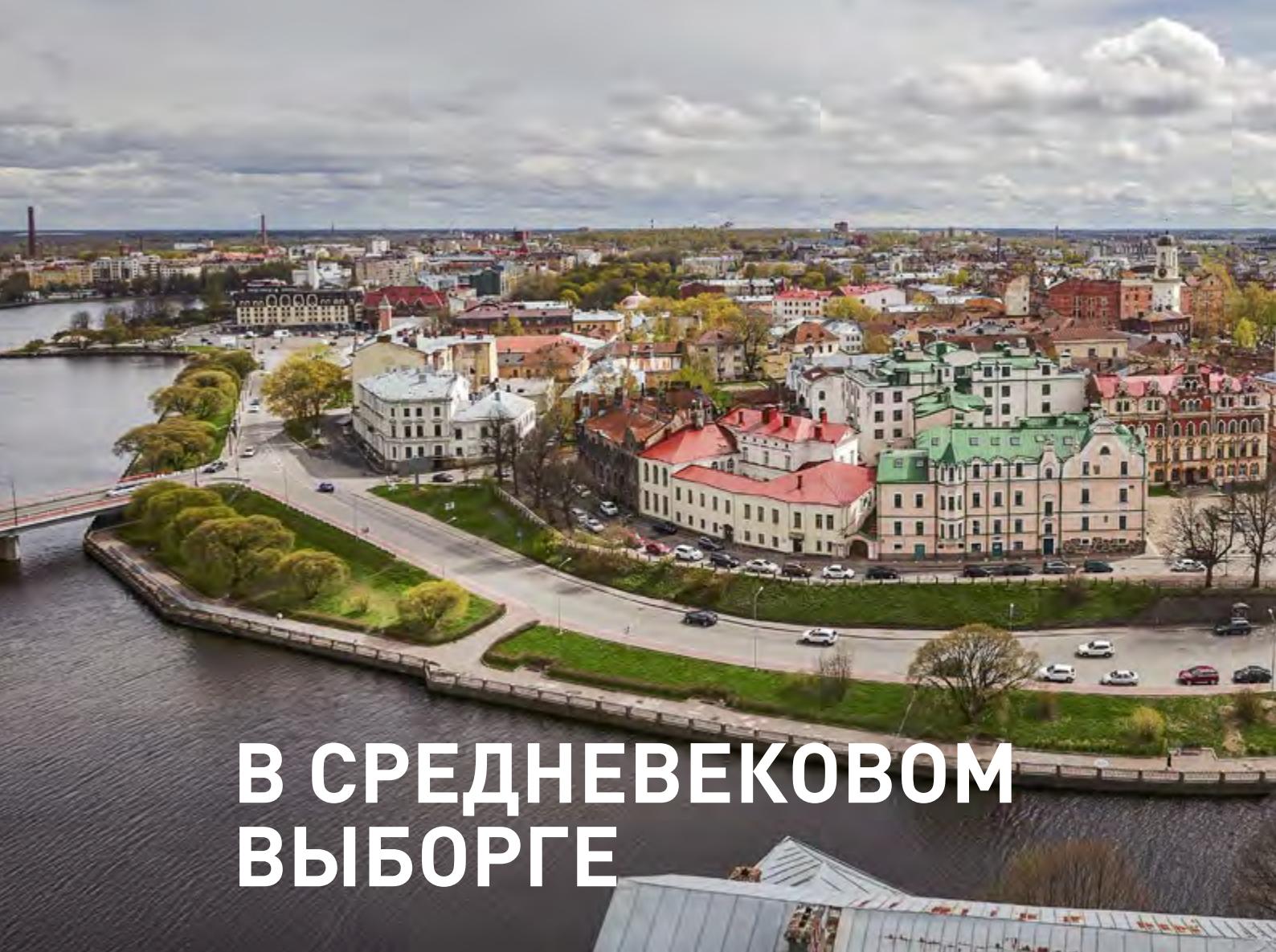
ВЫСОКИЕ СОСНЫ

Сегодня старая лесокультурница и смеется, и плачет над своей судьбой. Надо же! Дед не дал доучиться в школе, не хотел двое лаптей в неделю плести. Прожила с непутевым мужем, пять детей воспитала, знала холод и голод, на тяжелой работе трудилась... До 95 лет дожила, а вот поди ж ты, нашла над чем горевать: лес рубят! Ей хочется рассказать всем, как тяжело было сажать и растить этот лес! Все эти сосновые леса вокруг – в том числе и ее заслуга. За каждую сосенку три года ухаживали. А теперь их рубят!

У этой земляники, собранной дочерью Галины Степановны, особенный вкус

Разволновавшись, Галина Степановна стучит ладонью по широкому подоконнику. Он весь в ямочках, пропивающих под слоями белой краски. В эти ямочки вставляли лесные орехи и кололи их гирьками. Так поступали ее родные тетки, мать, дети и внуки. Вот только орешник в местном лесу сейчас с трудом можно найти. Зато земляники сколько угодно. Потому что кругом сосны, которые она сажала... Галина Степановна помнит, как одним летним днем 1945 года вся ее бригада отдыхала под большим кустом. Ради развлечения женщины стали гадать по линиям ладоней. Водили они пальцем и по ладошке своей маленькой помощницы. Хотя мозоли на ней были такие, что и без хиромантии было понятно, какая жизнь ее ждет. Галине в душу тогда запало одно предсказание, сделанное, правда, не по ладони. Глядя на маленькие саженцы сосен, солдатские вдовы сказали, что только одна Галька увидит, как они превратятся в высокие, мощные деревья. И доживет до того времени, когда внуки и правнуки будут в этот лес за земляникой ходить и Галину ею угождать. 14-летняя девочка смеялась тогда над этими словами, считая, что это шутка.

Неизвестно, рассказывала ли Галина Степановна об этом своей дочери и зятю. Но когда начнется в Больших Полянах сбор земляники и сосняки наполнятся отрядами профессиональных ягодников, Александр Урясов обязательно повезет жену на мотоблоке в лес, который сажала его теща. Корзинку с собранной земляникой Нина Александровна привезет и поставит на чистую скатерть перед 95-летней матерью. Поверх ягод будут лежать зеленые листочки и сосновая хвоя. Дочь специально не уберет их, потому что тогда ее мать ощутит ароматы леса, посаженного ею в 1945 году. И по традиции, которая заведена много лет назад, Нина Александровна поцелует Галину Степановну и скажет: «Вот, мама, принесла ягоды из леса, который ты сажала».

В СРЕДНЕВЕКОВОМ ВЫБОРГЕ

автор

МАРИНА ЯРДАЕВА

ЗА СВОЮ ИСТОРИЮ ЭТот СЕВЕРНЫЙ ГОРОД УСПЕЛ ПОБЫТЬ И ШВЕДСКИМ, И РУССКИМ, И ФИНСКИМ. ПОСТОЯННАЯ СМЕНА ГРАНИЦ ЕГО, КОНЕНЧНО, ИЗРЯДНО ПОТРЕПАЛА. НО ВМЕСТЕ С ТЕМ И ОБОГАТИЛА. ВПИТАВ НЕМАЛО РАЗНЫХ КУЛЬТУР, ВЫБОРГ СДЕЛАЛСЯ НИ НА ЧТО НЕ ПОХОЖИМ, ПРЕВРАТИЛСЯ В СЛОЖНУЮ ГОЛОВОЛОМКУ, КОТОРУЮ МОЖНО РАЗГАДЫВАТЬ БЕСКОНЕЧНО.

Каждого гостя неизменно приветствует Башня Олафа. Она первой предстает перед путешественниками, прибывающими в Выборг на электричке или рейсовом автобусе. Это, как пишут в путеводителях, главная доминанта города. Башня Олафа – центр средневекового замка, с которого, собственно, и началась история Выборга в 1293 году. До того как на этих карельских землях возник город, здесь располагались торговые фактории новгородских купцов. Покоя не было уже тогда: за террито-

рию постоянно спорили Русь, Швеция и Ганза – уж очень лакомым было это место для средневековой торговли. В 1293 году Торгильс Кнутссон, регент короля Биргера Магнуссона, организовал Третий шведский крестовый поход якобы для борьбы с карелами-язычниками. В отличие от предыдущего, случившегося в 1240 году и отбитого Александром Невским, этот рейд увенчался успехом для шведов: карельский острожек с купеческими складами они разгромили и сожгли. А на острове в заливеозвели каменный замок

и нарекли его Выборгом, что означает «Святая крепость». Русские князья неоднократно пытались отбить эту землю, но раз за разом им не везло. Крепость была неприступна: замок защищали естественная водная преграда и мощные зубчатые стены. А высота дозорной башни, носящей имя норвежского короля, крестителя Скандинавии Олафа Святого, позволяла заметить неприятеля издали.

Шведы активно застраивали новое поселение. Благодаря проходившим здесь торговым путям в крепости вскоре развернулись шумные рынки, и уже к 1403 году она приобретает статус города. Крепость расширялась, вырастали новые укрепления и башни. Перестраивался и замок: в нем появляются рыцарские залы, парадные палаты с изразцовыми печами и расписными потолками. Постепенно крепость превратилась в резиденцию шведских наместников, где они устраивали балы и официальные приемы. В XVI веке главная башня увеличилась еще

Вид на Выборг с Башни Святого Олафа

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ/РИА НОВОСТИ

Когда-то Башня Святого Олафа была грозной – темной, с зубчатыми стенами. В XVI веке ее перестроили, побелили и она стала украшением города

ЕКАТЕРИНА ЧЕНОКОВА/РИА НОВОСТИ

на семь этажей, а также появился Комендантовский дом. Позже на острове вырыли пруды, в одном из которых забил фонтан. Двор крепости помимо прочего превратился и в пространство для увеселений. Прямо как сейчас. Многих туристов сегодня раздражают разгуливающие по музею рыцари в доспехах и дамы в средневековых платьях, вовлекающие гостей в разные конкурсы или фотосессии с алебардами.

Некоторые считают это искусственным и навязчивым развлечением. Но ведь и Средневековые тоже было весьма многоликим. Люблили люди и повеселиться. Впрочем, веселье в Выборгском замке стихло с распространением Реформации. 1599 год вошел в историю города Выборгской кровавой баней. Тогда за шведский престол ожесточенно сражались король Сигизмунд III и герцог Карл Сёдерманландский. Послед-

Центральный рынок в Выборге не только функционален – он и архитектурная достопримечательность города

ЕКАТЕРИНА ЧЕНОКОВА/РИА НОВОСТИ

ний не церемонился с противниками. В Выборге он обезглавил католиков – коменданта Арвида Таваста с сыном Иваром и нескольких влиятельных дворян Выборгского лена. Головы казненных в назидание горожанам были выставлены на крепостной стене близ Круглой башни.

Мрачные страницы прошлых эпох получили отражение и в нынешних музейных программах Выборгского замка. Например, любители пощекотать нервы могут заглянуть в камеру пыток с гидом-палачом. Конечно, не всем это по душе, удовольствие и правда сомнительное. Благо посещение того или иного зала – дело добровольное. А экспозиции в музее самые разные: исторические, этнографические и узкотематические. Для посещения в музее сегодня доступны Дом наместника, Цейхгауз (комплекс бывших оружейных складов), Большой и Малый арсенальные залы, Гончарная мастерская, Башня Олафа. В общем, хочешь – артефакты, поднятые со дна Финского залива, изучай, хочешь – дамские украшения разглядывай. А лучше всего, конечно, подняться на смотровую площадку и полюбоваться городом с высоты: увидеть, как затейливо огибают его воды залива, как поднимаются друг за другом, будто слои в огромном торте, фасады старых домов со ступенчатыми фронтонами, как зеленым ковром стелется вдаль остров Твердыши, на краю которого развернулся дивный парк «Монрепо».

ХИТРАЯ ТОЛСТАЯ КАТЕРИНА

Едва ли торговые ряды в самом центре способны украсить хоть какой-нибудь город, особенно если это вереница сувенирных палаток с неизменными шапками-ушанками и медовухой. А в Выборге рынок является своего рода достопримечательностью. Он, можно сказать, передает изначальную сущность города, который зарождался с торговли. В Средние века рынок разбивался у городской крепостной стены (ее разобрали в середине XIX века). Суда подходили к берегу, купцы выкладывали товар, горожане спешили за покупками. Вот и в XIX столетии концепцию решили особо не менять, сохранить дух города. Так появилась Рыночная площадь, определившая дальнейшую застройку города. Позже здесь возвели похожий на пряничный домик Банк Финляндии и напоминающее, скорее, кирху здание крытого рынка – скромное, но изящное, с треугольным фронтоном и башенкой.

Но самой интересной достопримечательностью Рыночной площади является Круглая башня. Здесь она как снеговик в цветущем летнем саду или словно роза, показавшаяся из сугроба. Ведь башня – часть утраченной крепостной стены, элемент старой Рогатой крепости. Крепость разобрали, а башню оставили. И вот теперь она стоит одиноко на площади, несуразная, кривоватая, с асимметричными маленькими окошками, странная, но очень притягательная. Любопытнее всего, конечно, узнать, почему ее не тронули при переустройстве. Ведь снести башню предлагали еще в начале XVIII века, после победы в Северной войне, когда Выборг вошел в состав России. Но Петр I запретил: «О разборе башни обождать до моего туда прибытия, а между тем содержать оную в починке». Башню назвали Петербургской и приспособили под военный склад.

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ/РИА НОВОСТИ

Выборгский замок и сегодня кажется неприступным

Круглую башню не раз намеревались снести, но судьба распорядилась иначе

Одно время ее использовали как приют для потерявшегося домашнего скота и называли то бараньей тюрьмой, то Толстой Катериной. Ведь святая Катерина – покровительница рогатых и хвостатых, а тут, значит, башня – приземистая да бочкообразная.

Вопрос о сносе башни снова подняли в конце XIX века. Архитектор Бернхт Ивар Аминов обозвал ее «старой каменной кучей», «одной из самых

уродливых построек Выборга, которая не предлагает горожанам никакого художественного удовольствия». А еще зодчего расстраивало, что башня совершенно непочтительно закрывает собой красоту Северного банка. Но и тогда, к счастью, нашлись защитники постройки XV века. Городские власти отдали башню под мучной склад, что по-своему интересно: она ведь сама как пышка. Потом ее захотели снести, хотя, казалось бы, кому Толстая Катерина могла помешать? Отстоял средневековый памятник архитектор Уно Ульберг. Он предложил на башне заработать, сделав из нее ресторан для иностранных туристов. Так ничем не примечательная в прежние времена башня сделалаась архитектурной жемчужиной современного города – взяла и всех перехитрила.

Впрочем, повезло не только ей. Сохранились еще два фрагмента Рогатой крепости: бастион Панцерлакс и Башня Ратуши. Первый уцелел по совокупности причин: в XIX веке на нем развевался крепостной флаг и перенести его было некуда. Претензий по поводу того, что бастион загораживает вид на

ГАЛИНА КЛИМОВА/РИА НОВОСТИ

другие достопримечательности, не было. И, наконец, постройку было не так-то легко демонтировать – вот и сохранили Панцерлакс. А потом он еще и пригодился: в нем открыли художественную школу и выставочный зал.

Что до Башни Ратуши, то ее в прямом смысле уберег Бог. Построенная в 1470-х годах как оборонительная, она быстро утратила военное значение и была передана городскому ма-

гистрату. А ратуша, в свою очередь, пожаловала башню Доминиканскому монастырю (позже превратившемуся в Выборгский сельский приход), и ее перестроили под колокольню, которая несколько раз горела. Во время реконструкции в 1974–1984 годах ей вернули вид конца XVIII столетия, сделав памятником скромного северного барокко. Теперь здесь музей, посвященный истории Выборгской крепости.

Особое очарование города в его узких неровных улочках

Здесь останавливаются времена и успокаивается душа

ПО УЛОЧКАМ СТАРОГО ГОРОДА

В Выборге, конечно, нужно идти от залива вглубь – постигать Старый город. Впрочем, старое и новое тут перетасовано так, что не сразу разберешься, где что. Дома внушительного возраста могут выглядеть настолько просто и скромно, что легко принять их за жилые постройки начала XX века. Что-то много раз перестраивалось. От иных памятников, увы, остались только руины. А посреди всего этого – модерн конца XIX века, конструктивизм начала XX, парки с современной скульптурой. Сплошное переплетение времен и стилей. Шведское смешалось с русским, русское – с финским. И каждая эпоха преоламляется по-своему, в каждом стиле обнаруживается свой особенный колорит.

Вот, например, северный модерн. Он, конечно, интересен сам по себе сочетанием нового и традиций, передовых технологических решений и фольклорного орнамента, искусственного и естественного и прочей эклектикой. Поистине гениальные произведения северного модерна представлены в Санкт-Петербурге – они поражают сво-

АНДРЕЙ СЕМАШКО

ей сложностью, столичным размахом. В Выборге – иначе. Тут все скромнее, но ничуть не менее интересно, а мотивы скандинавской мифологии в декоре придают местным памятникам особое очарование.

Вот, например, Дом Лаллукки. Введен в 1906 году по проекту Аллана Шульмана. Суров и строг. Издали взглянешь – розово-серая глыба, скала, грубо вытесанное нечто, лишенное даже намека на украшательство. Разве что геометрия притягательна: она какая-то очень естественная, будто сотворенная самой природой. А подойдешь ближе – то тут, то там послание. В камне вырезаны рисунки. Северные цветы, совы, рыбы, сюжеты из «Калевалы». Или «Гранитный дворец», построенный в 1908 году. Та же природная асимметрия, та же мрачность, но какая композиционная сложность! И опять притаившийся, нечаянный, как подарок, иногда жутковатый орнамент – дикие цветы, шишкы, бараньи и козы головы. А вот в Ведьмином доме 1898 года как будто вообще ничего нет – никаких шифров, никакого подтекста. Просто милая, наивная стилизация, довольно заурядное сме-

Ведьмин
дом похож
на плоскую
театральную
декорацию,
но это иллюзия

«Гранитный
дворец»
выглядит
так, будто
его вырезали
из скалы

шение неоготики и модерна. Дом прост и ярок, как театральная декорация. И такой же, как декорация, плоский, хотя это оптическая иллюзия: после реставрации не стали восстанавливать скаты крыш, постелили кровлю параллельно перекрытиям – вот дом и потерял в объеме. Легенды, связанные с домом, не будоражат воображение: их будто бы наспех сочинили в угоду неискущенному туристу – что-то про виде-

ния рыжей женщины с котом, что-то про распри соседок. А все равно дом привлекает внимание, хочется вокруг него ходить кругами, найти наконец тайну и разгадать ее.

За относительно молодым культурным слоем модерна скрываются другие. Например, пластины XVI века. Правда, разглядеть в некоторых старейших памятниках Средневековье, к которому привыкло наше сознание, трудно. Ведь сохраняется чаще

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Памятник маршалу Торгильсу Кнутссону – именно ему обязан Выборг своим основанием

то, чему еще при создании отводится особая роль: дворцы вельмож, мощные замки, соборы. А в Выборге одним из древнейших образцов давних времен, дошедших до наших дней, является, например, обычный Дом горожанина XVI века. И выглядит он, вы не поверите, как дом самого типичного обывателя XX столетия. Разве что потрепан изрядно. Но в нем до сих пор живут обычные люди.

Интересен Костел Гиацинта (Рыцарский дом). Построен он также более четырехсот лет назад. И даже чем-то похож на Дом горожанина, но, конечно, по-

опрятнее. Странным образом он напоминает, скорее, новгородские или псковские палаты городского сановника средней руки. Наверное, потому, что изначально он проектировался тоже как дом для жизни, а не для служения Господу. Хотя периодически его арендовала церковь. Иногда тут селились купцы. При Екатерине II здание было пожаловано Дворянскому собранию, и вот тогда-то его и стали называть на шведский манер Рыцарским домом. А в 1799 году по указу Павла I здесь разместился приход Святого Гиацинта.

Часовая башня отмеряет время в городе с 1660 года

К тому же периоду относится Часовая башня. Она стройна и бела, как невеста, но прогуливаться рядом с ней грустно. Башня возвышается над руинами Выборгского кафедрального собора XV века, уничтоженного во время советско-финской войны. Собственно, когда-то она была колокольней собора. Развалины не разбирают, собор не восстанавливают. Пока решено законсервировать руины.

Зато торжеством идеи вечного возрождения является, пожалуй, выборгская Ратуша, выдержанная в стиле неоренессанса. Она не раз горела, не раз разрушалась под обстрелами и бомбардировками во время войн, но каждый раз возвращалась к жизни. И сегодня это, наверное, самое праздничное здание города – яркое и пышное. Рядом с Ратушей установлен памятник Торгильсу Кнутссону – основателю Выборга. Что бы ни происходило, какие бы войны ни сотрясали мир, куда бы ни переносились на картах мира границы, любой город несокрушим, пока в нем живут люди, помнящие его историю и дорожащие его будущим. Гений места не подчиняется ни политике, ни сиюминутным интересам сильных мира сего.

Выборгская Ратуша – самое нарядное здание города

ЧУДО У ВОДЫ

Монрепо – совсем не средневековая история, конечно. Этот чудный пейзажный парк выдержан в духе романтизма, и средневековые мотивы здесь сохраняются как отвлеченная идея. Да, идея изначально заимствованная, но переосмыщенная и обогащенная. Выборг – шведский, финский, немецкий и русский город, а Монрепо – сокровище исключительно русское и в то же время вненациональное. В нем, как по Достоевскому, отразилась всемирная отзывчивость русской души.

Хотя вообще-то осваивали территорию острова Твердыши преимущественно немцы. В Выборге их было много еще со времен расцвета Ганзы. В XVI веке им была выделена часть острова под скотный двор. В 1760 году эти земли были отданы в потомственное пользование коменданту Выборгской крепости Петру Ступишину. Он и придумал создать у воды чудесный парк – Шарлоттенхайм, назвав его в честь любимой супруги немки. Ступишин облюбовал небольшой холм, выровнял его и поставил на нем деревянный усадебный дом, а вокруг разбил фруктовый сад с оранжереей. Однако больше ничего первый хозяин сделать не успел, да еще и влез в большие долги, поэтому наследники усадьбу продали. А новым владельцем земли стал брат Марии Федоровны, супруги императора Павла I, – принц Фридрих Вильгельм Карл Вюртембергский. Он и дал месту название «Монрепо», что значит «Мой покой», «Место моего отдыха». Но насладиться здесь покоем принц не успел, из-за конфликта с императрицей Екатериной II в 1786 году он покинул Россию. А в 1788-м Монрепо приобрел секретарь Марии Федоровны, немецкий поэт, будущий президент Императорской академии наук в Санкт-Петербурге Людвиг Генрих фон Николаи. С этого времени и берет отсчет славная история парка.

Парк

«Монрепо» – лучшее, что когда-либо случилось с Выборгом

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ/РИА НОВОСТИ

Северная природа имеет особую притягательность, ее красота не криклива, она – тихое достоинство, в ней сила стихии

Людвиг Николаи и его сын Пауль превратили дикий скалистый и лесистый берег залива в настоящий северный эдем. Дом предыдущего владельца перестроили в маленький изящный дворец. А чтобы форма не преобладала над содержанием, рядомозвели Библиотечный флигель, ставший позже одним из крупнейших частных книгохранилищ Великого княжества Финляндского. В нем насчитывалось почти 10 тысяч томов.

Дело, впрочем, не только в количестве – важна история. Свою коллекцию Николаи стал собирать, еще будучи студентом Страсбургского университета, помогал ему в этом литератор и музыкант Франц Лафермьер. Собрание товарищи назвали «Библиотека двух друзей» и договорились, что в случае смерти одного из них второй унаследует все книги. Однако позже, став отцом, Людвиг расторг этот договор, завещав собрание сыну.

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ/РИА НОВОСТИ

Суровый север
и античные
мотивы –
очень
интересное
сочетание

АНДРЕЙ СЕМАНКО

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ/РИА НОВОСТИ

И Пауль не подвел – он увеличил коллекцию отца. Серьезным преобразованием подверглось пространство вокруг усадебного дома. Границы пейзажного парка существенно расширили, чтобы вместить все, о чем мечталось, – павильоны, гроты, скульптуру. Боль-

шинство из задуманного воплощать пришлось Паулю Николаи. И он исполнил отцовскую волю, как примерный сын: установил в парке обелиск погибшим в сражении с Наполеоном братьям де Бройль, скульптуру героя финского эпоса Вяйнямёйнена, павильон источника

Вяйнямёйнен,
кажется,
вот-вот оживет
и зазвучат струны
его кантеле

Беседка
Нептуна проста,
но изящна,
она и не
думает спорить
с красотой
и величием
природы

Нарцисс, капеллу Людвигсбург, неоготические въездные ворота. С каждым памятником связана какая-нибудь необычная история или легенда.

Предание о роднике, позже названном в честь погибшего от собственной красоты эллинского юноши, Людвиг Николай рассказал в своей поэме «Имя Монрепо в Финляндии. 1804». Жила когда-то прекрасная нимфа Сильмия, в которую был влюблен пастух Ларс. Но Сильмия не замечала его чувств. День за днем проливал Ларс горькие слезы, так что совсем ослеп от горя. После этого друг Ларса рассказал все нимфе. Узнав, причиной каких бед она стала, Сильмия обратилась к Солнцу с просьбой исцелить несчастного. И в тот же миг из скалы забил родник. Ларс умылся целебной водой и прозрел. Тогда он бросился искать Сильмию. Но не нашел. Она и превратилась в источник.

При чем тут Нарцисс? Ну, собственно, изначально родник носил имя Сильмии. Переименовали его гораздо позже. Видно, древнегреческая мифология была посетителям парка все же известнее. К тому же источник Нарцисс сочетался с павильоном, посвященным римской богине Пиетас и украшенным скульптурой Нептуна. Изначально павильон назывался Храмом благочестия, но позже был переименован в Храм Нептуна. Благочестие – это идея, а Нептун – стихия. А тут

правит она. Белоснежный павильон возвышается на небольшом холме, окруженном водой. Здесь перешептываются друг с другом волны, ветер качает кроны сосен и хранят тайны вечности огромные валуны...

Главное украшение парка – капелла Людвигсбург. Она находится на небольшом скалистом острове. В своей поэме Николай-старший именно здесь заточил в замке шведского короля Эрика XIV. Согласно фантазии поэта, именно тут он провел последние десять лет жизни, а потом умер и превратился в привидение острова. В действительности покой тут обрел сам Людвиг Николай, а затем и его сын с женой – гранитный остров стал семейным некрополем. Склепы разместили в скальных углублениях.

А на вершине утеса белеет неоготическая капелла, увенчанная четырьмя башенками. Интересно, что она выдержана в романском духе, а вид с нее открывается на Долину Китай. Китайские мотивы в Монрепо органично сочетаются с античными, немецкими, финскими. В стилистике Поднебесной выполнены мостики, беседки, зонтики, скандинавские черты представляют скульптуры парка, а за древние Грецию и Рим отвечают Нарцисс и Нептун. И обрамлением всех этих дивных творений рук человеческих служит изумительная северная природа: огромные каменные глыбы, поросшие мхом утесы и гордые сосны.

Монрепо принадлежал потомкам рода Николаи до Второй мировой войны, по окончании которой Выборг вошел в состав Советского Союза. Парк был национализирован. После войны старая усадьба переживала далеко не лучшие времена: здесь размещались база отдыха, детский сад, флигель превратился в многоквартирный жилой дом, многие постройки были разрушены, деревья вырублены. Только в 1960 году парку присвоили статус памятника истории и культуры Республики

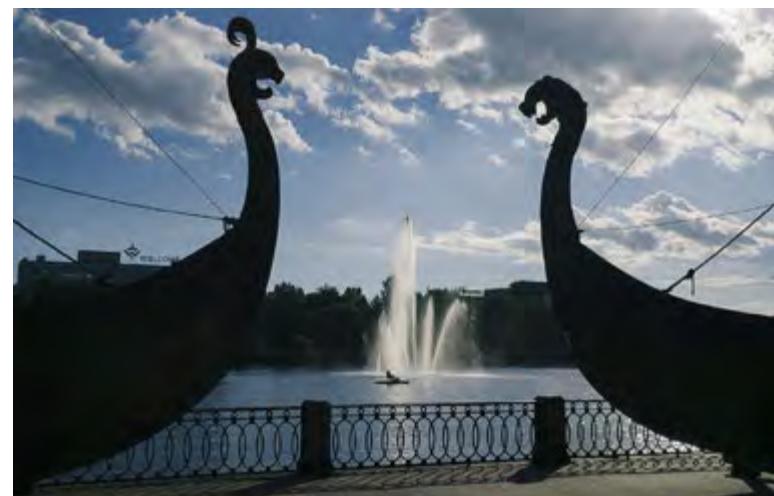

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Капелла
Людвигсбург –
дань мрачному
романтизму

канского значения, а в 1988-м – статус музея-заповедника. Масштабная реставрация началась и того позже – большая часть Монрепо была полностью восстановлена лишь в 2022 году. Зато теперь красота! Можно часами гулять по аллеям, любоваться заливом, в усадебном доме открыт музей, в Библиотечном флигеле проходят лекции и временные выставки.

Словом, тут и услада глазу, и духовная пища – форма и содержание вновь обрели гармонию. Такой же гармонии хочется пожелать и всему Выборгу. Ведь многие памятники еще ждут реставрации, некоторые улицы нуждаются в благоустройстве: время не щадит город. Но чем он старше, тем более ценен. И тем более заслуживает трепетного отношения. ☺

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВРИЯ НОВОСТИ

Дух Выборга –
водная стихия

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/PN363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспотрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru